

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ - 1977

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О _ Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСҚАҚОВ,
С. Қ. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. ҚОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН ҚАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. П. ВОЛОДИН, В. С. ХРАКОВСКИЙ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТИВА

(НА МАТЕРИАЛЕ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ)

В настоящей статье дается функционально-типологическая характеристика императивной парадигмы глагола и фиксируются специфические черты, отличающие императивную парадигму от индикативной. Исследование проведено с помощью методов грамматики порядков¹.

1.0. В лингвистике как будто бы не вызывает споров высказанная Р. Якобсоном еще в 1932 году мысль о том, что «подлинный императив обособляется от остальных глагольных категорий»², однако вопрос о строении императивной парадигмы и критериях ее выделения все еще является предметом дискуссий. В соответствии с традиционной точкой зрения принято считать, что содержательно формы императива отражают ситуацию апеллятивного общения (побудительную ситуацию), включающую двух участников: говорящего и слушающего, причем формы императива, в отличие от форм индикатива, отражающих ситуацию повествовательного общения, обозначают не процесс, не действие, а волю говорящего относительно совершения действия. Характерной для этого подхода является следующая трактовка: «Формой императива говорящий (А) призывает собеседника (В) выполнить действие, выраженное глаголом: *Дай книгу!* Важно при этом, что оба собеседника являются не только участниками речевого акта, но одновременно и единственными лицами, так или иначе затронутыми содержанием высказывания: А „возлагает” действие на В. В императиве исключается „третье лицо”. Поэтому сочетания типа *Пусть он придет, Пускай он даст* и т. п. не могут быть признаны формами императива. В этих сочетаниях говорящий А обращается к собеседнику с призывом, относящимся к третьему лицу (С)»³. Нетрудно заметить, что в рамках предложенной трактовки из императивной парадигмы должны быть исключены не только формы 3-го лица, но также и формы 1-го лица, поскольку ситуация апеллятивного общения, в которой оба участника речевого акта одновременно являются единственными лицами, затронутыми содержанием высказывания (А возлагает действие на В), описывается только с помощью форм 2-го лица. Подобная трактовка более или менее успешно может быть применена к языкам, где императивная парадигма включает только формы 2-го лица (например, пермские языки). Однако известны языки, в которых императивная парадигма включает, наряду с формами 2-го лица, также формы 3-го и 1-го лица — таковы чукотско-камчатские, эскимос-

¹ А. П. Володин, В. С. Храковский. Типология морфологических категорий глагола (на материале агглютинативных языков). — В кн.: «Типология грамматических категорий». М., 1975.

² R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. Selected Writings, v. II. The Hague, 1971, стр. 10.

³ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словяцким, II. Братислава, 1960, стр. 477.

ско-алеутские, тюркские и многие другие. Для таких языков предложенное определение императива вряд ли пригодно.

Намечаются два пути преодоления существующей коллизии.

1.1. Первый путь — изменить семантическую трактовку императива таким образом, чтобы она позволяла учитывать формы всех лиц императивной парадигмы. По этому пути, хотя и не вполне последовательно, пошли авторы недавно вышедшей в свет академической «Грамматики современного русского литературного языка». Императив получает здесь следующее определение:

«Повелительное наклонение — это номинативное грамматическое значение, которое представляет действие как такое, которое должно осуществляться одним лицом в результате волеизъявления (побуждения, требования или категорической просьбы) другого лица, например: *сделай, принеси, приходи; пусть сделает, пусть принесет, пусть придёт*.

Значение волеизъявления выражается системой форм 2-го и 3-го л. ед. и мн. ч. и особой формой совместного действия во мн. ч. В силу характера своего значения повелит. накл. не образует форм 1-го л. ед. ч.»⁴.

Данное определение отличается от предыдущего тем, что в нем императивное значение понимается шире: императив включает не только прямое побуждение, когда слушающий одновременно является и исполнителем действия, к которому побуждает его говорящий (*сделай*), но также и косвенное побуждение, когда исполнитель не является слушающим (*пусть он сделает*). Таким образом, в рассматриваемом определении центр тяжести перенесен со слушающего на исполнителя, что, на наш взгляд, совершенно справедливо. Хотя данное определение и нуждается в уточнении, тем не менее, акцентирование исполнителя позволяет, как мы считаем, подводить под это определение любые формы, входящие в императивную парадигму, в том числе и форму 1-го лица единственного числа.

1.2. Второй путь связан с экспликацией утверждения, что структура плана содержания форм разных лиц в императивной парадигме различна. Эта мысль была высказана Р. В. Пазухиным, по словам которого «функция „личных форм“ императива отнюдь не сводится к тому, что они регулярно соотносят какое-то одно лексическое и модальное значение с различными грамматическими лицами субъекта действия... Поэтому содержательные отношения между „личными формами“ императива отнюдь не параллельны формальным отношениям между ними»⁵. Если принять этот тезис, то из него вполне логично следуют два вывода:

а) в принципе невозможно дать общее определение императивного значения, под которое можно было бы подвести все формы любой императивной парадигмы;

б) императивная парадигма строится иначе, чем парадигмы других глагольных наклонений и вообще парадигмы форм любых других глагольных категорий.

1.3. Оценивая эти две взаимоисключающие точки зрения, мы полагаем, что принципиально правильным является первый путь, однако при этом необходимо учитывать и важные результаты, полученные в работе Р. В. Пазухина. Так, в частности, структура плана содержания «несомненных» наклонений, по справедливому мнению Р. В. Пазухина, имеет следующий вид: лексическое значение + «модальное» значение + лицо (подлежащего) + число. Иначе говоря, эта структура включает один

⁴ «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 355—356.

⁵ Р. Пазухин. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма. — «Studia Rossica Posnaniensia», 1974, 6, стр. 89.

предикат, называющий действие, и, как минимум, одного участника — исполнителя действия, а формы «несомненных» наклонений (индикатива или конъюнктива) организованы в парадигму и «соотносят какое-либо одно лексическое и „модальное” значение с разными лицами (всех чисел) субъекта действия»⁶. Что же касается структуры плана содержания императивных форм, передающих побудительную ситуацию, то она, по мнению Р. В. Пазухина, имеет следующий вид: говорящий (приказывающий) + отношение к будущей деятельности слушающего + лицо слушающего (исполнителя) + название вменяемого действия. Иначе говоря, эта структура включает два предиката и, как минимум, двух участников. Один предикат — это предикат побуждения, и, соответственно, один участник — это тот, кто побуждает к действию, то есть говорящий. Другой предикат называет действие, которое должно быть исполнено, и, соответственно, второй участник — это тот, кого побуждают к исполнению этого действия, то есть слушающий (исполнитель). Таким образом, структура плана содержания императивных форм явно отличается от структуры плана содержания форм других наклонений.

2.0. Предложенная трактовка плана содержания императивных форм значительно углубляет традиционную трактовку, но и она, с нашей точки зрения, нуждается в уточнении. Дело в том, что побудительная ситуация, выражаемая формами императива, является сложной или макроситуацией и состоит из двух простых или микроситуаций: первой, собственно побудительной или каузирующей микроситуации, и второй, каузируемой микроситуации⁷. Побудительная микроситуация, действительно выражаемая только формами императива, но отнюдь не индикатива, характеризуется двухместным предикатом побуждения, места которого занимает тот, кто побуждает (говорящий) и тот, кого побуждают (слушающий). Каузируемая микроситуация, выражаемая не только формами императива, но и формами индикатива (и других наклонений), характеризуется *n*-местным предикатом, в котором первое место занимает исполнитель (субъект) процесса или действия. Если принять такую трактовку плана содержания императивных форм, то из нее следует, что структура плана содержания императива действительно сложнее структуры плана содержания форм индикатива, но при этом закономерным образом соотносится с ней.

2.1. С учетом изложенного, очевидно, правомерно утверждать, что план содержания императивных форм обычно включает информацию: 1) о предикате побуждения, 2) о лице-числе побуждающего (говорящего), 3) о лице-числе побуждаемого (слушающего), 4) о предикате действия, которое должно быть исполнено, 5) о лице-числе исполнителя (субъекта) действия⁸. Каждая форма любой императивной парадигмы, судя по эмпирическим данным, передает специфическую информацию о лице-числе исполнителя действия; отдельные формы передают различную информацию о лице-числе побуждаемого (слушающего); но все они передают одинаковую информацию о предикате побуждения, о предикате действия, которое должно быть исполнено, а также о лице-числе побуждающего (говорящего) — это всегда 1-е лицо единственного числа.

⁶ Р. Пазухин. Указ. раб., стр. 88.

⁷ Ср.: В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. Типология каузативных конструкций. — В кн.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». Л., 1969.

⁸ Если в императивной парадигме, наряду с активными, имеются и пассивные формы, то в этом случае информация о лице-числе исполнителя (субъекта) заменяется информацией о лице-числе того участника ситуации, относительно которого ориентированы пассивные формы императивной парадигмы. Формы пассивного императива известны, например, в латинском, яванском и ряде других языков. Однако, поскольку в анализированных нами агглютинативных языках императивные парадигмы не содержат пассивных форм, то при дальнейшем рассмотрении они нами не учитываются.

Таким образом, известны все смысловые компоненты плана содержания императивных форм, как присущие всем формам и тем самым дающие основание для объединения форм в единую парадигму, так и противопоставляющие формы друг другу в пределах парадигмы. При этом существенно подчеркнуть, что как в индикативе, так и в императиве для противопоставления форм внутри парадигмы используется информация об одних и тех же компонентах, именно — о лице-числе исполнителя (субъекта) действия. Отсюда естественно следует вывод, что императивная парадигма строится на тех же основаниях, что и парадигмы других глагольных наклонений.

3.0. Мы исходим из того, что план содержания императивных форм имеет трехролевою структуру: 1) тот, кто побуждает (говорящий), 2) тот, кого побуждают (слушающий), 3) исполнитель действия, — и полагаем, что исполнитель может быть представлен каждым из трех лиц в единственном и множественном числе (как и в индикативе). В то же время говорящий может быть представлен только 1-м лицом единственного числа, а слушающий — только 2-м лицом единственного или множественного числа. Учитывая теоретически возможные комбинации значений лиц-чисел говорящего, слушающего и исполнителя, строится такая идеальная парадигма конъюнкций значений трех названных ролей, что каждой из этих конъюнкций в плане выражения могла бы соответствовать специальная императивная форма (см. табл. 1).

Таблица 1

№ конъюнкции	Лицо-число говорящего	Лицо-число слушающего	Лицо-число исполнителя	Примерное соответствие в плане выражения
1.	я	ты	ты	спой(ка) ты
2.	я	вы	ты	спой(ка) ты
3.	я	ты	вы	спойте(ка) вы
4.	я	вы	вы	спойте(ка) вы
5.	я	ты	он	пусть он споет
6.	я	вы	он	пусть он споет
7.	я	ты	они	пусть они споют
8.	я	вы	они	пусть они споют
9.	я	ты	мы (я + ты)	споем-ка мы = (я с тобой)
10.	я	вы	мы (я + ты)	споем-ка мы = (я с тобой)
11.	я	ты	мы (я + вы)	споем-ка мы = (я с вами)
12.	я	вы	мы (я + вы)	споем-ка мы = (я с вами)
13.	я	ты	мы (я + он)	споем-ка мы = (я с ним)
14.	я	вы	мы (я + он)	споем-ка мы = (я с ним)
15.	я	ты	мы (я + они)	споем-ка мы = (я с ними)
16.	я	вы	мы (я + они)	споем-ка мы = (я с ними)
17.	я	ты	я	спою-ка я
18.	я	вы	я	спою-ка я

Примечание: В таблице не учтены, как уже указывалось выше (см. сноску 8), формы пассивного императива; кроме того, не учтены также формы двойственного числа.

Эта идеальная парадигма (с учетом высказанных ограничений) состоит из 18 конъюнкций. Конъюнкциям 1—4 соответствуют формы 2-го лица единственного и множественного чисел; конъюнкциям 5—8 соответствуют формы 3-го лица единственного и множественного чисел. Конъюнкциям 9—18 соответствуют формы 1-го лица, причем конъюнкциям 9—16 — формы 1-го лица множественного числа, а конъюнкциям 17—18 — формы 1-го лица единственного числа. Все перечисленные группы выделены в табл. 1 горизонтальными чертами. Необходимость такого выделения связана с различиями между элементами ролевой структуры конъюнкций и их референтами.

3.1. В первой группе (конъюнкции 1—4) число референтов меньше числа ролей на единицу; вызвано это тем, что ролям слушающего и исполнителя соответствует один референт. Это вполне справедливо для конъюнкций 1 и 4 ($я+ты+ты$ и $я+вы+вы$ соответственно). В конъюнкции 2 референт исполнителя является частью референта слушающего, а в конъюнкции 3 — наоборот, референт слушающего является частью референта исполнителя.

3.2. Во второй группе (конъюнкции 5—8) число референтов равно числу ролей.

3.3. В третьей и четвертой группах (конъюнкции 9—18) положение сложнее. Наиболее сложная ситуация в третьей группе (конъюнкции 9—16), где референт исполнителя, во всех случаях частично совпадающий с референтом говорящего, образует совокупный референт либо со слушающим (конъюнкции 9—12), либо с «заскобочным» участником ситуации, 3-м лицом (конъюнкции 13—16). Эти расхождения связаны с наличием так называемого инклюзивного и эксклюзивного «мы», первое из которых, как известно, включает слушающего, а второе его исключает. Кроме того, сложность третьей группы вызывается также различием «мы», состоящего из «я+ты» (resp. «я+он») и «я+вы» (resp. «я+они»), то есть, грубо говоря, двойственного и множественного числа, хотя такое различие не имеет отношения к категории двойственного числа в индикативе⁹.

3.4. В четвертой группе (конъюнкции 17—18) ситуация проще, чем в третьей: число референтов равно здесь, как и в первой группе, двум — одного референта имеют говорящий и исполнитель.

4.0. От идеальной парадигмы естественно перейти к рассмотрению типов соответствий между нею и реальными императивными парадигмами различных конкретных языков; однако уже сейчас представляется возможным высказать некоторые предварительные соображения.

4.1. Конъюнкции 2 и 3, в которых либо референт исполнителя является частью референта слушающего, либо референт слушающего является частью референта исполнителя (см. табл. 1), очевидно, отражают прагматически неинтерпретируемые ситуации, вследствие чего эти конъюнкции в принципе не должны иметь соотносительных императивных форм.

4.2. Из трех ролей структуры плана содержания императивных форм ролями первого плана являются роли говорящего и исполнителя как основные компоненты микроситуаций, соединение которых дает императивную макроситуацию. По этой причине в плане выражения, очевидно, правомерно ожидать обозначения лица-числа говорящего и исполнителя. Роль слушающего, являющегося всего лишь посредником между говорящим и исполнителем, относится к ролям второго плана, в силу чего в плане выражения должно быть обозначено только лицо (всегда 2-е), но не число слушающего. На первый план эта роль автоматически выходит лишь в том случае, когда слушающий и исполнитель имеют одного референта: тогда в плане выражения, естественно, будет обозначено не только лицо, но и число слушающего (как, например, в конъюнкциях 1 и 4). Аналогичная ситуация возникает и в том случае, когда референт исполнителя состоит из референта говорящего и слушающего (как, например, в конъюнкциях 9 и 12).

4.3. Все эти соображения, из которых следует, что различие по числу слушающего в ряде случаев, по сути дела, иррелевантно в плане со-

⁹ Это подтверждает конкретный языковой материал (см. ниже, § 5.1). Да и в самом русском языке, где, как известно, нет двойственного числа, в императиве выделяются две формы 1-го лица множественного числа: *идем* ($я+ты$) и *идемте* ($я+вы$).

держания, позволяют «свернуть» идеальную парадигму до следующего вида (см. табл. 2).

Таблица 2

№ конъюнкции	Лицо-число говорящего	Лицо-число слушающего	Лицо-число исполнителя	Примерное соответствие в плане выражения
1.	я	ты	ты	спой(ка) ты
2.	я	вы	вы	спойте(ка) вы
3.	я	ты/вы	он	пусть он споет
4.	я	ты/вы	они	пусть они споют
5.	я	ты	мы (я + ты)	споем(ка) мы
6.	я	вы	мы (я + вы)	споемте(ка) мы
7.	я	ты/вы	я	спую(ка) я

Примечание: Здесь не учитывается также противопоставление инклюзивного/эксклюзивного *мы*, но сохранено противопоставление *мы* = я + ты/*мы* = я + вы. Эти ограничения связаны со спецификой конкретного материала агглютинативных языков, привлеченных к сопоставительному анализу на данном этапе работы.

Именно эту парадигму, состоящую из семи членов, мы будем сопоставлять с реальными парадигмами императивных форм, представленными в различных агглютинативных языках. Нами были исследованы императивные парадигмы финно-угорских, тюркских, палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков.

4.4. В результате анализа выявились парадигмы различных типов, различающиеся количеством морфологизованных членов. Уместно отметить, что во всех рассмотренных нами парадигмах, в полном соответствии с традицией, отсутствуют аналитические формы, хотя в принципе, с нашей точки зрения, такие формы, в случае их наличия и регулярного употребления, должны включаться в парадигму наравне с синтетическими формами.

5.0. Выявлены парадигмы следующих типов.

5.1. **Семичленная парадигма** (полностью соответствующая идеальной, представленной в табл. 2) обнаружена, например, в якутском языке¹⁰: 1. *бар* 'иди', 2. *барынг* 'идите', 3. *бардын* 'пусть он идет', 4. *бардыннар* 'пусть они идут', 5. *барыах* 'давай пойдем мы с тобой', 6. *барыабынг* 'давайте мы пойдем, пойдемте-ка', 7. *барыым* 'пойду-ка я'.

Парадигма аналогичного типа обнаружена также в некоторых тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийском, негидальском и эвенском.

5.2. **Шестичленная парадигма** представлена, например, в башкирском языке¹¹: 1. *бар* 'иди', 2. *барыбыз* 'идите', 3. *барһын* 'пусть пойдет',

¹⁰ Парадигма заимствована из работы: Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970. Формы конкретных парадигм здесь и далее приводятся в том же порядке и получают те же номера, что и конъюнкции идеальной парадигмы, приведенной в табл. 2.

¹¹ Парадигма заимствована из работы: А. А. Юлдашев. Башкирский язык. — «Языки народов СССР», т. II. М., 1966. Известно, что у тюркологов нет единого мнения относительно состава императивной парадигмы. Одни специалисты (например: Н. К. Дмитриев, С. К. Кенесбаев, А. Н. Кононов, П. М. Мелиоранский и др.) исключают из парадигмы либо обе формы 1-го лица, либо, чаще, только форму 1-го лица единственного числа, что мотивируется как семантическими соображениями («алогичность», «неестественность» самоприказания, самопобуждения), так и формальными причинами (генетически формы 1-го лица императива являются формами опатива). Другие ученые (например: Н. А. Баскаков, А. К. Боровков, Н. З. Гаджиева, Н. П. Дыренкова и др.), напротив, включают формы 1-го лица в императивную парадигму, также приводя семантическую и формальную аргументацию. По их мнению, самопринуждение, самоприказание, хотя ситуативно и редки, но вполне допустимы. Кроме того, они отмечают, что формы 1-го лица являются опативными лишь по происхождению, а в современных тюркских языках они функционируют почти исключительно как формы императива.

Мы принимаем точку зрения тюркологов, включающих формы 1-го лица в императивную парадигму.

4. *барһындар* 'пусть пойдут', 5, 6. *барайык* 'пойдемте-ка', 7. *барайым* 'пойду-ка я'.

В соответствии с разделяемой нами точкой зрения на тюркский императив, парадигма аналогичного типа обнаруживается в подавляющем большинстве тюркских языков; некоторые исключения перечислены ниже, в § 5.3. Кроме того, шестичленная парадигма представлена в нанайском (тунгусо-маньчжурская группа) и в субъектном глаголе чукотского и ительменского (чукотско-камчатская группа) языков. Парадигмы, построенные по тому же принципу, но дополнительно имеющие формы двойственного числа (как в индикативе, так и в императиве) зафиксированы в корякском, керекском, алыторском, эскимосском языках.

5.3. Пятичленная парадигма. Выявлены две разновидности пятичленной парадигмы, различающиеся тем, что в них отсутствуют формы, соответствующие разным конъюнкциям идеальной парадигмы.

5.3.1. Пятичленная парадигма I характерна, например, для казахского языка¹²: 1. *кел* 'приходи', 2. *келіңдер* 'приходите', 3, 4. *келсін* 'пусть он(-и) приходит(-ят)', 5, 6. *келейік* 'давайте придем', 7. *келейін* 'приду-ка я'.

Парадигма аналогичного типа обнаружена также в алтайском, каракалпакском и, вероятно, в тувинском языках¹³; в рассмотренных нами языках других групп она не отмечена.

5.3.2. Пятичленная парадигма II характерна, например, для финского языка¹⁴: 1. *syö* 'ешь', 2. *syökää* 'ешьте', 3. *syököön* 'пусть он ест', 4. *syökööt* 'пусть они едят', 5, 6. *syökäämme* 'давай(те) поедим'.

5.4. Четырехчленная парадигма. Выявлены также две ее разновидности, различающиеся тем, что в них отсутствуют формы, соответствующие разным конъюнкциям идеальной парадигмы.

5.4.1. Четырехчленная парадигма I характеризуется отсутствием форм I-го лица. В анализированных нами языках, различающих только единственное и множественное число, парадигма подобного типа не отмечена; однако она типична для самодийских языков, различающих единственное, двойственное и множественное число, например, как в селькупском языке¹⁵: 1. *томты* 'скажи', 2. *томнатыт* 'скажите', 3. *томнымтийсе* 'пусть он скажет', 4. *томнымтийсетыт* 'пусть они скажут'; наряду с этими, в парадигме имеются еще формы *томнылий* 'скажите вы двое', *томнымтийсети* 'пусть они двое скажут'.

5.4.2. Четырехчленная парадигма II характерна, например, для эстонского языка¹⁶: 1. *anna* 'дай', 2. *andage* 'дайте', 3, 4. *andagu* 'пусть он(-и) даст (дадут)', 5, 6. *andagem* 'дадим-ка мы'. Парадигма аналогичного типа отмечена также в вепсском языке (прибалтийско-финская группа).

5.5. Трехчленная парадигма, подобно пяти- и четырехчленной, выявлена также в двух разновидностях.

¹² Парадигма заимствована из работы: «Современный казахский язык. Фонетика и морфология». Алма-Ата, 1962.

¹³ Тувинская императивная парадигма может быть трактована и как шестичленная; ср. статью Ш. Ч. Сата по тувинскому языку в книге: «Языки народов СССР», т. II. М., 1966.

¹⁴ Парадигма заимствована из работы: Aarni Penttilä. Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1963.

¹⁵ Парадигма заимствована из работы: Е. Д. Прокофьева. Селькупский язык. — «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

¹⁶ Парадигма заимствована из работы: А. Х. Каск. Эстонский язык. — «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

5.5.1. Трехчленная парадигма I обнаружена в карельском языке (прибалтийско-финская группа)¹⁷: 1. *šapokko* 'скажи', 2. *šapokkia* 'скажите', 3. 4. *šapokkah* 'пусть он (-и) скажет (-ут)'.

5.5.2. Трехчленная парадигма II обнаружена в эвенском языке (тунгусо-маньчжурская группа)¹⁸: 1. *дўқлы* 'пиши', 2. *дўқларь* 'пишите', 5, 6. *дўққар* 'давай (те) напишем'.

5.6. Пример **двучленной парадигмы** демонстрируется на материале коми-пермяцкого языка¹⁹: 1. *мун* 'уходи', 2. *мунӧ* 'уходите'.

Парадигма подобного типа отмечается в следующих финно-угорских языках: коми-зырянском, удмуртском, саамском, хантыйском и мансийском (два последних, помимо единственного и множественного, имеют также двойственное число), а также в абхазо-адыгских языках (абхазском, адыгейском, кабардинском)²⁰.

6.0. Итак, эмпирическим путем выявлены императивные парадигмы девяти различных типов. Все эти типы сопоставлены в таблице 3, в которой показано также соответствие между формами парадигм и конъюнкциями значений идеальной семичленной парадигмы.

Таблица 3

Типы парадигм	№№ конъюнкций согласно табл. 2						
	1	2	3	4	5	6	7
1. Семичленная	+	+	+	+	+	+	+
2. Шестичленная	+	+	+	+	+		+
3. Пятичленная I	+	+	+		+		+
4. Пятичленная II	+	+	+	+	+		—
5. Четырехчленная I	+	+	+	+	—	—	—
6. Четырехчленная II	+	+	+		+		—
7. Трехчленная I	+	+	+		—	—	—
8. Трехчленная II	+	+	—	—	+		—
9. Двучленная	+	+	—	—	—	—	—

Анализ таблицы 3 позволяет сделать нижеследующие выводы:

6.1. Формами, представленными во всех девяти парадигмах, являются те, что соответствуют конъюнкциям 1 и 2 из идеальной семичленной

¹⁷ Парадигма заимствована из работы: Г. Н. Макаров. Карельский язык. — «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

¹⁸ Парадигма заимствована из работы: К. А. Новикова. Эвенский язык. — «Языки народов СССР», т. V. Л., 1969. Следует отметить, что в работе В. И. Цинциус и Л. Д. Рихес. Русско-эвенский словарь. М., 1952 — для эвенского языка устанавливается наличие императива настоящего и будущего времени. Парадигма императива настоящего времени трехчленная; парадигма императива будущего времени состоит из семи членов (ср. § 5.1).

¹⁹ Парадигма заимствована из работы: В. И. Лыткин. Коми-пермяцкий язык. — «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

²⁰ См.: М. А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, а также статьи по перечисленным языкам в книге: «Языки народов СССР», т. IV. М., 1967.

ной парадигмы, или, в обычных терминах, формы 2-го лица. Эти формы, таким образом, можно с полным правом характеризовать как центральные или парадигмообразующие. Тем самым остальные формы, представленные не во всех девяти парадигмах, могут быть охарактеризованы как периферийные.

6.2. В парадигмах, где число форм меньше семи, то есть меньше числа конъюнкций значений идеальной парадигмы — наряду со стандартными однозначными соответствиями типа «одна конъюнкция — одна форма» наблюдаются еще два случая соответствия между формами и конъюнкциями.

Первый случай — в парадигме нет формы, соответствующей какой-либо конъюнкции. Чаще всего это форма 1-го лица единственного числа: как показывает табл. 3, она отсутствует в шести случаях из девяти.

Второй случай — в парадигме есть форма, соответствующая сразу двум конъюнкциям. Это либо форма 1-го лица множественного числа (пять случаев из девяти, см. табл. 3), либо — форма 3-го лица (три случая из девяти, см. табл. 3). Следует отметить, что одна форма может соответствовать не какой-либо случайной паре конъюнкций, а только такой, в которой конъюнкции различаются лишь числом участников, вступающих в роли исполнителя действия (ср. §§ 3.1—3.4). Когда речь идет о 3-м лице, то двум конъюнкциям из идеальной парадигмы всегда соответствует немаркированная форма, то есть форма 3-го лица единственного числа.

6.3. По теоретическим соображениям исключается соответствие одной формы конъюнкциям 5, 6, с одной стороны, и 7 — с другой, хотя обычно форму, соответствующую конъюнкции 7, называют формой 1-го лица единственного числа, а форму, соответствующую конъюнкциям 5, 6, — формой 1-го лица множественного числа. Указанные конъюнкции действительно различаются между собой числом участников, репрезентирующих исполнителя действия: в конъюнкциях 5 и 6 исполнитель совокупный, а в конъюнкции 7 — единичный. Однако смысловые различия между рассматриваемыми конъюнкциями на этом не кончаются. Для них (5, 6, с одной стороны, и 7 — с другой) характерны разные типы соотношений между элементами ролевой структуры и референтами — поэтому в табл. 1 эти конъюнкции попадают в разные группы. Все рассматриваемые здесь конъюнкции объединены только тем, что говорящий и исполнитель имеют одного референта, и тем самым в конъюнкции 7 число референтов на единицу меньше числа ролей (ср. § 3.4). В конъюнкциях 5 и 6 совокупный референт представляет собой такую совокупность единичных референтов, в которых один соответствует говорящему, а другой (другие) — слушающему (или отсутствующему, 3-му лицу) (ср. § 3.3). Именно по этой причине форма, соответствующая конъюнкциям 5, 6, не может соответствовать конъюнкции 7.

6.4. Форма, соответствующая конъюнкции 7 (то есть форма 1-го лица единственного числа) входит в парадигму только в том случае, если в ней представлена форма (или формы), соответствующие конъюнкциям 5 и 6, то есть форма или формы 1-го лица множественного числа. Это обстоятельство позволяет сформулировать следующую эмпирическую универсалию: если в императивной парадигме есть форма 1-го лица единственного числа, то в этой же парадигме есть форма или формы 1-го лица множественного числа. Обратное — неверно. Данное правило, даже если оно окажется справедливым не для всех конкретных случаев, представляется теоретически весьма важным. Обычно глагольные, да и не только глагольные, формы множественного числа рассматриваются как производные по отношению к соотносительным формам единственного

числа. В соответствии с этим в императивной парадигме скорее можно было бы ожидать наличия форм единственного числа при отсутствии форм множественного числа. Однако имеет место обратная ситуация, свидетельствующая и о большей распространенности в императиве форм 1-го лица множественного числа сравнительно с формами 1-го лица единственного числа, и о смысловой независимости форм обоих чисел. В свете изложенного получает естественную интерпретацию следующий широко известный факт. Если в агглютинативных языках формы 2-го и 3-го лица множественного числа обычно отличаются от соотносительных форм единственного числа тем, что в плане выражения получают дополнительно специальный показатель множественного числа²¹, то соотносительным формам 1-го лица это несвойственно. Как уже отмечалось, причина этого состоит в том, что в плане содержания формы единственного и множественного чисел 1-го лица отличаются друг от друга не только количеством участников, выступающих в роли исполнителя, но и разными типами соотношения между элементами ролевой структуры и реальными исполнителями действия²².

6.5. Можно утверждать, что девять выявленных типов императивных парадигм исчерпывают все возможные варианты реализации их по самым различным языкам (разумеется, с учетом высказанных ограничений). Если в каком-либо языке нет категории двойственного числа, не различается инклюзивное/эксклюзивное «мы» и не выделяется пассивный императив, то императивная парадигма такого языка будет относиться к одному из вышерассмотренных девяти типов.

²¹ Именно поэтому при «свертывании» в императивной парадигме форм 2-го и 3-го лица репрезентантами соответственных пар конъюнкций значений выступают немаркированные формы единственного числа (ср. § 6.2).

²² Ср. в этой связи: «Уникальность и субъективность, присущие „я“, противоречат возможности плюрализации. Так как невозможно иметь несколько „я“, осознаваемых как „я“ говорящим, то „мы“ является не множеством единичных объектов, но некоторым сочетанием, состоящим из „я“ и „не—я“, каковым бы ни было при этом содержание этого „не—я“». [Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, стр. 267 (подчеркнуто автором)].

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Ж. М. ГУЗЕЕВ

ОРФОГРАФИЯ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ*

В карачаево-балкарский язык, как и в другие языки народов СССР, вошло большое количество слов, заимствованных из русского или через посредство русского языка. Однако проблема их правописания до сих пор еще до конца не разрешена. В справочнике орфографии карачаево-балкарского языка¹ данному вопросу отведено всего лишь 1—2 страницы (стр. 20—21). Здесь русские заимствования перечисляются без какой-либо научной аргументации. Между тем «разработка и совершенствование орфографии должны иметь научно-теоретическую базу», так как это, по справедливому замечанию К. М. Мусаева, «... прежде всего научная, исследовательская работа»². Думается, что затрагиваемые в данном сообщении проблемы орфографии карачаево-балкарского языка должны представить определенный интерес для орфографистов и других тюркских языков.

По традиции русские заимствования в тюркских языках принято делить на старые и новые. При этом к старым, как правило, относят дореволюционные, а к новым — послереволюционные заимствования. С нашей точки зрения, неправильно все послереволюционные русские заимствования квалифицировать как новые.

До 1920 года балкарцы и карачаевцы не имели своей национальной письменности. В этот период русские слова проникали в карачаево-балкарский язык только через разговорную речь, причем в незначительном количестве.

Приток русской лексики усиливается с момента появления письменности (1920—1925 гг.), введенной на арабской графической основе, а с 1925—1937 годов (у карачаевцев — с 1938 года) перешедшей на латинский, а затем — на русский алфавит. Естественно, однако, что основным каналом заимствования русских и интернациональных слов в этот период продолжал оставаться разговорный язык.

Однако, начиная с 1937—1938 годов, по нашим подсчетам свыше 90% всех русских заимствований проникало в карачаево-балкарский язык в основном через письменный язык.

* Под русскими заимствованиями в данной статье подразумеваются также интернациональные слова, заимствованные через посредство русского языка.

¹ Поскольку карачаевцы и балкарцы пользуются одним языком, нельзя признать правильным название нового справочника: «Орфография и пунктуация балкарского языка». (См.: «Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы». Нальчик, 1970).

² К. М. Мусаев. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских литературных языков Советского Союза. — В сб.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973, стр. 14.

Таким образом, к старым русским заимствованиям следует отнести русские и интернациональные слова, воспринятые карачаево-балкарским языком до появления письменности на русской графической основе, а к новым — те слова, которые появились с момента введения русского алфавита, то есть с 1937—1938 годов.

Старые русские заимствования осваивались балкарцами и карачаевцами в соответствии с фонетическими законами родного языка. Так, например, в карачаево-балкарском языке отсутствуют сочетания согласных *и* (*й*) в начале слова, нет категории рода и существительных, употребляемых только в форме множественного числа³, а также фонем (*в*), (*ц*), (*ц*), развит закон нёбного сингармонизма. В связи с этим для карачаево-балкарского правописания старых русских заимствований характерны: 1) появление протетического гласного между начальными сочетаниями типа *бр*, *пл* и т. д.: *бурус* 'брус', *гуржаба* 'кружево', *киристен* 'христианин||христианский', *пурустон* 'пристав', *палаток* 'платок', *пилта* 'плита'; 2) добавление протетического гласного перед начальными сочетаниями *сх*, *ст* и т. д.: *ысхот* 'сход, собрание', *истеп* 'степь'; 3) отпадение конечного безударного гласного (*а*): *салам* 'солома', *минут* 'минута', *капек* 'копейка', *конфет* 'конфета'; 4) употребление существительных, имеющих только множественное число, в форме единственного числа: *сутка* 'сутки', *дрож* 'дрожжи'; 5) замена несвойственных родному языку фонем фонемами родного, близкими русским по позиции и способу образования: *божа* 'вожжи', *самауар* 'самовар', *стансе* (карач.) 'станция', *жармалыкъ* 'ярмарка'; 6) проявление закона нёбного сингармонизма: *эреке* 'рейка', *машок* 'мешок', *тюрме* 'тюрьма', *десетин* 'десятина'.

В отличие от старых, новые русские заимствования, как уже отмечалось, проникают через письменный язык. Поэтому, если старые заимствования в карачаево-балкарском языке пишутся согласно их произношению, то новые заимствования произносятся в соответствии с их написанием. Следовательно, написание новых русских заимствований, особенно имен существительных, не вызывает никаких сомнений: они пишутся по правилам русской орфографии, например: *стол*, *трактор*, *металл*, *электричество*, *бригадир*, *борщ*, *социализм* и др. Однако в карачаево-балкарском языке имеется немало русских и интернациональных слов, особенно с конечным стечением согласных, написание которых еще не устоялось, то есть в одних случаях они представлены с добавлением протетического гласного, а в других случаях — без добавления. Примеры: *Ромб — жанлары тенг параллелограммды* («Русско-карачаево-балкарский словарь») 'Ромб — это параллелограмм, все стороны которого равны'. *Бичген кийизни ортасы да ромба формалыды* (газ. «Коммунизмге жол») 'И середина орнаментированного войлока ромбовидна'. *Алгъаракъда къып-къызыл косынка митингагъа, демонстрациягъа, жыйылыгъа... къатышхан тиширыулары баш кийимлери болуучу эди* (альм. «Шуёхлукъ») 'Недавно алую косынку носили женщины на митингах, демонстрациях, собраниях'... *Митингде студентлени халкъларалы союзуну вице-президенти Диак Моктар сёлешгенди* («Коммунизмге жол») 'На митинге выступил вице-президент Международного союза студентов Диак Моктар'. *Османны мураты моторну ишлетип, шланга бла сууну жана тургъан отха бурургъа эди* (М. Хапчаев. «Жанкылыч») 'Осман хотел завести мотор и направить струю шланга на пылающий огонь'. *Арнис шлангны алды да палубаны жууун теб-*

³ Исключение составляют слова: *Жетегейле* 'Большая Медведица', *Сарайгъанла* 'Малая Медведица', *кесекле* 'простуда' и др.

реди (альм. «Шуёхлукъ») 'Арнис взял шланг и начал мыть палубу'. *Бизни ёмюрге дери, 776-чы жылдан башлап, диск быргъаудан эришиу болуп тургъанды* (газ. «Ленинни байрагы») 'Начиная с 776-го года до нашей эры, проходили соревнования по метанию диска' и т. д.

Слова *ромб, митинг, шланг, диск, продукт, фонд, комбайн, рельс, ритм, нефть* носители карачаево-балкарского языка произносят как в данной форме, так и с аффиксацией, только с добавлением протетического гласного (*а*) или (*и*), например: *ромба, митинга, шланга, диска, продукта, фонда, комбайна, рельса, ритма, нефти*.

Правильное решение вопроса орфографии русских заимствований является одним из необходимых условий овладения русским языком. Известно, что «изображение фонемного состава слов одного языка с помощью фонетико-орфографических средств другого языка условно и допускает разные варианты»⁴. Еще Я. Гримм, говоря о правописании заимствований, возмущался: «... мы стараемся сохранять и произносить чуждые речения совершенно так, как они употребительны у того народа, от которого взяты; мы боимся нарушать верность чуждому слову, если как-нибудь переиначим его ударение, сократим в нем одну букву или изменим его род, и охотнее налагаем руку на самих себя, всячески насилюя прирожденный нам орган речи»⁵.

В настоящее время положение в корне изменилось. Все народы СССР наряду с родным языком изучают и русский язык, а многие из них этот язык избрали языком обучения. Поэтому ныне русский язык для этих народов не только не является «чужим», но стал вторым родным языком, что необходимо учитывать при разработке вопросов правописания русских заимствований. Следует учесть и совпадение алфавитов русского и тюркских языков, что значительно облегчает решение проблемы правописания русских заимствований.

Особые затруднения для балкарцев и карачаевцев вызывает правописание русских заимствований, оканчивающихся на сочетания согласных, особенно при дальнейшей аффиксации. До сих пор в карачаево-балкарской орфографии не решен вопрос о передаче на письме конечных сочетаний согласных даже в словах родного языка⁶. Поэтому решение проблемы правописания русских заимствований, оканчивающихся на сочетание согласных, тесно связано с закономерностями фонетического строя карачаево-балкарского и русского языков, с особенностями сочетаний звуков в каждом из них⁷. Так, например, тюркским словам, как правило, несвойственны следующие конечные сочетания: *мб, зм, мн, йн, лб, нг, ск, фть, лк, нд, кт, нск, йск, рск* и другие. Поэтому такие слова, как *ромб, комбайн, столб, митинг, киоск, нефть, рельс, фонд, продукт, Эйск, Курск*, балкарцы и карачаевцы обычно произносят с добавлением протетического гласного: *ромба, комбайна, столба, митинга, киоска, нефти, рельса, фонда, продукта, Эйске, Курске*. Хотя карачаево-балкарская орфография предлагает писать с прибавлением гласного лишь те заимствования, которые имеют конечные сочетания из трех согласных, и то только при аффиксации (*Смоленск — Смоленскеде* 'в Смоленске', *Курск — Курсккеде* 'в Курске', *Подольск — Подольскеден* 'из Подольска'⁸), приведенные из художественной литературы и периодической пе-

⁴ «Вопросы русской орфографии». М., 1964, стр. 21.

⁵ J. Grimm. Deutsche Grammatik, Bd. III, стр. 557 (Цит. по: К. М. Мусаев. Указ. раб., стр. 42—43).

⁶ См.: А. Ю. Бозиев. Орфография карачаево-балкарского языка. — В сб.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР», стр. 133.

⁷ М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 3; Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 274.

⁸ См.: «Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы», стр. 21.

чати примеры показывают, что гласные добавляются и при других не-свойственных карачаево-балкарскому языку конечных сочетаниях согласных.

Следует отметить также, что написание некоторых русских заимствований с нехарактерными конечными сочетаниями согласных освоено балкарцами и карачаевцами в соответствии с произносительными нормами родного языка, например: *столб* — *столба*, *пропуск* — *пропуска*, *киоск* — *киоска*. Проникшие же через русский язык такие иностранные слова, как *коммунизм*, *социализм*, *гимн*, *фильм*, пишутся в соответствии с русской орфографией. Это свидетельствует о том, что «основным принципом правописания заимствованных слов должен быть принцип учета степени освоения заимствований»⁹ и, следовательно, написание слов типа *ромба*, *митинга*, *диска*, *продукта* в приведенной форме правомерно.

В упоминавшемся справочнике по карачаево-балкарской орфографии ничего не сказано о присоединении аффиксов родного языка к заимствованиям, оканчивающимся на удвоенные согласные: *класс*, *металл*, *грамм* и др. Здесь следует указать на три случая: 1) присоединяемый аффикс начинается с гласного: *класс+ым* 'мой класс', *класс+ыбыз* 'наш класс', *металл+ы* 'его металл', *металл+ым* 'мой металл', *грамм+ы* 'один грамм (чего-либо)', *грамм+ын* 'одного грамма (чего-либо)'; 2) присоединяемый аффикс начинается с такого же согласного, на который кончается слово: *металл+ла* 'металлы', *процесс+сиз* 'без, вне процесса', *класс+сыз* 'без класса, вне класса'; 3) присоединяемый аффикс начинается на любой другой согласный: *класс+да* 'в классе', *грамм+ны* 'грамма', *металл+сыз* 'без металла'. Во избежание скопления трех одинаковых согласных, как в случаях типа *металл+ла*, *класс+сыз*, последний согласный основы, как правило, опускается. Что касается случаев типа *класс+да*, *металл+сыз*, *металл+ы*, *класс+ым*, а также безаффиксных *класс*, *металл*, *грамм* и т. д., то это в орфографиях разных тюркских языков находит различное решение, например, в туркменской: *металл* — *метал*, *металдан* 'из металла', *металы* 'его металл'; *класс* — *клас*, *класдаш* 'одноклассник', *класы* 'его класс'¹⁰; в казахской и башкирской: *металдан*, *металы*, *грамга* 'грамму', *грамнан* 'из грамма, по грамму', *грамы* 'один грамм (чего-либо)', но *грамм*, *металл*, *класс*¹¹; азербайджанской: *килограм*, *килограммыг* 'килограммовый', *грип*, *грипли* 'гриппозный, страдающий гриппом', но *кристаллик* 'кристальный, кристаллический', *металла* 'металлы'¹² в каракалпакской: *металл* — *металлдан* 'из металла', *класс* — *класста* 'в классе', но *класы*, *металы*¹³.

Наблюдения над печатной литературой карачаево-балкарского языка, а также проверка письменных работ учащихся и студентов на родном языке показывают, что балкарцы и карачаевцы усвоили написание слов типа *класс*, *металл*, *грамм* и т. д. по правилам русской орфографии, что, безусловно, следует отражать в правилах орфографии.

Ждет своего решения и вопрос правописания русских заимствований с конечным *ь* (мягким знаком) при аффиксации, например: *спектакль+да* 'в спектакле', *июль+гъа* 'к июлю', *ноябрь+де* 'в ноябре' и др. Орфография карачаево-балкарского языка предлагает сохранить конеч-

⁹ К. М. Мусаев. Указ. раб., стр. 47.

¹⁰ Б. Чарьяров. Орфография туркменского языка. — В сб.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР», стр. 215; «Туркменско-русский словарь». М., 1968.

¹¹ «Русско-башкирский словарь». М., 1964; А. А. Юлдашев. Орфография башкирского языка. — В сб.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР», стр. 89; С. К. Кенесбаев и другие. Орфография казахского языка. — Там же, стр. 110.

¹² «Азәрбајҹанҹа-русҹа лугәт». Баки, 1962.

¹³ Д. С. Насыров. Орфография каракалпакского языка. — В сб.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР», стр. 128.

ный *ь* при аффиксации лишь в следующих трех словах: *роль* — *рольну* 'роли', *рольда* 'в роли'; *руль* — *рульну* 'руля', *рульда* 'за рулем'; *толь* — *тольну* 'толя', *тольсуз* 'без толя'¹⁴. Совершенно непонятно, почему в следующих аналогичных случаях *ь* не сохраняется, например: *февраль* — *февралда* 'в феврале', *контроль* — *контролсуз* 'без контроля', *король* — *королну* 'короля', *патруль* — *патрулну* 'патруля', *патрульда* 'на патруль' и т. п. В результате подобных расхождений в правописании работники издательств очень часто допускают дублиеты типа *ролну*||*рольну* 'роли', *госпиталда*||*госпитальда* 'в госпитале' и т. д. Подтвердим это примерами из периодической печати и художественной литературы: *Актриса ол фильмде баш ролну ойнайды* («Коммунизмге жол») 'Актриса играет в том фильме главную роль'. *Хамитге рольну уллусу, гитчеси болмайды* («Коммунизмге жол») 'Для Хамита нет больших и малых ролей'. *Жукка улу машинасы бла госпитальда дежурна эди* («Ленинни байрагы») 'Сын Жукки со своей машиной дежурил в госпитале'. *Биз кечерни аллында госпиталдан чыкьгъандан сора ол мында, Нальчикде, солуп тургъан эди* («Шуёхлукъ») 'Перед нашим переселением после госпиталя он отдыхал здесь, в Нальчике'. *Магомет Кучуков ойнаргъа къатышхан спектакльни саны кёпдю* («Коммунизмге жол») 'Магомет Кучуков играет во многих спектаклях'. *Сёз нёгери сагъыш эте тургъунчу, мынга эки хакъсыз билет беригиз спектакльге къараргъа деп, Магомет театрда къагъытчыкъ жазады* («Шуёхлукъ») 'Пока собеседник думал, Магомет написал записку в театр с просьбой, дать ему (собеседнику) два бесплатных билета на спектакль'.

Авторы некоторых тюркских орфографий считают необходимым сохранить *ь* только при *л*, следукшем после твердого гласного, ссылаясь на то, что необозначение *ь* приводит к нарушению орфоэпии. Например, З. Бамматов пишет: «Если в подобных случаях *ь* не обозначать, то следовало бы *л* читать твердо, что нарушило бы орфоэпию этих слов (*ролда*, *февралда*)»¹⁵. А разве орфоэпия не нарушается при написаниях типа *ансамблде* 'в ансамбле', *спектаклде* 'в спектакле', *июнда* 'в июне', *июлда* 'в июле', *секретарны* 'секретаря' и т. д.?

Написание *ь* после буквы *л* при аффиксации (*толь* — *тольну*, *руль* — *рульда*) и необозначение его после других букв (*секретарь* — *секретарны*, *июнь* — *июнда*), на наш взгляд, следует рассматривать как непоследовательность в соблюдении правил орфографии. Это создает большие трудности при обучении учащихся балкарских и карачаевских школ русскому языку, потому что на уроках русского языка они должны писать *патрульный*, *госпитальный*, *октябрьский*, *июньский*, а на уроках карачаево-балкарского языка — *патрулну*, *госпиталда*, *октябрда*, *июнда*. Учитывая это, считаем целесообразным сохранять *ь* во всех случаях правописания русских заимствований в карачаево-балкарском языке, опуская его лишь перед аффиксами на гласную букву, например: *секретарь* — *секретары* 'его секретарь', *нефть* — *нефти* 'его нефти' и т. д.

¹⁴ «Малкъар тилни орфографиясы бла пунктуациясы», стр. 20.

¹⁵ З. Бамматов. Орфография кумыкского языка. — В сб.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР», стр. 168.

ОНОМАСТИКА

Б. И. ТАТАРИНЦЕВ

МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ТУВЫ

Под Северо-Восточной Тувой понимается часть территории Тувинской АССР, расположенная в бассейне р. Бий-Хема, а также в междуречье Бий-Хема и Каа-Хема до их слияния и образования р. Улуг-Хем (Енисей). Большая часть этой территории находится в границах современного Тоджинского района, где обитают носители северо-восточного, или тоджинского диалекта тувинского языка, сохраняющего и в настоящее время ряд специфических, во многом архаичных черт¹.

Значительным своеобразием отличаются также топонимия указанного региона и характерная для него географическая терминология², что во многом объясняется характером данной местности с ее горными ландшафтами, многочисленными реками, озерами, протоками, болотами и т. д., а также такими занятиями тувинцев-тоджинцев, как охота и оленеводство, требующими фиксации в памяти людей всех более или менее заметных географических ориентиров.

Одни из местных географических терминов, употребляемые в данном регионе (и, лишь отчасти, за его пределами) и находящиеся, как правило, отражение в топонимии, имеют соответствия в лексике целого ряда тюркских языков, в то время как соответствия других обнаруживаются главным образом в языках и диалектах сибирских тюрков и в памятниках древнетюркской письменности; единичные же термины, возможно, являются эндемичными для рассматриваемой местности и присущи только местному диалекту.

К числу первых следует отнести, в частности, слова *se:ŋ* ~ *si:ŋ* 'небольшой узкий и длинный хребет с крутыми склонами, постепенно понижающийся к краям', *xaš* 'невысокая гора, один из склонов которой — безлесный', *ja:zu* 'лесная поляна (обычно на берегах рек или озер)', *čul* 'маленькая речка или ручей с заболоченными, труднопроходимыми берегами, (ср. соответственно слова *seŋiŋ*, *qaš*, *ja:zu* ~ *čazu*, *jul* ~ *čul* в других тюркских языках). Однако в большинстве случаев ареал соответствий местных географических терминов Северо-Восточной Тувы довольно ограничен. Основная часть таких местных географических терминов рассматривается ниже с точки зрения их этимологии. Объем публикации не позволил включить в нее этимологические разыскания по отдельным из них. Так, установление этимологии термина *özdügen* ('большой ровный участок

¹ См.: З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

² Фактической основой для данной статьи послужили материалы по топонимии, собранные нами в Тоджинском районе летом 1972 года.

горной тундры', 'обширная безлесная равнина среди гор') является темой специальной статьи³.

Рассматриваемые ниже местные географические термины условно подразделяются на две группы (с соответствующими подгруппами):

I. Гидронимические термины (А. Названия протоков; Б. Названия горных рек).

II. Термины, характеризующие рельеф местности (А. Названия форм горного ландшафта; Б. Названия болот).

I. ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

А. Названия протоков

1) *bāl* 'очень короткий проток между двумя озерами, почти сливающимися друг с другом'. Можно предположить, что это слово связано с существительным *baγ*. Последнее имеет в тюркских языках довольно широкий круг значений, объединяемых, в частности, общим смысловым компонентом «то, что связывает, играет роль связующего звена». Учитывая вторичность долгот в тувинском языке, первоначальную форму существительного *bāl* можно представить в виде *baγ-(y)l*, где *-(y)l* — аффикс, при помощи которого образовались имена с диминутивным значением⁴. В настоящее время этот аффикс является мертвым формантом, но присутствие его прослеживается и в других тоджинских географических терминах: *artyl* 'низкий горный перевал; седловина' (ср. общетув. *art* 'горный перевал') и, возможно, *čemil* (см. о нем ниже). Исходя из сказанного, семантику слова *bāl* (<**baγyl*) можно приблизительно передать как «маленькое (короткое) связующее звено».

Судя по материалам З. Б. Чадамба, в тоджинском диалекте имеется также слово *bāl* в значении «седловина»⁵, что фактически означает «связующее звено между горами». Поэтому следует считать, что *bāl* — слово многозначное и может быть как гидронимическим термином, так и термином, характеризующим рельеф местности. Тув. *bālyq* 'седловина' является, по всей вероятности, производным от *bāl* в том же значении.

2) *taŋmaq* 'проток с быстрым течением, соединяющий два озера или озеро с рекой' (как правило, такие протоки имеют значительную длину). В современном тувинском языке есть слово *taŋmaq* со значением «жабры (у рыб)». Эта семантика, как и фонетический облик слова, носит явно вторичный характер. В современных и древних тюркских языках слово *taŋmaq* (> тув. *taŋmaq*) ~ *tamaq* означает «горло, глотка». Кроме того, в смысловом объеме этого слова, как и ряда других названий частей тела, в некоторых языках отмечено и значение географического термина: ср., например, башк. *tamaq* 'устье'⁶. Подобная же связь значений существовала и в смысловой структуре слова *taŋmaq* > *taŋmaq*⁷. [При этом, правда, остается не вполне ясным характер отношения последнего к достаточно близкому к нему по своей семантике слову *taŋqa* 'рукав', 'приток реки'; 'небольшая речка, ручеек'; 'залив', отмеченному в словаре Махмуда Кашгари (ДТС, 530)].

³ На эту тему автором был сделан доклад на конференции по тюркской лексикографии (Москва, март 1975 г.).

⁴ См.: А. Н. Кононов. К этимологии слова *огул* 'сын'. — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова». М., 1958, стр. 178.

⁵ З. Б. Чадамба. Указ. раб., стр. 88.

⁶ А. А. Камалов. Гидронимия Башкирии. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1969, стр. 5.

⁷ G. Clauson. An Etimological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, стр. 505.

3) *mö:n* 'глубокий проток с очень медленным течением (или даже вовсе без него), соединяющий два озера или озеро с рекой'. Возможно, это слово, как и предыдущее название, связано своим исходным значением с названием части тела, на что указывали и сами информанты: *mö:n* — по-тувински 'двенадцатиперстная кишка'. Можно сопоставить с ним кирг. *bö:n* ≈ *mö:n* *id*, др.-тюрк. *bükān* 'слепая кишка'. Последние, в свою очередь, являются производными от глагола типа *bük- ~ büg-* (или *bök- ~ bög-*) со значениями «сгибаться» (ДТС, 132) или «гнуть, сгибать»; «крутить, вить» (как, например, в турецком языке), так же, по-видимому, как и др.-тюрк. *bükā* 'большая змея' (ДТС, 132). Тув. *mö:n*, как и его киргизский эквивалент, восходят к этимону с исконным интервокальным *g* (**bögän*), поскольку **k* > *g* должен был бы, скорее всего, сохраниться, как это наблюдалось, например, в явно связанных с указанным глаголом тувинских словах *möŋgeŋ* 'горб верблюда' и *möŋgej-* 'наклоняться; кланяться', которые следует считать монгольскими заимствованиями (ср. ст.-письм. монг. *böke(n) ~ bökö(n)* 'горб верблюда' и *bököj-* 'гнуть, сгибаться; наклоняться; сгибать спину').

Вместе с тем этимология слова *mö:n* как местного географического термина может отличаться от этимологии *mö:n* — названия части тела. В связи с этим обращает на себя внимание такой семантический признак первого из них, как «концентрация, скопление, существование в большом количестве» (в данном случае — о воде). Сходный признак можно уловить и в части значений глагола (например, в таких, как «вить», «складывать»). Этот признак особенно заметен в форме пассива, как в тур. *büküp-* 'корчиться (от боли)'; 'собираться, скапливаться (о воде)'. По своей семантике и внешнему облику к нему близок другой глагол, в частности, др.-тюрк. *bök-⁸* 'запруживать, перекрывать'; 'собирать' (ср. его страдательно-возвратную форму *böklüp-* 'скапливаться (о воде)'; 'собираться (о войске)', тур. *büge- ~ böge- ~ böje-* 'перегораживать воду').

Местный географический термин *mö:n* может восходить к одному из двух указанных глаголов в форме **bög(e)-* (со значением скопления, концентрации) и в таком случае он представит собой существительное, образованное при помощи аффикса *-n⁹*.

В тувинском языке имеется также прилагательное *mö:ŋ* со значениями «сосредоточенный, скученный», «оптовый», означающее в сочетании с существительным *суу* ('вода') 'водоем' и представляющее собой, возможно, образование того же типа, что и *mö:n*, в качестве местного географического термина, хотя в случае с *mö:ŋ* наиболее вероятно монгольское заимствование: ср. совр. монг. *бөөн*, ст.-письм. монг. *böget* 'куча'; 'комок, рой'; 'гурьба'. В свою очередь монгольские слова явно имеют смысловую связь как с рассмотренными выше тюркскими глагольными основами, так и с образованными от них именами, возможно, являясь тюркскими заимствованиями в лексике монгольских языков.

Б. Названия горных рек

1) *systy* 'небольшая горная река с родниковым питанием; родник, ключ'. Слово образовано от тюркской глагольной основы *sys- ~ syz-* 'просачиваться, сочиться' с помощью дериватива *-ty*. Соответствие этому местному географическому термину имеется в тофаларском языке, где

⁸ Он же фиксируется в форме *bög-*. См.: G. Clauson. Указ. раб., стр. 324.

⁹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 332—337.

systy — 'вечнозеленая трава (растет у истоков ключей)'¹⁰. Ср. также азерб. syzynty 'сочающаяся, стекающая по каплям жидкость', где -(y)nty — по-видимому, составной формант, в котором -(y)n- возводится к показателю возвратного залога¹¹.

2) *dilber* — этот термин относится к малоизвестным. Его семантика ясна лишь жителям поселка Ий. В частности, по словам информанта Ш. М. Ак'а, *dilber* — тоджинское слово (*tožu sös*), означающее «длинный лоскут», «что-то, имеющее вид висящих лохмотьев», а также «узкая горная речка меньшей, чем *systy* (см. выше), величины». В этом плане характерно, что гидроним *Дильбер-Хем* (или, по картам, *Дюльбер-Хем*) относится как раз к бассейну реки Сысты-Хема¹². Информанты связывают слово *dilber* с глаголом *dil-* 'резать, разрезать, распиливать (вдоль)', имеющим соответствия и в других тюркских языках (ср., например, др.-тюрк. *töl-* 'разрезать на узкие полосы') и, таким образом, *dilber* можно представить в виде отглагольного существительного, образованного при помощи аффикса *-taγ ~ -ter*¹³.

Не исключено, что с рассматриваемым местным географическим термином или топонимом, образованным на его основе, как-то связано др.-тюрк. *tölber*, встречающееся в тексте одного из памятников енисейской письменности, найденного в Туве; семантика его интерпретируется по-разному (в частности, это слово считают этнонимом)¹⁴.

3) *ös* 'небольшая река, текущая в теснине (или по распадку)'. Значение этого слова понятно далеко не всем носителям диалекта, связывающим его с характером рельефа местности. *Ö:s* в качестве второго компонента входит в ряд гидронимов типа *Qadyr-Ö:s*, *Kara-Ö:s*, *Çol-Ö:s*, причем значения первых компонентов не всегда убедительно раскрываются в современной речи. Так, *çol* в последнем из них объясняется как «удача»; «счастье» [исходя из *çol* < ст.-монг. *žol*, тогда как здесь *çol* скорее представляет собой видоизменение тюрк. *jol* 'дорога' (возможно, 'тропа')]. К этому же слову восходит, по-видимому, компонент названия хребта в Тодже *Ayt-Colduy-Tajya* ('нагорье с лошадиной тропой'). Ср. также гидронимы *Başdyr-Ö:s*, *Xunuş-Ö:s*, *Çös-Ö:s*, относящиеся к бассейну р. Каа-Хем. Семантика их начальных компонентов местному населению неясна, и можно предполагать, что эти названия были даны носителями какого-либо иного тюркского, а не современного тувинского языка.

Что касается слова *ös*, то его следует сопоставить с др.-тюрк. *ögüz ~ öküz*, *ügüz ~ üküz* 'река', соответствия которого сохранились в сарыг-югурском языке (*ügüs*)¹⁵ и кызыльском диалекте хакасского языка (*üs*)¹⁶. По всей вероятности, родственными вышеприведенным словам являются чагатайское *ögü* 'открытое место в замерзших реках' (РСл., I, 1195), древнеуйгурское *ügü* 'вода... (als Element)' (РСл., I, 1810) и *ögän* 'ручей'. (Существует также парное слово *ögän ögüz* 'ручьи и реки' (ДТС. 379). Не исключено, что *ögüz* и другие родственные с ним слова восходят к глаголу *üg- ~ ük-*, *ög- ~ ök-* 'накапливать, собирать' и эволюция их семантики аналогична развитию слова *mö:n*.

¹⁰ В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 230.

¹¹ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 288.

¹² За пределами Тоджи эта река чаще всего именуется Сыстыг-Хем.

¹³ Об этом форманте см.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 196.

¹⁴ См.: Л. П. Потапов. Тюльберы енисейских рунических надписей. — «Тюркологический сборник, 1971». М., 1972, стр. 145 и след.

¹⁵ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 132.

¹⁶ Н. Г. Доможаков. Заметки о слове *үүс*. — «Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории», вып. 7. Абакан, 1957, стр. 184.

4) *šāp* 'маленькая речка, текущая по логу'; по другим объяснениям, *šāp* означает примерно то же, что и *oj* 'низина, лощина'; 'речка, текущая по ней'. Это подтверждает случай параллелизма географического названия, содержащего компонент *šāp*. Таковым является гидроним *Сеьди-Šāp*, или *Сеьди-Oj* (*šēydi* 'семь') — общее название семи рек, притоков р. Азас. Термин *šāp* также принадлежит к числу малоизвестных для местного населения. По своей предполагаемой первоначальной семантике *šāp*, как и *oj*, — термин, относящийся к рельефу местности, но его этимология неясна.

II. ТЕРМИНЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ

А. Названия формы горного ландшафта

1) *aržy* 'узкое ровное место между подошвами гор', 'неширокое пространство суши между озер'. Судя по всему, это существительное, восходящее к глагольной основе *ag-* 'отделять' или 'проходить (по местности)'. Образован местный термин от формы совместного залога указанного глагола (*aryš-*) при помощи аффикса *-y* с последующей редукцией узкого гласного второго слога основы, что и дало *aršy* > *aržy* [по той же модели образовано, в частности, др.-тюрк. *körši* 'друг' — от глагольной основы *kögüş-* 'видеться' (ДТС, 665)].

2) *qazygυq* 'невысокая гора, один из склонов которой безлесный, крутой и с большой осыпью, а другие — покрыты лесом' (наиболее распространенное толкование); 'каменистая холмистая местность'. В современном тувинском языке слово *qazygυq* означает «чешуя (например, рыба)», а также «слой грязи (на коже)», то есть «нечто, образующее поверхностный слой, который может осыпаться». С этим словом по смыслу связан и местный термин *qazygυq*. Он явно тюркский (ср., в частности, якут. *хатыгυх* 'кора; чешуя', татар. *qajγy* 'кора, луб', а также др.-тюрк. *qas* 'кора, кожа' и, по-видимому, общетюрк. *qat* 'слой, ряд'). В качестве географического термина это слово в анализированных нами лексикографических источниках не встречалось.

3) *dis* 'невысокая гора с пологими склонами, сплошь покрытая лесом'. Этот местный термин, по-видимому, связан с названием части тела: *tis* ~ *tiz* (в тувинском языке в основном *diskek*) 'колено'¹⁷. В «Древнетюркском словаре» у слова *tiz*, кроме указанного, зафиксировано (правда, со знаком вопроса, как не бесспорное) также значение «возвышение, гора» (стр. 564). Семантика тоджинского термина может служить подтверждением правильности такого толкования данного слова.

4) *mē:s* в тоджинском диалекте означает «высокая гора, одна сторона которой покрыта лесом, а другая — голая, безлесная». Это слово имеется в тувинском литературном языке, но с иным значением: «солнечная (южная) сторона горы (не покрытая лесом)». В качестве географического термина (большой частью в последнем значении, но иногда и в обоих указанных выше) оно входит и в другие сибирские тюркские языки¹⁸. Что же касается его этимологии, то термин *mē:s* и его соответствия, по всей вероятности, восходят к тюркскому слову, существующему в вариантах *beñiz* ~ *meñiz*, *meñgiz* с первоначальным значением 'лицо'. Таким обра-

¹⁷ Ср. также выражение *dis qυgυpγa olur-* 'опускаться на колени; сидеть, опустившись на колени'.

¹⁸ Н. А. Баскаков. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. — «Топонимика Востока. Исследования и материалы». М., 1969, стр. 69.

зом, *mě:s* — это как бы лицевая, передняя часть горы (при южной ориентировке)¹⁹.

5) *sojaq* 'высокая заостренная вершина горы, выделяющаяся на фоне хребта'; 'скала, представляющая собой как бы заостренный боковой «отросток» горы' (по выражению одного из информантов, *qulaq uşqaş* 'вроде уха'). Слово имеется и в соседних тюркских языках; ср. тоф. *sojaq* 'сопка', алт. *sojoq* 'вершина горы', 'сопка'; по другим данным, термином *sojoq* называют очень высокую безлесную гору с конусообразной вершиной²⁰. О. Т. Молчанова считает, что *sojoq* образовано от глагола *soj-* в значении «сдирать, снимать (например, шкуру)», трактуя семантику термина как «то, с чего снято что-то, то, что раздето». Можно согласиться с тем, что *sojoq*, как и его ближайшие соответствия в других тюркских языках, по своему происхождению действительно связан с приводимым глаголом. Нельзя не вспомнить, что глагол *soj-*, кроме приведенного выше, имеет в некоторых тюркских языках значения «колоть, резать», «забивать (скот)», причем, судя по всему, именно эта семантика была исходной, первоначальной²¹. Не случайно поэтому, что существительными, производными от данного глагола, являются названия материальных объектов заостренной формы. Сравните, в частности, примеры из «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова: *sojya* [Kür.] 'наконечник стрелы', тур. *soja* 'средний палец с когтем у ловчей птицы', 'складной ножик', казах. *sojai* 'иглы хвойных деревьев, колючки', 'деревянная или костяная палочка с острым концом для прокаливания кошмы при шивании', 'палочка для чистки зубов' (РСл., IV, 514, 534—535), а также уйг. *soju çiş* 'клык'. В связи с последним примером привлекает внимание наличие в монгольских языках слов типа ст.-письм. монг. *sojuya*(n) 'клык', монг. *sojō* 'клык, бивень', 'росток' и т. п., явно связанных этимологически с соответствующей тюркской основой. Исходя из этого, можно предполагать, что первоначальное значение слова *sojaq* (~ *sojoq*) было связано с наименованием одного из подобных предметов (например, клыка) и в результате метафорического переноса возникло значение рассматриваемого местного термина, являющегося в сущности также названием объекта аналогичной формы (вершина горы, пик).

Б. Названия болот

1) *čemił* 'топь с поверхностью желтого или красного цвета, самое глубокое и опасное место в трясине (*čindirēš*)'; сопоставимо с якут. *žebe* 'жидкое болото', *žebege* 'вязкая, жидкая озерная или болотная грязь', *čäbägä* 'жидкая, липкая грязь', *jebege* 'болото, грязь, топь', *jabaga* 'топкая, липкая грязь' и *žabaga* 'жидкая грязь'. Ср., кроме того, тур. *čerel* 'темноцветный', 'грязный, запачканный, безобразный, низкий, мерзкий'; 'дурное время года, время дождей', *čerellik* 'дурное время года; грязное болотистое место' (РСл., III, 1995) и *čamug* 'глина, грязь, ил' (РСл., III, 1939), а также др.-тюрк. *jaba* 'мокрый, влажный', *jebāñ* 'сыпучий, топкий, вязкий' и *jebāñ jēg* 'сыпучие пески'; 'топкое место, трясина'.

¹⁹ Не случайно в тувинском языке горный лес получил название *аьгуа*, соответствующее общетюркскому *aqqa* 'спина'; 'затылок; часть спины между лопатками', а лесистый склон горы именуется *аьгуа talazu* (*tala* 'сторона').

²⁰ См.: О. Т. Молчанова. Пробные статьи к этимологическому словарю географических названий Горно-Алтайской автономной области. — В сб.: «Лингвистика и методика», вып. I. Ярославль, 1975, стр. 127.

²¹ Это может быть подтверждено, например, словарными материалами уйгурского языка, где семантическая структура глагола *sojmaq* представлена следующим образом: 1) «резать, закалывать»; 2) «снимать, сдирать (например, шкуру с животного, кору с дерева)» («Уйгурско-русский словарь». М., 1968, стр. 520).

Таким образом, тув.-тодж. *šeṃil* имеет внешнее и смысловое сходство со словами других тюркских языков как с переднерядной, так и заднерядной огласовкой. В начале зафиксированы как шипящая аффриката, так и [j], к которому, скорее всего, восходит и начальный согласный тоджинского местного термина. Аффриката [č] в анлауте тувинских слов, как правило, соответствует [j] (вероятно, исконному) в словах ряда других тюркских языков, а исконный тюркский начальный согласный [č] в тувинском языке также не сохранился, перейдя в [š]. Поэтому можно утверждать, что в начале упомянутого термина произносился [j].

Анализируемый материал позволяет считать *šeṃil* словом тюркского происхождения, хотя этимология его и восстанавливается лишь предположительно. Мы связываем ее с глаголом *je-* 'есть'; 'поглощать', от которого местный термин образовался при помощи аффикса *ma-* и, таким образом, **jeṃe* — это нечто поглощающее, пожирающее → трясина, топь. (Возможно, с этой же глагольной основой связано и др.-тюрк. *jeḃān*.) Конечный [l] в слове *šeṃil* можно считать таким же диминутивом, как и в ранее рассмотренном термине *bāl*: здесь данный аффикс показывает, что речь идет не о болоте в целом, а о небольшом его участке. Что касается гласного второго слова, то его особенность (узость) может носить и вторичный характер.

2) *dö:t* 'болото с маленькими озерцами и кочками'; имеет довольно близкое соответствие в якутском языке, где *düöde*, по одним данным, обозначает «место у леса и в лесу с мелкой порослью и местами с водой (буерак)», а по другим — «маленькое глубокое заболоченное озеро», «болото, марь»²². По-видимому, эти слова имеют общее происхождение, хотя не все различия в их внешнем облике вполне ясны, поэтому реконструировать первоначальный облик рассматриваемых соответствий можно лишь предположительно.

Поскольку в звуковом облике тоджинского местного термина содержится долгий назализованный гласный, данный термин должен непосредственно восходить к прототипу с интервокальным [ŋ] (*töŋüt*), однако этот согласный, возможно, не является здесь исходным, а, в свою очередь, восходит к [g] или чередуется с ним, на что указывают данные якутского языка. В последнем исконный интервокальный [ŋ], как правило, сохраняется, в то время как элизия [g] в этой позиции зачастую приводила к образованию в последующем дифтонга²³, наблюдающегося, в частности, в слове *düöde*.

Можно предполагать, что исходная форма тоджинского слова некогда выглядела как **töŋüt* (<**tögüt*?), где -(ü)t — аффикс, образующий отглагольные существительные²⁴. (Природа конечного гласного в якут. *düöde* не совсем понятна; возможно — это позднейшее добавление.)

Допустимо сопоставление данного слова с глагольной основой типа азерб. *dön-* (где $n < \eta$) 'возвращаться', 'вращаться', 'сворачивать, поворачивать', 'поворачиваться', 'переворачиваться', 'отступать', 'отказываться' и т. д. Сходную семантику имеет и глагол *dön-* в турецком языке. В памятниках древнетюркской письменности и некоторых современных тюркских

языках $\frac{t}{d} \ddot{o}\eta \sim \frac{t}{d} \ddot{u}\eta$ сохранился в качестве корневой морфемы произ-

²² Ср.: Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, 1958, т. I, стр. 758; «Якутско-русский словарь». М., 1972, стр. 120.

²³ Н. К. Антонов. О якутских односложных именных основах с долгими гласными и дифтонгами. — «Труды Института языка, литературы и истории», вып. 3 (8). Якутск, 1961, стр. 43 и след.

²⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования, стр. 279 и след.

водной глагольной основы: др.-тюрк. *töñder-* 'переворачивать', тув. *düñder-* 'переворачивать вверх дном; опрокидывать'. Производное от *töñ-* существительное (в частности, **töñüt*) вполне могло быть названием ненадежного природного объекта (как, например, болотная кочка под ногой), грозящего неприятностями при передвижении по нему, затрудняющего это движение, побуждающего делать повороты, обходы и т. п. Возможно, такая глагольная основа существовала и с конечным *-g* [ср., например, сарыг-югур. *toñurle- ~ togerle- ~ tögerle-* 'петлять (о лисице)'].

Глагольная основа *toñ- ~ döñ-* соотносится с именами, характеризующими такие природные объекты, которые как раз препятствуют нормальному продвижению вперед: тув. *döñ* 'бугорок, холмик'; 'большая кочка' (в других тюркских языках *töñ ~ döñ* означает «холм»), *döñgelik* 'болотная кочка', *döñ čeg* 'неровное место'.

3) *опуш* 'значительное по площади топкое болото с зыбкой поверхностью и большими участками открытой воды'; наиболее близкое ему соответствие обнаружено в тофаларском языке: *опуш ~ опуш* 'болото'. Ср. также шорск. *ojas* 'низменность, лог' и другие производные от глагольной основы *oj-* 'делать отверстие', 'выдалбливать', 'выкапывать' типа *ojuq, ojum, ojma, ojmaq* и т. д., имеющиеся во многих тюркских языках и связанные с номинацией всякого рода низменных мест, углублений, ям и т. п.

Э. В. Севортян считает, что некоторые глагольные основы, близкие по фонетическому облику и означающие «рыть, копать», «делать выемку» и т. д., образуют цепь параллельных форм *oğ- ~ ob- ~ oj-*, и возводит их к единой форме **oñ*.²⁵ Вместе с тем круг подобных основ в тюркских языках практически оказывается еще более широким и включает в себя основы, оканчивающиеся на большинство сонантов, хотя эти основы, возможно, и не гомогенны с предыдущими. Таков, в частности, глагол *ог-* 'рыть, копать' (и соотносительное с ним существительное *ог* 'яма', 'ров, канава')²⁶. В некоторых тюркских языках (например, в якутском) имеется глагольная основа *oñ-* 'вырывать, выкапывать' (ср. тув. *oñu* 'окоп', якут. *oñu* 'след', 'место, где остались следы того, как кони ходили или выбивали из-под снега траву после выпадения снега'). Существовала, по всей вероятности, и основа **ol-*, судя по таким образованиям, как др.-тюрк. *olıq* 'выдолбленное дерево', 'корыто', 'небольшая лодка', тат. *ılaq* 'желоб', 'лоток', 'колода', и подобным им²⁷. Все это заставляет предполагать существование в прошлом основы **op-* с семантикой, характерной для вышеприведенных основ, сходных с ней по внешнему облику. Производным от **op-* отглагольным существительным явился, в частности, местный термин *опуш*, образованный при помощи форманта *-š*.

Наряду с вышеприведенными местными географическими терминами, которые в большинстве своем можно считать тюркскими по происхождению (хотя и с разной степенью вероятности) и семантика которых в той или иной мере понятна современному тюркоязычному населению Северо-Восточной Тувы, в указанном регионе существует немалое количество географических названий, компоненты которых также восходят к местным терминам, однако местному населению они непонятны, хотя, по-видимому, также тюркского происхождения. Таковы, например, наименования гор со вторым компонентом *er*: *Demir Er* (*demir* 'железный'), *Dustu*

²⁵ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 233.

²⁶ Там же, стр. 413.

²⁷ См.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 451—452.

Ег (*dustuγ* 'соленый'), *Saγuγ* Ег (*saγuγ* 'желтый'), *S̄ynnuγ* Ег (*s̄ynnuγ* 'изобиливающий маралами, мараловый') и т. д.

Ег в таких топонимах можно сопоставить с др.-тюрк. *eg* ~ *ig* в значении «камень» или, с большей вероятностью, — с *eg* ~ *ig*, означающим «солнечная сторона горы» (ДТС, 175, 211). Последнее, в свою очередь, сопоставимо с рядом тюркских существительных со смысловой характеристикой типа «спуск», «склон», «изгиб» и т. д. и соотносительных с ними по внешнему облику и лексической семантике глаголов с основой, главным образом, на сонанты, что весьма напоминает ситуацию с корневой морфемой слова *опиш*, о котором говорилось выше.

Таковыми являются, в частности, *ej* 'край', *ij* (тув.) 'склон'²⁸, а также *ej-*, *eg-*, *ej-* 'сгибать' и подобные им²⁹. Кроме них, можно привлечь для сравнения такие слова, как др.-тюрк. *ep* 'спуск' и *ep-* 'спускаться, сходиться', *el* 'место около двери, противоположное почетному месту (= «низкое» место)' (ср. тув. *el* 'обрыв, яр') и *il-* 'спускаться, сходиться'. Ср. также заднерядное *al* 'низ, нижняя часть', 'пространство перед чем-либо' (ДТС, 32).

По всей вероятности, гомогенными с др.-тюрк. *eg* ~ *ig* 'солнечная сторона горы' являются также монгольские формы: ст.-письм. монг. *ergi*, калм. *erg*, монг. *ereg* 'берег'. К последним восходит тув. *erik* 'берег'. Современное население не осознает так же, как в слове *eg*, семантики компонента *d̄b̄v̄v̄i*, входящего в состав некоторых оронимов (ср. др.-тюрк. *t̄ör̄i* 'темя, макушка', 'вершина' и близкие его соответствия в других тюркских языках), а также значений других тюркских слов, к которым также восходят компоненты топонимов: *üḡüñ* в *Ür̄üñ Suγ*, *Ür̄üñ Eγ* и т. п. (др.-тюрк. *üḡüñ* 'белый, светлый'), *qadyš* в *Qadyš Xöl* (ср. *qadyš* и его закономерные соответствия в других тюркских языках со значением «ремень»: в данном случае узкое и длинное озеро названо так, вероятно, за свою форму), *Kündem Xöl* (др.-тюрк. *kündäm* 'солнечный').

Такое «забвение» семантики, возможно, указывает на то, что эти и подобные им слова принадлежали какому-то иному тюркскому языку. Оно может также свидетельствовать и о древнем происхождении некоторых топонимов.

Наличие в Северо-Восточной Туве целого ряда специфичных для нее местных географических терминов следует связывать с сохранением отдельных архаических черт как в тоджинском диалекте тувинского языка, так и в топонимии рассматриваемого региона, где ясно прослеживается древнетюркский субстрат. Он проявляется, например, в существовании топонимов, восходящих к словосочетаниям с глагольной формой на *-tuš* (вместо современного тувинского *-γap*), к числу каковых можно отнести названия небольших рек *Saγu Ölbüš* '[место, где] олень-производитель издох' и *Satruš* < *ja atmuš* '[место, где] из лука стреляли' или, возможно, 'где проводились состязания по стрельбе из лука'.

Можно полагать поэтому, что рассматриваемые местные географические термины большей частью входили в лексику древнетюркского языка (в его местном варианте).

²⁸ В Тодже *ij* (а также *ij talazu*) имеет значение «южный (безлесный) склон горы», в противоположность *аьгуа talazu* (см. выше, сноска 19).

²⁹ См. подробный индекс в «Этимологическом словаре тюркских языков» (стр. 330—332).

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. И. КУЗНЕЦОВ

О ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(К ВЫХОДУ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «КУРСА ТУРЕЦКОЙ ГРАММАТИКИ»)

Категории числа, склонения и принадлежности, которыми характеризуется турецкое имя существительное, не раз становились объектом пристального внимания языковедов. Последний по времени анализ этих категорий принадлежит С. Н. Иванову, автору «Курса турецкой грамматики» (часть I, изд-во ЛГУ, Л., 1975). Это учебное пособие уже рецензировалось в журнале «Советская тюркология» и получило лестный отзыв рецензентов¹. Новая работа С. Н. Иванова отличается высоким теоретическим уровнем, в ней изложена по сути дела совершенно новая общеметодологическая концепция исследования грамматических вопросов языка². Правда, не все положения новой теории кажутся нам в равной степени убедительными, однако критические замечания, высказанные в этой связи, могут в конечном счете способствовать завоеванию ею еще более прочных позиций, коль скоро автору удастся показать несостоятельность наших сомнений.

Эти последние касаются главным образом утверждения, выделенного нами курсивом в нижеследующей цитате: «... определение каждой грамматической категории и каждой грамматической формы должно быть научным понятием о ней с обязательным указанием на момент противоположности и на место данного явления в том общем ряду, в который оно входит». («Курс ...», стр. 78).

Диалектическая логика, положениями которой стремится руководствоваться автор пособия, видит противоречие прежде всего в процессе развития исследуемой сущности³. Думается, что уже самая многознач-

¹ См. рецензию: М. М. Мирзаев, А. Б. Абдуллаев, Э. Р. Киличев, Х. Г. Нигматов. С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть I. Грамматические категории имени существительного. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 96—101.

² С той оговоркой, что в первой редакции теория С. Н. Иванова была предложена в одной из более ранних работ («Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк». Ташкент, 1969), также получившей высокую оценку [см. рецензии А. А. Юлдашева в журналах «Вопросы языкознания» (1970, № 4) и «Советская тюркология» (1970, № 2)]. См. также: С. Н. Иванов. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6, стр. 101—109.

³ В этой связи позволим себе напомнить следующие положения: «... главная проблема познания — познание объективного мира в непрерывном движении, развитии и изменении» (М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., 1960, стр. 230). «Единство устойчивости и изменчивости вещи есть универсальное выражение внутренней противоречивости вещей. Устойчивость и изменчивость суть противоположности» (Там же, стр. 236).

ность большей части грамматических форм является на фоне безусловной однозначности любой инновации красноречивым свидетельством внутренней изменчивости и, тем самым, противоречивости грамматических единиц. Вкладывать в тезис о противоречивости сущности — имея в виду сущность грамматических явлений — какой-то иной, более весомый, смысл вряд ли необходимо.

Рассмотрим с этих позиций вопрос о так называемых «неоформленных» падежах в тюркских языках.

Современные исследователи, как правило, не признают неоформленных падежей (винительного и родительного). «Точки зрения о существовании в тюркских языках неоформленных падежей вслед за Н. К. Дмитриевым (30, 175) придерживается большая часть языковедов в тюркоязычных республиках. Каких-либо доказательств в защиту этой точки зрения сторонники ее не приводят, да их вряд ли можно найти» («Курс ...», стр. 19, сноска).

Здесь некоторое удивление вызывает ссылка на Н. К. Дмитриева, который, насколько нам известно, никогда не придерживался упомянутой точки зрения. На стр. 175 его «Грамматики кумыкского языка» действительно говорится о замене «оформленных падежей неоформленным», но в скобках при этом разъясняется: «(т. е. неопределенным)». Первым кто упоминал о неоформленных родительном и винительном падежах, был, по крайней мере среди отечественных тюркологов, А. Н. Самойлович⁴.

Хотя привести «доказательства» в пользу названной точки зрения действительно трудно, однако так или иначе обосновать ее, несомненно, можно. Используем в этих целях следующий гипотетический пример.

Представим себе язык, в котором появился *первый* падежный аффикс (тогда как до этого категория падежа вообще отсутствовала). Допустим, что им оказался показатель винительного падежа в категории определенности (типа персидского *l_ ga*). В то же время для обозначения прямого объекта в категории неопределенности, а также во всех остальных случаях, будет по-прежнему использоваться абсолютная (нулевая) форма имени. Очевидно, что в пространстве «минусового употребления» падежей постепенно образуется четко очерченная зона, где абсолютная форма — в значении прямого объекта в категории неопределенности — будет явным образом противопоставлена винительному падежу. Эту *значимую* нулевую форму можно назвать, в частности, винительным неоформленным падежом. На всем же остальном пространстве нулевая форма останется незначимой, иначе говоря, сохранит «минусовое» падежное значение. В дальнейшем появление новых падежных аффиксов и новых оппозиций, возможно, приведет к вычленению новых «неоформленных» падежей; в то же время в какой-то части синтаксических позиций нулевая форма имени может по-прежнему не стоять ни в какой связи с выражением падежных отношений. Этот взгляд, согласно которому одно языковое явление — и, в первую очередь, такое, как абсолютная форма — может заключать в себе различные сущности, по-видимому, и нашел отражение в грамматике А. Н. Самойловича и в некоторых других научных исследованиях и учебных пособиях⁵.

Перейдем к другим проблемным вопросам категории падежа. В § 23 и следующих автор анализирует значения основного падежа имени су-

⁴ См.: А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 105—109.

⁵ См., в частности: П. И. Кузнецов, Е. В. Сумин. Учебник турецкого языка (Основной курс). Кн. I. М., 1960 и 1970, стр. 41.

существительного как формы определения изафетного типа⁶. Он отмечает, что имя в значении родового названия «всегда представляет собой слово вне какой-либо актуализации или конкретизации, вне какого-либо соотношения с конкретным предметом данного класса, т. е. обладает отвлеченно-предметным (предметно-качественным) значением: *yatak odası* ... 'спальная комната'...» (стр. 19). Это утверждение, на наш взгляд, излишне категорично. Так называемый основной падеж еще раз проявляется здесь свою «многоплановость». По крайней мере в некоторых случаях оказывается возможным связать его с категорией неопределенности⁷, как это показывают следующие примеры: ... *kürk mantolu bir kadının portresi*... [S. Ali. *Kürk mantolu madonna*, Sofya, 1960 (в дальнейшем — К), стр. 46] '... портрет женщины в меховом мантио...'; ... *bir kaba hat işlerken yakalanmış küçük bir çocuk utangaçlığıyla*... (Y. K. Karaosmanoğlu. *Bir Sürgün*, İstanbul, 1945, стр. 19) 'со смущением маленького ребенка, попавшегося на какой-то проделке'; ... *bir ihtiyar sarhoş gözleri*... (там же, стр. 37) '... глаза старого пьянчуги...'.

И если С. Н. Иванов, возражая против точки зрения Н. К. Дмитриева, справедливо утверждает, что «форму родительного падежа в изафете принимают и имена существительные с показателем *bir*» (стр. 18), то значит перед нами еще одна ситуация, где выявляется «зона неуверенности» (см. стр. 84), и следует поставить вопрос о причинах, управляющих наблюдающимися «неточностями».

Эти причины, по-видимому, следует видеть в том, что родительный падеж, как форма выражения принадлежности, появился относительно поздно; первоначально же — а в какой-то мере и до настоящего времени — эта идея передавалась нулевой падежной формой в сочетании с притяжательным аффиксом определяемого имени⁸.

Значения форм дательного и исходного падежей описаны автором пособия особенно обстоятельно. Кое-где анализ кажется даже слишком детальным. Так, турецкие имена и глаголы с весьма сходной семантикой (например, типа: «почтение», «влюбленность», «доверие», «приверженность», «привязанность») оказываются, вместе с относящимися к ним объектами, в разных рубриках, в частности (соответственно): *hürmet* — § 49, *âşık* — § 50, *güven*(*ememek*) — § 51, *bağlı* — § 53, *ısın*(*amamak*) — § 59, 62.

При анализе формы дательного падежа С. Н. Иванов, стремясь к обязательному «указанию на момент противоположности», усматривает этот момент главным образом в том, что адресатные значения, характеризующиеся отношением «действие → объект», противопоставляются значениям, которым свойственно обратное отношение: «объект → действие». Однако о противоположности этих значений можно говорить лишь с известной натяжкой. Если в *opa söylemek* 'сказать ему' наличествует чисто адресатное значение, то в *opa cevap vermek* 'ответить ему' можно усматривать уже семантику объекта, вызывающего определенную реакцию, хотя, с нашей точки зрения, различие касается семантики не столько дательного падежа, сколько управляющих им глаголов. К тому же, если

⁶ В целях системности, по-видимому, следовало бы оценить также особенности функционирования основного падежа и в таких синтаксических позициях существительного, как определение неизафетного типа, обстоятельство, «предикативное дополнение» [ср. *Ortalık harp kokuyordu* («Türkçe Sözlük», 1955, стр. 455) 'В мире пахло войной'] и др.

⁷ См. Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 174—175.

⁸ См. об этом: Н. З. Гаджиева. Природа изафета в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 23; П. И. Кузнецов. К вопросу об имени прилагательном в турецком языке. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 12—13.

быть последовательным, то такую же семантику можно усмотреть и у объектов, получающих иное падежное оформление, ср., например: *birini dövmek* 'бить кого-то' (за что-то!), *birini tenkit etmek* 'критиковать кого-то' (за что-то!) и т. п.

Вряд ли также подтвердится наблюдение, согласно которому отстоящий дательный падеж всегда трактуется как форма объекта, вызывающего определенную реакцию (см. §62). Рассмотрим такое предложение: *...ne diye adama, sizi tanıyabilmem için elinize bir kırmızı karanfil alın, gibi bir şey demedim, bilmem ki...* [A. Nesin. *Orkestra adam*. Sofya, 1960 (в дальнейшем — О), стр. 57] '...не знаю уж, почему я не сказал ему (бука человеку) что-нибудь вроде того, что [мол] для того, чтобы я мог вас узнать, возьмите в руку (держите в руке) красную гвоздику'. В этом предложении отстоящий дательный падеж встречается дважды (*adama*, *elinize*), однако указанная выше семантика ни в том, ни в другом случае не прослеживается.

Более убедительной является демонстрация таких примеров, когда нейтрализуются противоположные значения дательного и исходного падежей — в частности, у исходного падежа выявляется характерное для дательного падежа значение приложительности (см. § 84 и 85). Заслуживают, однако, внимания следующие три момента.

Значение приложительности у исходного падежа должно быть оценено не как «преобладающее», а только как сугубо второстепенное. Доминирует же семантика воздействия на часть какого-то целого [*onu elinden örmek* 'поцеловать его в руку', (*onu*) *kolundan tutmak* 'схватить (или держать) его за руку']⁹. Если утверждать обратное, то о приложительном значении пришлось бы говорить и применительно к винительному падежу [ср. (*onun*) *elini örmek* 'поцеловать ему руку', (*onun*) *kolunu tutmak* 'схватить его руку' и т. п.].

Некоторую «тенденциозность» можно, кроме того, усмотреть в том обстоятельстве, что, приводя довольно длинный список глаголов и имен, которые могут управлять как дательным, так и исходным падежами (§ 85), автор пособия совершенно не упоминает о таких, также небезызвестных, случаях, когда аналогичные совпадения выявляются у исходного и винительного падежей [... *hizmetçi kız bile benimle siyasetten konuşmaya kalkar (dı)...* (К, 44) '...даже уборщица... пыталась говорить со мной о политике' и ...*sizin işi konuşmadık* («*Türkçe Sözlük*», 460) '...о вашем деле мы не смогли поговорить'], винительного и дательного [— *Bu resmi pek merak ettiniz?* (К, 51) 'Вы очень заинтересовались этой картиной?' и *Sadi Beyin anlatacaklarına merak ediyordum* (О, 42) 'Мне было интересно, о чем собирался рассказать Сади-бей'], дательного и местного (...*tağa devam etmek* 'продолжать...' и ...*makta devam etmek*) и т. д.

Наконец, следует отметить, что упомянутый выше список нуждается в определенном сокращении. В частности: 1) Форма *-maktansa* 'чем-+инфинитив' не является обычным дополнением; исходный падеж представляет собой здесь лишь один из компонентов сложного целого, и непосредственно противопоставлять его дательному падежу (см. примеры за № 15) вряд ли можно. 2) Глагол *gazı olmak* употреблен в приведенных примерах (см. № 9) в разных значениях: «согласиться на то, чтобы...» и «быть довольным кем-то». 3) Глагол *sevinmek* (см. № 4), управляя дательным падежом, имеет значение «радоваться тому, что...»; сочетанием же этого глагола с именем в исходном падеже выражается причинность («радоваться потому, что...»). То же относится и к глаголу *şaşmak* 'удив-

⁹ В предложениях типа *arkasından koştuk* 'мы побежали за ним' исходный падеж уточняет, откуда осуществляется воздействие на объект, приближение к объекту или, наоборот, удаление от него (*önümden gidiyor* 'он идет передо мной').

латься' (№ 7). 4) Нам неизвестны случаи, когда глагол *gülmek* 'смеяться' управлял бы исходным падежом. Приведенный в № 10 пример [*Ben ondan çok gülüyorum* (O, 37)] следует переводить не «Я над этим много потешаюсь», а «Я смеюсь больше, чем он». Это же касается и имени *muhtaş* 'нуждающийся' (см. № 12).

Здесь уместно оценить качество подачи иллюстративного материала в пособии. Автор не стремится использовать большое число произведений для цитирования. Тем не менее примеры приводятся из 11—12 книг пяти-шести известных писателей, что вполне достаточно для того, чтобы строить надежные теоретические выводы. Переводы приводимых примеров выполнены квалифицированно. И все-таки определенные претензии к автору пособия могут быть в этом отношении предъявлены. Подчас в переводах ощущаются следы явной поспешности; большой, а то и малый контексты далеко не всегда учитываются, что приводит к отдельным неточностям в переводе (А), а иногда и к более серьезным погрешностям (Б). Приведем соответствующие примеры из двух упоминавшихся выше книг — К и О. А) ...*hemen hemen hiç bir şey uymadan* (K, 62, 63) '...так вот сразу, ничего не сделав...' (28); точнее: '...почти ничего не сделав...'. *Halinde daha ziyade yakışmama mâni olan bir şey vardı* (K, 105) 'В ее поведении было что-то, что препятствовало моему дальнейшему сближению с ней' (36); правильное: 'В ней было что-то, что мешало мне подойти к ней поближе.' ...*ve yanındakinin bu hareketine sinirlenmiş görünen ...bir ifade ile...* (50) вместо правильного: ...*sinirlenmiş görünen, erkeğin masa arkadaşına kadına gözlerini çevirerek...* (K, 61, 62) '...и обратив взгляд на соседку по столу [этого] мужчины, которая, казалось, была раздосадована (этим) его поступком...' Б) *Parası olanlar, emvali metrûkeden yok pahasına mal almaya alışmışlardı* (K, 133) 'Лица, имевшие деньги, привыкли покупать товар за еще более ничтожную цену, чем дают за бесхозное имущество' (41); правильное: 'В заброшенных хозяйствах лица, имевшие деньги, привыкли покупать товар за ничтожную цену', ...*doktorlara mahcup olmak da caba* (O, 7) '...тут уж докторам... стыдиться — бессмысленное дело' (53); правильное: '...да вдобавок оконфузиться перед докторами...'. *Yalçın... evlerine gitmiyorum diye surat etti* (O, 69) 'Ялчин... надул меня: мол, не пойду я в их дом' (53); правильное: 'Ялчин... надулся [на меня] за то, что я к ним не хожу.'

Встречаются, как мы видели выше, и такие случаи, когда из-за смысловой ошибки в переводе пример не подтверждает выводимого правила. Вот еще три иллюстрации (из О): 1) Дательный падеж в значении заинтересованной направленности действия... (§ 50): ...*onun mışıl mışıl uyumasına imreniyorum* (76) '...Я страстно желаю, чтобы он захрапел' (32); правильное: 'Я завидую его сладкому сну'. 2) Дательный падеж в значении объекта, вызывающего ответное возмещение или компенсацию... (§ 67): ...*Bir hortlak dünyaya bedeldir* (101) 'Какой-то оборотень — плата за целый мир' (41); правильное: 'Один оборотень стоит [целого] мира'. 3) Причинно-объектное значение исходного падежа... (§ 75): ...*Ben de vazifeden geliyorum...* (174) 'Я тоже иду по обязанности...' (45); правильное: 'Я тоже иду с дежурства'.

Перейдем к категории числа, всегда вызывавшей теоретическую полемику среди тюркологов. С одной стороны, после известных работ Т. Ковальского, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, С. А. Соколова и некоторых других исследователей¹⁰ всякая попытка сказать что-то новое о реальном

¹⁰ См. их оценку в статье: В. Г. Гузев и Д. М. Насилов. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 3, стр. 98—111.

содержании форм единственного и множественного чисел кажется заранее обреченной на неудачу; с другой стороны, стремление по-своему взглянуть на известные факты, по-видимому, неискоренимо, что и порождает новые версии. Примерно так же должен быть оценен и соответствующий раздел «Курса турецкой грамматики»: интерес представляет в нем не столько богатый фактический материал, сколько его теоретическое осмысление. В этом отношении автор остается верен себе, давая свою, оригинальную трактовку названной категории. Суть этой трактовки сводится к **двойному противопоставлению** форм единственного и множественного чисел: тюркское множественное число выражает, по С. Н. Иванову, прежде всего множественность с оттенком раздельности, коррелирующую со значением собирательной множественности у немаркированной формы единственного числа; кроме того, оно же выражает значение простой множественности, выявляемое на фоне значения единичности формы единственного числа (см. стр. 96). Такое преподнесение известного эмпирического материала является, безусловно, и совершенно новым и столь же неожиданным. Насколько оно окажется адекватным реальному положению вещей, покажет будущее. Несколько смущает в этой связи необходимость четко отделять «простую» множественность от множественности с оттенком раздельности. Представляется, что это не всегда осуществимо. Рассмотрим три примера, приведенных в пособии на стр. 8 и 9.

Kendisine benzeyen binlerce hikâyeden hiç farkı olmadığı için büyük... Zaten bu hikâyeler, bu birbirine çok benzeyen hikâyeler en asil olanlarıdır (S. Ali. Hikâyeler ve şiirler. Sofya, 1963, стр. 74). 'Она значительна, так как ничем не отличается от тысяч похожих на нее историй... Ведь [именно] эти истории, эти столь схожие между собой истории, [относятся к числу] самых благородных.' (В тексте пособия вместо asil 'благородный' напечатано asıl 'основной', поэтому перевод неточен). Здесь в слове hikâyeler 'истории' заключено значение множественности, хотя (binlerce) hikâye(den) вряд ли обозначает «единичный предмет».

Evvelce bir takip bile çıkarmayan adam şimdi alâkadar oluyor, ince ince sualler soruyordu (там же, 27) 'Человек, который прежде даже не отправил погони, теперь проявлял интерес [к делу] и задавал весьма обстоятельные вопросы.' Можно ли говорить здесь о наличии оттенка «раздельности» в слове sualler 'вопросы'?.. Во всяком случае этот оттенок основательно «завуалирован». Зато он, пожалуй, достаточно четко выявляется в следующем, третьем, примере, хотя, по мнению автора, показателем -ler обозначена здесь обычная множественность: Bey, dedim, bizim köyde domuz olmaz, etraf köylerde de yoktur (О, 12) 'Господин, — сказал я, — в нашем селе свиней не бывает, и в соседних тоже нет.' В слове köylerde можно усмотреть оттенок раздельности хотя бы потому, что говорящий имеет в виду конкретные села, которые он при желании может перечислить.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что различие между простой множественностью и множественностью с оттенком раздельности вряд ли релевантно. Поэтому приемлема позиция В. Г. Гузева и Д. М. Насилова, предпочитающих говорить лишь о «счетном множестве», то есть таком множестве, которое в принципе поддается исчислению¹¹.

Если не вызывает сомнений тот факт, что развитие любой грамматической категории начинается с морфологического «нуля», то естественно предположить, что был такой период в истории развития тюркских

¹¹ См.: В. Г. Гузев и Д. М. Насилов. Указ. раб., стр. 102 и 104.

языков, когда ни аффикса *-лар*, ни каких-либо иных показателей множественности еще не существовало. Очевидно, что как идея единичности, так и идея множественности могли выражаться в то время, помимо показаний ситуации и контекста, только лексическими средствами: числительными, количественными наречиями (типа «несколько», «много» и т. п.), наконец — повторами и парными сочетаниями, широко употребительными и в современном языке (в частности, турецком¹²) (ср. *at mat* '[всякие там] лошади', *könu komşu* 'соседи' и т. п.).

В дальнейшем появляется аффикс множественного числа¹³. Следует заметить, что основная содержательная функция этого аффикса существенно отличается от таковой соответствующего показателя в русском языке: если в последнем те или иные формы множественного числа употребляются практически — хотя все же есть и исключения — в любом случае квантификации считаемых имен¹⁴, то есть являются, по существу, **единственным** средством выражения множественности, то в турецком языке (как и других тюркских) вторично нулевых форм числа нет вообще, да и в случаях очевидной квантификации аффикс *-lar* выступает далеко не всегда, то есть является лишь **одним из** средств квантитативной актуализации. Ранее употреблявшиеся средства выражения множественности почти в полной мере сохранили свое прежнее значение — оговорки требуются только в отношении повторов и парных сочетаний¹⁵, — предоставив названному аффиксу лишь выражение формально неуточненной множественности (к тому же обычно без оттенка собирательности): *evler* 'дома' (некоторое формально неуточненное количество), но: *beş ev* 'пять домов', *birkaç ev* 'несколько домов'.

Поскольку любая инновация внедряется постепенно, и, следовательно, неизбежен длительный — а подчас и практически неограниченный — период времени факультативного употребления нового элемента¹⁶, не должен удивлять тот факт, что даже в современном языке аффикс *-lar* может отсутствовать при наличии контекстуально ясно выраженного значения формально неуточненной множественности. Вот отрывок из заключительного абзаца рассказа А. Несина «Allah size zeval vermesin», где повторяющееся семь раз слово *heykel* 'статуя; бюст' употребляется то в форме множественного числа (1, 5, 7 случаев), то в абсолютной форме (2, 3, 4, 6 случаев): *Gel gelelim, heykeller (1) de meydana dikilmiş. Kuşlar gelip üzerine konarmış. Yalnız konmakla kalsalar iyi, heykeli (2) kırletirlermiş... Muhtar da yazları meydana bir çocuk dikermiş. Bu çocuk heykele (3) konacak kuşları kovalarmış. Şimdi bayram günleri heykeli (4) badana ederlermiş. Fakat kış gelince heykeller (5) karın altında kalırmış....* (О, 65) 'А между тем бюсты (1) были водружены на [деревенской] площади. Птицы прилетали и садились на них. Хорошо, если бы только садились — [вдобавок] пачкали бюсты (2)... Староста в летнее время ставит на пло-

¹² См.: Р. А. Аганин. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959, стр. 7, 69 и др.

¹³ Или последовательно несколько разных аффиксов. См.: А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. Л., 1969.

¹⁴ В именах с лексикализованной формой множественного числа — так называемые опустошенные, или вторично нулевые, формы — она употребляется и в том случае, когда квантитативной актуализации нет, ср. «ножницы», «часы» и т. п. (См.: С. Д. Качнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 29).

¹⁵ См.: Р. А. Аганин. Обобщительные слова как средство выражения значения совокупности в турецком языке. — «Краткие сообщения Института народов Азии, 83. Монголоведение и тюркология». М., 1964, стр. 98.

¹⁶ Именно в таких условиях возникают привативные оппозиции (в которых неотмеченный член может употребляться в значении отмеченного).

щади мальчика, и тот отгоняет птиц, пытающихся сесть на бюсты (3). Теперь [крестьяне] в праздничные дни подкрашивают бюсты (4). Но когда приходит зима, бюсты (5) остаются под снегом...¹⁷ Думается, что абсолютная (или незначимая нулевая) форма имени в этом отрывке — впрочем, контекстуально отнюдь не незначимая — безусловно не имеет значений единичности или собирательной множественности [ср. также употребление в идентичном — квантитативном — значении («крестьяне» или «жители деревни») словоформ *köylüler* (13 случаев) и *köylü* (8 случаев) в том же рассказе — см.: О, 61—65].

Как видно из этих примеров, абсолютная форма имени (вне сочетаний с числительными, другими количественными определениями и аффиксом *-lar*) может, в зависимости от контекста, обозначать и единичность, и множественность (прежде всего — собирательную, но также уточненную и неуточненную), и квантитативную неуточненность¹⁷, и в этом смысле может быть, конечно, названа формой неопределенного числа¹⁸, однако будучи по своей сути незначимой нулевой формой, то есть не выражая числовых значений специально — как до появления аффикса множественности, так и в настоящее время, — она должна быть, по-видимому, вообще выведена за рамки категории числа¹⁹. Основным способом передачи квантитативности в турецком языке (включая и единичность) остается употребление числительных и других кванторов. Именно поэтому по-турецки невозможно предложение типа **hafta (или ay) dinlendim*, по типу русского «Я отдыхал неделю (или месяц)», а следует сказать: *Bir hafta (или Bir ay) dinlendim*²⁰.

В целом, можно полагать, что дискуссия о категории числа в турецком языке будет, по-видимому, продолжаться. Спорными остаются как различные интерпретации абсолютной формы имени существительного, так и вопрос о том, имеет ли аффикс *-lar*, присоединяемый к считаемым именам, лишь одно значение — обозначает формально неуточненное множество — или же, как полагает автор анализируемого учебного пособия, — два значения, противопоставленные двум же значениям так называемой

¹⁷ См. пример в статье: С. А. Соколов. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями. — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 75.

¹⁸ См.: К. М. Любимов. О числовом значении нулевой формы тюркских существительных (на материале турецкого языка). — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 81.

¹⁹ Этот же вывод содержится в названной статье В. Г. Гузева и Д. М. Насилова (см. стр. 98). Следует также отметить, что близкую позицию занимает А. Н. Кононов (см.: Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 96).

²⁰ Если бы в сочетаниях типа *числительное количественное + имя существительное* последнее имело значение, аналогичное семантике неопределенной единичности (см.: С. Н. Иванов. Курс., стр. 7), то употребление числительного *bir* было бы, по-видимому, факультативным.

Попутно следует сказать и о том, что соображения об «экономичности» одних языков и «неэкономичности» других (см., например, упоминавшуюся статью К. М. Любимова, стр. 82) вряд ли основательны. Турецкий язык, например, экономичен в части употребления аффикса множественного числа (по-русски — «дай спички», по-турецки — *kibrît (без -ler!) ver*), но «расточителен» в использовании числительного *bir* (по-русски — «дай спичку» (можно без: «одну»), по-турецки — *bir kibrît ver*). Точно так же — с учетом «контрарного» противопоставления форм единственного и множественного чисел в русском языке — неверно усматривать «алогичность» в предложении «В коробке нет спичек» (вместо «спички») (см.: К. М. Любимов. Указ. раб. — Там же). Нельзя судить о логике одного языка с позиций логики другого языка. Форма «(нет) спички» означала бы, что говорящий ожидал найти в коробке именно одну, последнюю, спичку, то есть одну счетную единицу предметов данного рода, однако практически такая ситуация является весьма редкой, ср.: — *Kutuda bir kibrît vardı. Bir yokla. — Kibrît yok!* — «В коробке была спичка. Проверь-ка. — Спички нет!».

формы единственного числа. Спорным, в конечном счете, является само наличие категории числа в турецком языке²¹.

Оставляя без рассмотрения раздел «Курса...», трактующий о категории принадлежности (§§ 95—105), основные положения которого представляются нам вполне обоснованными, мы хотим в заключение еще раз отметить заслуживающую одобрения инициативу кафедры тюркской филологии Ленинградского государственного университета, начавшей выпуск ценного учебного пособия для студентов-тюркологов, и пожелать автору успешного завершения этой работы.

²¹ См.: В. Г. Гузев и Д. М. Насилов. Указ. раб., стр. 109—110.

В. Г. ГУЗЕВ

О РАЗВЕРНУТЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВВОДИМЫХ ГЛАГОЛЬНЫМИ ИМЕНАМИ, В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Монография Ш. С. Айлярова «Развернутые члены предложения в современном турецком языке»* посвящена исключительно важному вопросу турецкого синтаксиса — конструкциям, вводимым именными формами глагола.

Обозначая указанные конструкции термином «развернутые члены предложения», Ш. С. Айляров утверждает, что «в языках с развитой системой союзов и союзных слов развернутым членам предложения соответствует весьма обширная номенклатура придаточных предложений...» (стр. 4). Однако думается, что развернутые члены предложения следует понимать несколько шире, чем полагает автор. В языках «с развитой системой союзов и союзных слов» члены предложения также легко приобретают развернутый характер; само это понятие возникло на почве индоевропейских языков. Поэтому противопоставление языков с развернутыми членами предложения языкам с придаточными предложениями, которое проводит Ш. С. Айляров, вряд ли правомерно.

Автор следующим образом определяет задачи своего исследования (стр. 3): 1) доказать наличие в турецком языке «весьма и весьма обширной номенклатуры развернутых членов предложения», функционально соответствующих придаточным предложениям; 2) доказать, что все образования, которые в тюркологии рассматриваются как «отглагольные имена, глагольные имена и имена действия», суть причастия. Факт широкого использования в турецком синтаксисе большого количества конструкций, вводимых именными формами глаголов, достаточно хорошо известен специалистам и едва ли нуждается в доказательстве. Что же касается второй задачи (как она решается автором, будет рассмотрено ниже), то сразу отметим, что форма на *-та* именуется в работе «отглагольным именем» (см. стр. 4, 83, 174—182), а это расходится с поставленной автором целью.

Изложение автором собственных теоретических позиций (стр. 3—5) носит несколько категоричный характер и требует уточнения ряда вопросов, в том числе: к какому плану (синтаксическому или логическому) относятся понятия, обозначаемые терминами «субъект» («соответствующий подлежащему в языках с развитой системой союзов и союзных слов») и «предикат» (соответствующий, по мнению автора, сказуемому в тех же языках); если это — компоненты конструкций, то почему один

* Ш. С. Айляров. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. Издание Московского университета, 1974, 230 стр.

из них «определяющий», а другой — «определяемый» и почему «субъект» может «выражаться» именем существительным или местоимением в родительном падеже? Если же имеются в виду понятия логические, то почему они соответствуют подлежащему и сказуемому в языках иного строя, то есть в языках с развитой системой союзов и союзных слов? Разве в современном турецком языке нет союзов и союзных слов, нет придаточных предложений, в которых легко обнаруживаются подлежащее и сказуемое? Разве современная теория придаточных предложений позволяет утверждать, что «в отличие от придаточного предложения развернутый член предложения, оторванный от того члена предложения, к которому он относится, не выражает законченной мысли» (стр. 5)? Как известно, многие исследователи полагают, что одной из отличительных черт придаточного предложения является как раз его неспособность выражать законченную мысль.

Перечень работ, приводимый автором в первой главе «История изучения вопроса», является далеко не полным. В нем, например, не учтены материалы дискуссии, проведенной в сентябре 1956 года в Алма-Ате¹, имеющие непосредственное отношение к теме автора, а также работы Н. З. Гаджиевой, вышедшие до появления в свет ее книги «Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков» (М., 1973), монография Е. А. Поцелуевского², статьи Э. В. Севортыяна, Э. А. Груниной, М. Ш. Ширалиева, Н. Н. Джанашиа, А. Н. Баскакова (работы Н. Н. Джанашиа и А. Н. Баскакова выполнены на материале современного турецкого языка) и др.

История вопроса излагается автором монографии в форме критического обзора точек зрения предшествующих исследователей в хронологическом порядке. Этим, в основном отрицательным, оценкам автор противопоставляет свою собственную точку зрения, что придает обзору несколько предвзятый и тенденциозный характер.

Ш. С. Айляров не стремится проследить развитие идей, то есть процесс совершенствования представлений о природе глагольных именных форм и организуемых с их помощью синтаксических конструкций. Это проявляется уже в том, что он рассматривает позиции предшественников в хронологическом порядке. Автор положительно оценивает лишь то, что не противоречит его собственной концепции. Высказывая же по какому-либо вопросу возражения, он не подкрепляет их аналитическим разбором или убедительной контраргументацией, хотя некоторые утверждения (например, о том, что формы на *-an*, *-ar*, *-maz*, *-miş*, *-acak*, *-dik* есть причастия, что конструкции типа *içecek su* эллиптически и др.) им настойчиво повторяются. Воссоздать «Историю изучения вопроса», с нашей точки зрения, автору не удастся вследствие неполноты раздела и отсутствия объективного анализа концепций предшествующих исследователей.

Вторая глава «Морфологическая структура и грамматические категории причастия как стержневого компонента развернутых членов предложения» также начинается с критики некоторых высказанных в литературе концепций. Ряд рассмотренных здесь точек зрения — Ф. Е. Корша, Ж. Дени, С. Н. Иванова — уместнее было бы изложить в первой главе. Наряду со справедливой критикой (в частности, с критикой утверждения, что в некоторых тюркских определительных конструкциях, вводимых причастием на *-(y)an*, «происходит сделка

¹ См.: сб. «Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24—27 сентября 1956 года». Алма-Ата, 1958.

² Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967.

грамматической формы со смыслом»), автор допускает и необъективные оценки. Это проявляется, в частности, в том, что, неоднократно обращаясь к высказываниям А. Н. Кононова, он подвергает критике и те концепции ученого, от которых тот в более поздних работах отказался. Так, критикуется позиция, изложенная в «Грамматике узбекского языка» А. Н. Кононова (Ташкент, 1948) и даже не упоминается его более поздняя фундаментальная работа «Грамматика современного узбекского литературного языка» (М.—Л., 1960), в которой точка зрения на природу причастий и их отношение к категории залога изложена в значительно переработанном виде.

Аналогичное впечатление оставляет и критика взглядов С. Н. Иванова. Цитируя автореферат кандидатской диссертации (1957 год) С. Н. Иванова и не отмечая его монографии «Очерки по синтаксису узбекского языка» (издание ЛГУ, 1959) и отдельных статей, Ш. С. Айляров тем самым по существу приписывает С. Н. Иванову суждения, диаметрально противоположные высказанным им, утверждая при этом, что С. Н. Иванов исходит «из изложенной выше концепции А. Н. Кононова» (стр. 38). И это в то время, когда между излагаемыми самим же автором суждениями А. Н. Кононова и позицией С. Н. Иванова имеются серьезные различия, и объединение их как «представителей ленинградской школы тюркологии» свидетельствует, по-видимому, о недостаточном знакомстве Ш. С. Айлярова с работами С. Н. Иванова³.

Работы А. Н. Кононова и С. Н. Иванова внесли крупный вклад в развитие теории именных форм тюркского глагола, а идеи С. Н. Иванова, посвятившего этой проблеме специальную монографию, значительно продвинули разработку вопроса именно о морфологической природе причастий, за изучение которой ратует и Ш. С. Айляров.

Исследовательская часть рецензируемой работы начинается «с выяснения и установления морфологической структуры глагольных форм на *-an*, *-ar*, *-miş*, *-acak* и *-dik*» (глава II) и продолжается в трех последующих главах. Далее следует заключение, прилагаются список сокращений и библиография.

Ш. С. Айляров отрицательно оценивает то обстоятельство, что «в последнее время делаются попытки ввести в тюркологию понятие „глагольные имена“ в отличие от отглагольных имен» (стр. 5). Различение этих понятий мы находим в работах Э. В. Севорьяна⁴, Э. А. Груниной⁵, и оно представляется весьма продуктивным. Под термином «отглагольные» логично понимать именные части речи (то есть существительные, прилагательные и т. д.), образованные от глагольных основ (например: существительное *batak* 'болото', прилагательное *durgun* 'стоячий, спокойный, тихий' и др.), а термином «глагольные имена» следует обозначать имена действия, причастия, формы на *-dik* и *-(y)acak* и, видимо, деепричастия, то есть, пользуясь определением Н. А. Баскакова, — глагольные функционально-именные формы. Отказ от разграничения указанных понятий может расцениваться только как шаг назад, приводящий к смешению планов словообразования и формообразования.

³ Ответ С. Н. Иванова на критику Ш. С. Айлярова см.: С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть 2. Грамматические категории глагола. Учебное пособие, Ленинград, 1977, стр. 47—48.

⁴ См.: Э. В. Севорьян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — «Вопросы теории и истории языка», М., 1952, стр. 306—367.

⁵ См.: Э. А. Грунина. К вопросу о развитии семантики глагольных имен в тюркских языках. — «Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институти. Илмий асарлар, 42 том, 1 китоб. Тилшунослик масалалари». Тошкент, 1963, стр. 237.

Едва ли можно признать убедительной попытку автора обосновать многократно повторяемое им утверждение, что формы на *-dik*, *-(y)acak* — причастия, то есть, что их можно объединить в одну группу с формами *-(A)r*, *-maz*, *-(y)an* и *-miş*. Автор перечисляет следующие признаки, объединяющие, по его мнению, все эти формы: 1) выражают время; 2) имеют общие синтаксические функции (сказуемого, определения, «предиката развернутых членов предложения») (стр. 33); 3) в их «морфологической структуре... заложены грамматические категории аспекта, времени, залога, вида» (стр. 33, 47—81); 4) могут иметь при себе второстепенные члены; 5) обладают сочетаемостью с деепричастиями.

Оставляя в стороне вопрос о правомерности выделения каждого из перечисленных признаков, отметим, что их явно недостаточно для обоснования выдвинутого тезиса. Остается неясным, что, собственно, в работе понимается под причастием. Автор не выявляет грамматические значения изучаемых форм и назначение этих форм в языке. А без этого нельзя понять, что их объединяет и чем они отличаются друг от друга. Если даже исходить из формально-морфологического и синтаксического уровней (что менее перспективно), то и здесь очевидны резкие отличия форм на *-dik*, *-(y)acak* от остальных форм. В морфологическом плане эти отличия проявляются прежде всего не слева от показателя формы, а справа — в их способности присоединять показатели принадлежности и падежей. В синтаксическом плане отличия заключаются в том, что формы на *-dik*, *-(y)acak* одинаково легко выступают как в функциях определений, так и дополнений. При этом в определительной функции, которая объединяет их с формами *-(A)r*, *-maz*, *-(y)an* и *-miş*, формы на *-dik* и *-(y)acak* способны иметь гораздо более разнообразные по значению определяемые. Не случайно многие исследователи не называют их причастиями, а Ж. Дени обозначил их особым термином — «пропартисип». Основываясь на результатах, полученных С. Н. Ивановым в упомянутой выше монографии, можно утверждать, что одним из важнейших отличий форм на *-dik* и *-(y)acak* в определительной функции от остальных форм, которые действительно целесообразно именовать причастиями, состоит в том, что последние обладают «агентивным значением», то есть в их значении закреплено совершенно определенное взаимоотношение между действием-признаком и предметом-носителем признака: предмет есть производитель действия (*okuyan çocuk* 'читающий ребенок'); для передачи противоположных отношений, то есть таких, при которых предмет выступает объектом действия, необходима форма страдательного залога: *okuyan kitap* 'читаемая книга'. «Пропартисипы» же, лишённые агентивного значения, способны передавать, не меняя залоговой формы, более широкий круг отношений между действием-признаком и предметом-носителем признака, в том числе и отношение между действием и его производителем. Именно эта индифферентность форм на *-dik* и *-(y)acak* к характеру взаимоотношений действий с предметами, по-видимому, и нашла выражение в не совсем удачном утверждении Н. К. Дмитриева, что форма на *-dik* недифференцированно передает два залога: действительный и средне-страдательный.

Указанная семантическая особенность «пропартисипов» позволяет им участвовать и в конструкциях типа *içecek su* 'питьевая вода' (стр. 16, 26), то есть 'вода, которую пьют' или 'вода, которую можно пить', и в конструкциях, в которых они ничем не отличаются от причастий: *okuysak çocuk* 'ребенок, который прочтет'.

Очевидно, этой же особенностью определяется и разное отношение причастий и «пропартисипов» к категории залога. Ведь залоги — категория, являющаяся специальным грамматическим средством выраже-

ния взаимоотношений действия и связанных с ним предметов, или субъектно-объектных отношений. Для причастия в атрибутивной функции, если выражаются отношения, отличные от тех, которые зафиксированы в его грамматическом значении, форма косвенного залога обязательна (см. приведенные выше примеры); для «пропартисипа» же форма косвенного залога выступает лишь как дополнительное, используемое лишь при необходимости, средство передачи взаимоотношений предмета, носителя признака, и действия. Вот почему возможны обе формы *işecek su* и *içilecek su*. Разница в значениях, естественно, сводится к тому, что в первом случае может иметься в виду любое взаимоотношение между действием и предметом, а во втором — только страдательное или неопределенно-личное.

С предложенных позиций можно утверждать, что Ш. С. Айляров прав, не соглашаясь с точкой зрения Ф. Е. Корша и Н. К. Дмитриева, видевших в конструкциях типа *işecek su*, *oturacak yer* 'место для сидения' (стр. 119) нарушение логики, однако предлагаемая им самим концепция эллиптичности таких сочетаний (см. стр. 16—17, 25—27, 117, 118), согласно которой в них «давно выпал один из трех обязательных компонентов» (стр. 16), (то есть тот, который называет субъекта действия, как в конструкции *su basmış ova* 'равнина, которую затопила вода' (см. стр. 26), вряд ли правомерна. Нельзя согласиться с утверждением, что «стоит только устранить эллипсис и восстановить выпавший третий компонент сочетания, как все окажется на месте, и мы будем иметь построенный в полном соответствии с законами логического мышления развернутый член предложения...» (стр. 17). Думается, что и в конструкции *işecek su*, и в конструкциях типа *su basmış ova* «все на месте». Только последние, возможно, в современном турецком языке являются синтаксическими архаизмами, конструкциями, сложившимися на том этапе развития языка, когда в формах *-(A)r*, *-maz*, *-(y)an*, *-mış* еще не развилось агентивное значение, то есть до того, как они стали причастиями. В них реализован один из используемых в тюркских языках способов выражения отношений действия со связанными с ним предметами, а именно — лексический, то есть заключающийся в прямом назывании субъекта, как в приводимом в работе на стр. 26 примере: *iğne düşecek yer yok* 'иглоке негде упасть'.

Есть и еще одно синтаксическое отличие «пропартисипов» в атрибутивной функции от причастий — первые могут выступать в функции второго компонента (определяемого) определительных конструкций, образуемых формами родительного падежа 1-го компонента и формами принадлежности 2-го компонента, типа *benim okuduğum kitap* 'книга, которую я читаю'. Причастия в таких конструкциях просто не используются, о чем наглядно свидетельствует приводимый в рецензируемой работе иллюстративный материал.

Из сказанного следует, что смешивать формы на *-dik* и *-(y)acak* с причастиями недопустимо со всех точек зрения: с семантической, морфологической и синтаксической.

Едва ли можно согласиться с мыслью, что категории, «характерные для турецкого глагола», также характерны и «для причастия как формы глагола» (стр. 47). Глагольные категории — это наборы морфологических средств, выражающие те или иные характеристики действия или его взаимоотношения с иными явлениями. Причастия — это тоже одно из таких морфологических средств: ряд форм, служащих для представления действия в виде признака, то есть это глагольная категория. Обладать категориями, характеризующими действие, может только то, что выра-

жает само действие, то есть глагол. Приняв причастную форму, глагол не перестает быть глаголом, и его категории остаются глагольными.

Разделяя мнение Ш. С. Айлярова о том, что конструкции, вводимые причастиями, нельзя считать придаточными предложениями, подчеркнем, что это утверждение необходимо теоретически обосновать. Данный вопрос очень важен и имеет общелингвистическое значение. Приводимые в рецензируемой работе доводы (отсутствие относительной самостоятельности; субъект и предикат развернутого члена, будучи вырванными из предложения, не выражают суждения) умозрительны и вряд ли достаточны.

В работе не раз подчеркивается, что чрезвычайно широкое распространение интересующих автора синтаксических конструкций «обусловлено в первую очередь отсутствием в турецком языке союзов, главным образом подчинительных» (стр. 219). Едва ли правильно объяснять особенность одного языка отсутствием в нем чего-либо, что есть в языке иного строя. Важно отыскать причину в строе самого исследуемого языка. Представляется, что распространенность в турецком синтаксисе интересующих автора конструкций обусловлена чрезвычайно развитой системой глагольных именных форм, которые относятся к числу морфологических средств, освобождающих язык от структурной потребности в подчинительных союзах.

К серьезным недостаткам работы следует, по нашему мнению, отнести неразличение автором понятий, относящихся к разным языковым уровням. В частности, при описании структуры развернутых членов предложения не проводится разграничение понятий синтаксического, логико-грамматического и конкретно-ситуативного уровней. Так (см., например, стр. 83), с одной стороны, утверждается, что первый компонент этих конструкций «обозначает субъект действия», с другой — что он соответствует подлежащему придаточных предложений. Из первого утверждения следует, что понятия «субъект» и «действие» логико-грамматические, то есть представляют собой то, что выражается, обозначается компонентами конструкции, а из второго — что «субъект» понимается и как компонент. И это второе понимание подтверждается представлением о том, что субъект может выпадать (см. стр. 119), или что «существительное в родительном падеже является субъектом действия» (стр. 50). По-видимому, автор не замечает этого противоречия, что явствует из следующего его утверждения: «... наиболее благоприятные условия для выпадения субъекта развернутого определительного члена предложения возникали в тех случаях, когда подлежащее предложения и субъект развернутого члена предложения не только совпадали в лице, но и физически представляли собой одно лицо» (стр. 119). «Физически представлять одно лицо» предметы (а не субъекты и подлежащие!) могут, видимо, только на уровне конкретных ситуаций. Ср. на стр. 122—123: «Если первый компонент развернутого члена предложения — субъект испытывает на себе действие, выраженное предикатом-причастием, и, таким образом, фактически является объектом, причастие имеет форму страдательного залога». Испытывать на себе воздействие и быть объектом может конкретный предмет, а не компонент конструкции. Или на стр. 129: «... субъект выпадает, а прямое дополнение ставится в форме родительного падежа объекта: *bavulların birakıldığı kahve* 'кафе, где были оставлены чемоданы'».

Неразличение понятий, относящихся к частям речи, формообразовательным категориям и компонентам синтаксических конструкций, проявляется в терминах «имя существительное-субъект», «предикат-причастие», в таких формулировках как «имя существительное, находящееся в-

постпозиции к причастию» (стр. 130, 131 и др.), «субъект в форме родительного падежа выпадает» (стр. 129), «между именем (или местоимением) и причастием существуют отношения субъекта и предиката, причем в зависимости от залоговой формы причастия, имя существительное и местоимение обозначают субъект и объект действия, выражаемого причастием-предикатом» (стр. 84) и т. д. Естественно, возникает вопрос, если существительное (или местоимение) является субъектом, то как оно может обозначать и «субъект» и «объект»?

Приведенные выше примеры нечеткости, диффузности понятий, которыми оперирует автор, анализируя структуры «развернутых членов предложения» и тех членов предложения, к которым они относятся, свидетельствуют о необходимости более высокого теоретического уровня разработки терминов. Нельзя признать справедливой позицию автора, согласно которой конструкции, входящие в группу «а», типа *hademe giyesecek ayakkabi* 'обувь, которую будут носить слуги' (стр. 91), и конструкции, входящие в группу «б», типа *şosiğün okuduğu kitap* 'книга, которую читал, читает ребенок' (стр. 90), имеют одинаковую синтаксическую структуру, то есть и слово *hademe*, и слово *şosiğün* — «субъекты» по отношению к словам *giyesecek* и *okuduğu*, которые рассматриваются как «предикаты». Правда, по мнению автора, отношения компонентов во втором случае «можно охарактеризовать как изафетную связь определения, выраженного именем существительным или же местоимением в родительном или основном падеже с определяемым-причастием, в форме *-dik*, *-acak* с притяжательным аффиксом» (стр. 84. Ср. также стр. 154 и др.). Налицо взаимоисключающие утверждения: один и тот же компонент есть и субъект и определение, точно так же другой компонент является предикатом и определяемым.

Ничто не мешает нам рассматривать сочетания *hademe giyesecek* и *su bastığı* как предикативные и первый компонент их считать, скажем, синтаксическим (или грамматическим) субъектом, второй — синтаксическим (или грамматическим) предикатом на основании совпадения модели этих синтаксических построений с моделью суждения (субъект-предикат). Сочетания же типа *şosiğün okuduğu* ... ничем по структуре не отличаются от конструкций типа *şosiğün oyuncakı* 'игрушка ребенка' и уже поэтому должны рассматриваться как атрибутивные. Но для того, чтобы доказать, что определение выражает субъект (но не является субъектом), а определяемое — предикат, надо опять-таки разобраться в терминах. Верно, что определение может обозначать предмет, связанный с действием или как его производитель, или как его объект (о характере этой связи сигнализирует залоговая форма глагола). Однако отождествление понятий субъект и производитель действия едва ли правомерно. Тем не менее автор его допускает, утверждая, что «если глагольная форма образована от глагола действительного залога, стоящее перед ней имя существительное в родительном падеже является субъектом действия...» (стр. 50). Непонятно также, почему первый компонент развернутого члена предложения — субъект «фактически является объектом» (см. стр. 122—123).

Ш. С. Айяровым привлечен большой иллюстративный материал (особенно в главе III), и это — несомненная его заслуга. Ценность работы составляют и те фактические сведения, которые автор сообщает о различных глагольных формах или разновидностях оборотов. Так, из раздела «Категории глагола и категории причастия как формы глагола» (глава II) читатель узнает, от основ каких глагольных категорий, сложновербальных конструкций и перифрастических форм образуются причастия. Автором высказаны тонкие наблюдения о семантических разли-

циях между конструкциями типа *агра yetiſen yer* и *аграпın yetiſtiđi yer* (стр. 88, 93), вообще о семантических различиях между синтаксическим субъектом (выступающим в основном падеже) и определением, выражающим производителя или объект действия и выступающим в форме родительного падежа (стр. 95, 152—154), о временных значениях формы на *-dik* (см., например, стр. 126—127).

Работа имеет неэкономную структуру. Так, например, вопрос о соотношении глагольных категорий залога, «вида», модальных форм возможности и т. д. обсуждается и в главе II, и в главе V, что приводит к многочисленным повторам. Двойная — «структурно-грамматическая» и «структурно-семантическая» — классификация «развернутых членов» (глава III) не вызывает возражений по существу, но она проводится непоследовательно, ибо автор ставит в один ряд синтаксические функции и передаваемые конструкциями значения, в частности, развернутые подлежащие, дополнения, обстоятельства и «причинный член предложения», «временной член предложения» и т. д. (см. стр. 85, 182).

Едва ли следовало в рецензируемой работе заниматься рассмотрением вопросов, касающихся существа целого ряда глагольных категорий, вступая в резкую полемику со специалистами, придерживающимися иных взглядов. Категория залога, вопросы категории вида, интерпретация перифрастических форм — кардинальные проблемы тюркского языкознания, требующие специальной теоретической разработки и не могут решаться походя. Тем более, что главная проблема исследования все еще нуждается в дальнейшей разработке.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

«ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ» НЕУРЯДИЦЫ

В 1957 году в юго-западной Туве в бассейне реки Саглы нами была обнаружена группа интересных памятников уюкской эпохи (VII—III века до н. э.). В 12 км к северо-востоку от поселка Кызыл-Тей в урочище Хачы-Хову возвышаются каменные столбы, огороженные прямоугольными оградками из плит, которые примыкают друг к другу по линии север—северо-восток, юг—юго-запад. В юго-западной оградке (2,2×1,7 м) находится четырехгранный столб из серого сланца (0,64×0,4 м) высотой 2,4 м. На юг—юго-западной грани его выбит знак в виде двух соединенных вершинами треугольников и черты, идущей вверх от места соединения треугольников. В северо-восточной оградке (2,1×1,6 м) стоит столб (0,4×0,3 м) высотой 1,75 м. На юг—юго-западной его грани выбиты сверху вниз сакральные знаки: стоящий козел и девять тамгообразных полустершихся изображений. Здесь, как и на соседней стеле, имеется изображение соединенных вершинами треугольников, напоминающее спаренные секиры или боевой молот с ручкой, подобный найденному нами в одной из цист могильника Шанчиг (VII—VI века до н. э.). Совершенно аналогичные изображения козлов, тамгообразных знаков, «секир» или спаренных треугольников нередко встречаются на оленных камнях и на стелах, стоящих внутри оградок на территориях Монголии и Тувы¹.

В 1961 году стелы в урочище Хачы-Хову посетили археолог А. Д. Грач и тюркологи И. А. Батманов и З. Б. Арагачи, и с памятниками уюкской эпохи произошла неожиданная метаморфоза. А. Д. Грач, разыскивавший изображения «тамгообразных» козлов, символизирующие, по его мнению, власть древнетюркских каганов, выбитое вверху стелы изображение козла уюкской эпохи, отнес к эпохе тюркского каганата. Все остальные знаки и обе стелы были им объявлены древнетюркскими. Так как он сопоставлял их со стелами поминальных памятников Кюль-Теги-на и Бильге-кагана (30-е годы VIII века), у которых ниже тамг шли ру-

¹ М. Х. Маннай-оол. Тува в скифское время. М., 1970, стр. 22—38, рис. 2 (4); В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 24 (1); «Эртний судлал-угсаатны зүйн бүтээл». — «Studia Archeologica» Tomus II, fasc., Улаанбаатар, 1963, стр. 18, рис. 6 (42); стр. 20 (на монг. языке); I. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Northwestmongolei im Jahre 1909. — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVIII, Helsinki, 1912, tafel X—XI; Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965 (особенно табл. 9, 19, 65).

нические тексты, то и на стеле из Хачы-Хову под козлом он стал искать руническую надпись. И она «была обнаружена». И. А. Батманов и З. Б. Арагачи (Чадамба), занимавшиеся розыском стел, на которых, якобы, «легко обнаруживаются добуквенные знаки», приняли уюкские сакральные знаки за руническое письмо². Ими «читались» только избранные тамгообразные знаки и почему-то сверху вниз. В результате такого «чтения» появилось имя «Номыш Баш», в частности изображение секиры с ручкой было «прочитано» как «Баш». Рисунок аналогичной секиры, выбитый на соседней стеле, также был признан за «надпись»³.

Об этом курьезном происшествии, можно было бы не говорить, если бы ошибочные заключения указанных авторов не проникли в специальную литературу. Они могут привести в дальнейшем к ошибкам как в археологии, так и в тюркологии. Археологам и этнографам хорошо известны высеченные на камне изображения спаренных треугольников, которые встречаются по всей огромной территории Старого света. Эти знаки вырезаны на сосудах культуры Хараппы в Индии, андроновской культуры Казахстана и карасукской культуры Хакасии; на скалах Аравийского полуострова и Монголии, на деревянных подвесках туяхтинских курганов Горного Алтая. Такими же рисунками воспроизводились царская тамга в африканском государстве Бенин, клейма карелов и т. д.⁴

Как установил Дж. Клосон, знак в виде спаренных треугольников в древнетюркском руническом алфавите отсутствовал. Не включил его в таблицу орхоно-енисейских рун и А. М. Щербак⁵. Очевидно, что в данном случае ни о каких древнетюркских надписях не может быть и речи. Изображение козла как и другие сакральные знаки и сами стелы из Хачы-Хову относятся к уюкской эпохе (VII—III века до н. э.)⁶.

Это обстоятельство полностью опровергает «открытые» А. Д. Грачом в урочище Хачы-Хову «древнейшие тюркские погребения с сож-

² См.: А. Д. Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 25—28; «Памятники древнетюркской письменности Тувы», под редакцией И. А. Батманова и А. Ч. Кунаа, вып. 1. Кызыл, 1963, стр. 65—66; И. А. Батманов. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности. — «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», X, Кызыл, 1963.

³ Тенденциозность И. А. Батманова и З. Б. Арагачи проявляется и в их поспешном выводе: «если удастся разыскать еще 2—3 таких надписи, как на стелах, найденных А. Д. Грачом, то будет полностью доказано местное (от Енисея до Орхона) происхождение древнетюркской письменности» — см.: И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Указ. раб., стр. 26 и ср. стр. 28—30.

⁴ См.: Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, табл. XXVII, 3; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 80, табл. VI; Э. А. Новгорова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, стр. 43, рис. 7; В. Н. Полторацкая. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», № 5. Л., 1962, рис. 2 (4); Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. — Сб. «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927, рис. 11—12, табл. VII; — «Сборник Музея антропологии и этнографии», 17. М.—Л., 1957, стр. 348, рис. 5; — «Материалы по этнографии Государственного Русского музея», т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 153, рис. 9; E. Anati. Rock-Art in Central Arabia. Louven, 1968, t. 3, vol. 1, pl. VII, vol. 2, pl. XI.

⁵ G. Clauson. The Origin of the Turkish «runic» Alphabet. — «Acta Orientalia», XXXII. 1970, pp. 71—72. А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. — «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970, стр. 123—124.

⁶ М. Х. Маннай-оол. Древнее изображение горного козла в Туве. — «Советская археология», 1967, № 1; см. выше примечание 1.

жением», которые он, ссылаясь на стелы с изображением козла и пресловутую «надпись», отнес к VI — началу VII века н. э. А. Д. Грачу, очевидно, не было известно, что тамга с характерным изображением козла имела только у каганской династии второго восточнотюркского каганата, правившей после 682 года. Кольцевые выкладки, раскопанные им возле описанных стел, не содержали никаких указаний на дату. В их мелких ямках находились зола и обломки кальцинированных косточек⁷. В данном случае автор ошибочно принял за погребения остатки жертвенно-поминальных костров, на которых уюкцы сжигали мясо жертвенных животных.

⁷ А. Д. Грач. Указ. раб. Та же ошибка допущена А. Д. Грачом при определении времени аналогичного комплекса в верховьях Хемчика (см.: А. Д. Грач. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР», т. II. М.—Л., 1966, стр. 105—106).

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

У. ДОСПАНОВ

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА И ЗАДАЧИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

За последние годы каракалпакские диалектологи собрали обширный материал по диалектным особенностям языка каракалпаков, проживающих как на территории Каракалпакской АССР, так и за ее пределами.

Изучение и обобщение накопленных данных позволили выделить диалекты каракалпакского языка, установить опорный диалект, выявить междиалектные и внутридиалектные фонетические, морфологические, лексические особенности и отклонения от литературных норм. Эти вопросы получили освещение в ряде работ Д. С. Насырова¹.

Диалекты и говоры каракалпакского языка в сравнении с литературным языком имеют свои фонетико-морфологические и лексические особенности. Прежде всего выделяются лексические значения, отличающиеся характерными признаками. Данный фактор и является главным при составлении диалектологического словаря.

Первый диалектологический словарь каракалпакского языка был составлен Н. А. Баскаковым². В нем собраны материалы северо-восточного (Муйнакский, Тахтакупырский и Караузякский районы) и юго-западного [Кунградский, Ленинабадский, Ходжейлийский, Чимбайский, Кегейлийский, Амударьинский (быв. Кыпчакский), Турткульский, Бирунийский, Шуманайский и Нукусский районы] диалектов.

На основании первичной обработки и анализа собранных материалов народно-разговорной речи каракалпаков Д. С. Насыров выделяет северный и южный диалекты, территориально отличающиеся от северо-восточного и юго-западного.

Следует отметить, что еще до появления указанной работы Н. А. Баскакова, начиная с 1930-х годов, Каракалпакия посещалась многими русскими учеными, изучавшими говоры каракалпакского языка. В дальнейшем были изданы труды С. Е. Малова³ и Е. Д. Поливанова⁴.

Данные об особенностях каракалпакского языка были собраны Н. А. Баскаковым в течение 1926—1945 годов на территории Каракал-

¹ См.: Д. С. Насыров. Состояние и задачи изучения диалектов каракалпакского языка. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 95.

² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. I. Материалы по диалектологии. Тексты и словарь. М., 1951.

³ С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — В сб.: «Каракалпакия», т. II. Л., 1934; его же. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966.

⁴ Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — В сб.: «Труды Хорезмской экспедиции». Ташкент, 1933.

пакии и использованы в качестве основного и в некоторых случаях вспомогательного материала для диалектологического словаря каракалпакского языка. Эти данные рассматривались в сравнении с фактами других тюркских языков и материалами памятников тюркской письменности.

Автор основное внимание уделил юго-западному (по классификации Н. А. Баскакова) диалекту, от которого северо-восточный диалект отличается своей структурой и преобладанием в нем влияний казахского и узбекского языков.

Активный сбор материалов для нового диалектологического словаря начался вскоре после создания Сектора истории и диалектологии каракалпакского языка (1960 год) Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР.

В последние годы силами научных сотрудников Сектора, в результате работы специальных диалектологических экспедиций на территории автономной республики и за ее пределами — в соседних областях Узбекистана и Туркмении — был собран обширный диалектологический материал. Эти материалы легли в основу исследований⁵ и кандидатских диссертаций⁶.

С пользой был использован опыт составления диалектологических словарей других тюркских языков.

А. Профессиональная лексика

Хлопководство — исконная отрасль народного хозяйства Каракалпакии, имеющая вековые традиции. Поэтому в диалектологическом словаре определенное внимание уделялось диалектной лексике, относящейся к хлопководству. Например: *пахта ширкэт* 'заведующий хлопковым складом'⁷, *гаууш* 'джугара', *сүзейүк* 'бульдозер', *тамар* 'корень растения', *мүтүк* 'зернышко', *зейкәш* 'коллектор', *қайық* 'грядка', *қырқлық* 'ножницы для скашивания люцерны' и др.

Жители южных (Турткульского, Бирунийского и Амударьинского) и северных (Ходжейлийского, Шуманайского, Кунградского, Ленинобадского, Кегейлийского, Чимбайского, Караузьякского, Тахтакупырского, Нукусского) районов автономной республики с давних времен занимаются виноградарством, шелководством (разведением коконов), выращиванием бахчевых культур. В их устной речи употребляются связанные с этими отраслями хозяйства слова, например: *азғын, ала қамба||ала қамма* 'сорт дыни', *арнапы йийдә* 'вид джиды', *аш кәди* 'тыква', *гүсини жүзүм, мәске жүзүм* 'сорта винограда', *нутулу йерик, кәсәки йерик* 'сорт урюка, абрикоса'. Группы таких слов также включены в Словарь.

В Каракалпакии выращиваются различные виды зерновых и травяных культур и поэтому в речи носителей северного и южного диалектов каракалпакского языка употребляются соответствующие слова: *ақай жүйәри* 'вид джугары', *бухары бас* 'вид озимой пшеницы', *кәгәгис* 'кукуруза', *көлшә||күлшә* 'маленькие грядки', *қырқлық* 'ножницы, применяющиеся при скашивании люцерны' и т. д.

⁵ «Муйнакский говор каракалпакского языка». Рукопись, 1962; «Тахтакупырский говор каракалпакского языка». Рукопись, 1965.

⁶ У. Доспанов. Лексика южного диалекта каракалпакского языка. Алма-Ата, 1965; Т. Бегжанов. Лексика Муйнакского говора каракалпакского языка. Баку, 1966; Ш. Каримходжаев. Термины земледелия в каракалпакском языке. Ташкент, 1970.

⁷ В статье не приводятся литературные соответствия диалектных слов, а лишь дается их перевод на русский язык.

В разговорной речи носителей северного и южного диалектов каракалпакского языка активно употребляются диалектные слова, имеющие непосредственную связь с животноводством. Например: *қарасан*, *қылай*, *қаталай*, *беки* 'болезнь крупного рогатого скота', *жамаллатуы* 'болезнь лошади', *жылайхана* 'загон для скота', *көрпәш* 'загон для овец', *қарағантал* 'болезнь крупного рогатого скота', *учма* 'болезнь домашнего скота', *шанишуйлай* 'болезнь лошадей' и др. Такие слова также учитывались при составлении Словаря.

Носители Муйнакского говора, языковые особенности которого позволяют отнести его к северному диалекту каракалпакского языка, занимаются в основном рыболовством, что нашло свое отражение в их разговорной речи. Например: *тоқы балық*, *тыран*, *ақтауша* 'виды рыб', *ақан ай*||*суён ай* 'рыболовная сеть для ловли усаца', *шоқыр* 'севрюга', *қара жылым*, *қысқы жылым*, *жаға жылым* 'виды неводов', *запон* 'фар-тук, надеваемый во время чистки рыбы', *рагушка* 'мешок для рыбы' и др.

В Словаре приведены также характерные для южного диалекта слова, связанные с названиями строительных материалов, с плотницким и кузнечным ремеслом, транспортом: *арғыт* 'поперечная балка', *дүткәч* 'дымоход', *дәрсә* 'стекло', *пешман* 'мастер по закладке стены глинобитного дома', *дукән* 'мастерская', *жоңғу* 'рубанок, фуганок', *қышқаш* 'щипцы, клещи, плоскогубцы, тиски', *пәйтеша* 'плотничий топор', *көпчәк* 'ступница', *көшәр* 'ось', *егәр* 'седло', *ушан* 'вид лодки' и др.

Б. Слова, связанные с различными тематическими группами

Фауна Каракалпакии богата различными видами птиц и животных. В разговорной речи носителей северного и южного диалектов каракалпакского языка употребляются многие названия птиц и животных, непосредственно связанных с их классификацией, условиями их обитания, например: *мылтықшы* 'богомол', *үндәк* 'индюк', *хәкәк* 'сорока', *опоныш* 'удод' и др.

В Словаре нашли отражение и слова, относящиеся к названиям растений: *бәлейниш* 'перекати поле', *зерә*, *ийир*, *қамысақ*, *селәй*, *селән*, *пәртәк* 'виды трав', *керт* 'вьюнок полевой', *көрпә* 'отава клевера', *пишән* 'молодой камыш', *сүтлийән* 'съедобное растение с млечным соком', *урух* 'вид дикой травы', *раң*||*ыраң* 'вид травы' и др.

В Словаре приводятся и слова, связанные с названиями предметов домашнего обихода, тканей и одежды, частей человеческого тела. Например: *бақан* 'орудие для заготовки дров', *баспа* 'чайник для заваривания чая', *белшә* 'утварь, применяемая для приготовления плова', *гезлик* 'маленький нож', *ғанжар* 'большой нож', *зинә пайа* 'ступенька', *қайға* 'ведро', *көртешә* 'короткая верхняя одежда', *күкурт* 'спички', *ләгән* 'тарелка', *курси* 'стул', *бота*||*пота* 'вид головного женского платка', *лампы* 'керосин', *пайтаба* 'портянка', *сайаман* 'зонт', *жайғыш* 'передник', *топпы* 'ушанка', *бурун* 'нос', *кәллә* 'голова', *мийә* 'мозг', *тамар* 'вена' и др.

Диалектные данные показывают, что в диалектной лексике имеются омонимы, синонимы, антонимы, а также специфические диалектные явления, объединяемые изоглоссами. Поэтому и такие слова нашли отражение в Словаре.

Иногда для передачи семантики диалектного слова трудно подобрать в литературном языке заменяющий его компонент. В подобном случае следует сохранять само диалектное слово. За основу в таком случае берется значение слова, распространенное в данной местности. Например, в южном диалекте часто употребляется диалектное слово *дайабый-*

ласый (в каракалпакском же литературном языке отсутствует слово, непосредственно обозначающее данное понятие, однако оно может быть приравнено по содержанию к слову *дайласый* 'спорить'); *апалак* — *жапалак* 'быстрый, проворный' и др.

Как известно, семантические диалектизмы отличаются от слов литературного языка только своими значениями. В некоторых сельских местностях — Аккамыс, Акбаслы Турткульского района русское «ягниться» передается словом *қозылай*, означающим в южном диалекте «рожать ребенка». Говоря о женщинах, применяют уважительное *пашша* с дополнительным, новым значением «царица», «царевна». В Словаре заняли подобающее им место и слова, характерные для семантических диалектизмов.

Определенная часть Словаря отводится диалектальной омонимии. Каждый из омонимов дается как реестровое слово, а его значение раскрывается с помощью примеров. Диалектное слово может быть фонетически тождественным тому или иному слову литературного языка: *майдан* диал. 'время, эпоха', *майдан* лит. 'площадь, хлопковое поле, арена боя, нива, подготовленная для посева', *мат* диал. 'потерпеть поражение на поле сражения', *мат* лит. 'мат в шахматной игре' и т. д.

Некоторые слова южного диалекта от соответствующих слов говоров северного диалекта и литературного языка отличаются лишь внешней формой. Например, вместо слова *басқалдақ* 'мостик, перекладина через арык', употребляющегося в северном диалекте и литературном языке, в южном диалекте употребляется *айақ гөпір*. При обращении к детям в южном диалекте употребляются слова *арқач*, *йабыш*, а в литературном языке и северном диалекте — *жабысыу* 'прилипание, хватание' и др.

Иногда в Словаре различные фонетические варианты одного и того же слова приводятся рядом и разделяются параллельными черточками. Следует признать справедливым предложение азербайджанского диалектолога Р. А. Рустамова подавать такие диалектные слова как заглавные с соответствующим объяснением их значений и со ссылками друг на друга. Примеры таких слов: *гүнәккәр* 'виновный', *қазыр* 'сейчас', *баләнт* 'высокий', *кәйис* 'выговор' и т. д. При подобной подаче значительно облегчается пользование словарем и сопоставление данного слова с аналогичными словами других тюркских языков⁸.

Наряду с указанием значений диалектных архаизмов большое внимание в Словаре уделяется их особенностям в сравнении с каракалпакским литературным языком. Например, *салғырт* 'налог', *қайт* 'праздник', *айхун* 'духовный сан', *мәшит* 'мечеть' и др.

Спорным, еще не решенным до конца вопросом является следующий: нужно ли в качестве реестровых слов выделять единые словосочетания, состоящие из двух, трех, а иногда и четырех слов. Ш. Ш. Сарыбаев, например, указывает, что в качестве реестровых слов в диалектных словарях должны выделяться не только отдельные слова, но и целые словосочетания, состоящие из двух или даже нескольких слов⁹. К подобным словосочетаниям, например, относятся такие, как *айағына шаңғал уруу* 'препятствовать намеченной работе', *атасындай адам* 'равный по возрасту с отцом', *гунайы бар* 'виновный', *ийгә тартар* 'необходимый' и др. В этом вопросе мы разделяем мнение Ш. Ш. Сарыбаева.

⁸ См.: Р. А. Рустамов. О принципах составления диалектологического словаря азербайджанского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 69.

⁹ Ш. Ш. Сарыбаев. Некоторые вопросы составления диалектных словарей казахского языка. — Там же, стр. 73.

Каракалпакские диалектологи при практической транскрипции опираются на новый алфавит и правила орфографии, принятые в 1957 году.

В отдельных случаях для обозначения аффрикаты «дж» используется «ж».

Наш опыт работы над Словарем показывает, что нецелесообразно включать в него:

1) слова, имеющие характерные грамматические особенности (*келиң*, *келесиз* 'приходи, приходите', *барасыз* 'пойдете', *жүресизлер* 'идете' и т. п.);

2) элементы книжного языка, сохранившиеся в разговорной речи (*хошласалы* 'прощаюсь', *көрисели* 'увиджу', *қаишлары кәман* 'брови, подобные луку [оружие]', *әйдек* 'подобный луне', *ай пәрий* 'лунолика' и др.);

3) слова, входящие в состав литературных дублетных вариантов (*ирет*||*рет* 'черед', *кесеј*||*көсеј* 'деревянная кочерга', *сарқум*||*сарқым* 'кружка', *рейим*||*ирейим* 'милосердие, жалость, сочувственное отношение').

В Словарь не включаются также слова ономастического характера и содержания.

В настоящее время Краткий (составители У. Доспанов, Б. Бекетов, Ш. Каримходжаев) и Большой (составители Д. С. Насыров, У. Доспанов) диалектологические словари каракалпакского языка готовятся к изданию.

Вл. ДРИМБА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В РУМЫНИИ

Начало румынской тюркологии было положено выходом в свет около 1716 года «Истории Османской Империи» (*Incrementa atque decrementa Aulæ Otho manicae*) князя Димитрия Кантемира (1673—1723). Написанная на латинском языке, эта работа приобрела большую и заслуженную известность и была переведена и издана на английском (1734), французском (1743) и немецком (1745) языках. Монументальный труд румынского ученого представлял собой важное исследование по истории Османской Империи и ее институтов, содержал многочисленные сведения по турецкой литературе, этнографии и фольклору¹.

После этой выдающейся работы Д. Кантемира последовал длительный период, на протяжении которого румынская тюркология ограничивалась составлением и публикацией учебников и разговорников турецкого языка, изданием словарей, переводами произведений турецкой литературы с других языков и небольшими работами, популяризирующими турецкую литературу и фольклор².

В конце XIX и в начале XX века появляются научные, в современном понимании этого слова, исследования, принадлежащие Л. Шаиняну³, Б. П. Хашдеу⁴ и Т. Лёбелю⁵, посвященные выявлению турецкого влияния на румынский язык. Несколько позже публикуются труды крупного историка Н. Йорги⁶ и видных лингвистов О. Денсушяну⁷, А. Филиппиде⁸ и Н. Драгану⁹, в которых рассматривается кыпчакское (печенего-куманское) влияние на румынскую лексику и ономастику.

Труды Л. Шаиняну, хотя во многих отношениях и устаревшие, по сей день продолжают сохранять свое фундаментальное значение. Со временем они дополнялись и уточнялись такими исследователями, как В. Богря, А. Граур, Й. Йордан¹⁰ и многими другими. Исследования всех этих ученых чрезвычайно важны для изучения истории и лексического состава румынского языка. В настоящее время молодой румынский ученый Эмиль Сучу подготавливает большую монографию о турецком влиянии на румынский язык; будучи последователем Л. Шаиняну, он ведет исследование на основе современной методики, опираясь на более обширный фактический материал.

Тюркологические исследования в Румынии начали носить организованный характер лишь с 1957 года, с созданием кафедры турецкого языка и литературы в составе секции восточных языков факультета романских, классических и восточных языков Бухарестского университета. Как и в Институте языкознания, Институте истории и теории литературы имени Джордже Калинеску, Институте этнологических и диалектальных

исследований, Институте юго-восточно-европейских исследований, здесь за последние двадцать лет проводятся систематические собственно филологические (лингвистика, литературоведение и фольклористика) исследования в области тюркологии, качественно отличающиеся от исследований прежнего времени, когда эпизодически изучалось в основном влияние турецкого языка на румынский. Необходимо отметить, что большую роль в развитии тюркологии и румынского востоковедения в целом играет основанное в 1956 году в Бухаресте Общество востоковедения, которое объединяет всех интересующихся культурой Востока и публикует в своем журнале «*Studia et Acta Orientalia*» научные работы своих членов и зарубежных специалистов. Вполне понятно, что за два последних десятилетия тюркология в Румынии не могла достигнуть таких же успехов, как в странах со старыми востоковедческими традициями.

Обратимся к рассмотрению научных публикаций румынских тюркологов.

1. В области лингвистики.

По вопросам общей тюркологии следует отметить статью А. Баубека, в которой автор анализирует ту роль, которую играет сингармонизм в сохранении устойчивого характера агглютинативного строя тюркских языков¹¹, а также статью Э. Мамута, рассматривающую различные аспекты взаимных контактов между самими тюркскими языками, а также между ними и языками других семей. Автор приходит к ряду выводов о роли этих контактов в эволюции тюркских языков¹².

Г. И. Константин посвятил ряд статей некоторым проблемам, связанным с древним периодом развития тюркских языков, в частности, выяснению вопроса о принадлежности языка гуннов к тюркской языковой семье¹³, об употреблении (вероятно, под влиянием китайского языка) форманта *är* в качестве родового показателя в енисейских надписях¹⁴, о прочтении в рунической надписи, найденной в Монголии¹⁵, имени *Cingis Qaγan*.

Исследования турецкого языка до настоящего времени были представлены большим числом работ: Н. М. Юсуфом дан статистический анализ фонологической структуры современного турецкого литературного языка¹⁶; в другой своей статье, основываясь на частотности фонем, он устанавливает энтропию одного поэтического текста¹⁷. Э. Сучу исследует происхождение, значения и продуктивность неологического суффикса *-ov*¹⁸; Вл. Дримба исследует две, недостаточно изученные до настоящего времени, проблемы синтаксиса современного турецкого языка: предикативное определение¹⁹ и свободную косвенную речь²⁰. В области лексики упомянем статью И. Матея о румынском влиянии на лексику турецкого языка²¹ и статью Вл. Дримбы, в которой исследуются этимология и семантика значительного числа турецких арготических терминов²². В статье Э. Мамута дана семантическая и структурная классификация турецкой топонимии Добруджи²³.

Благодаря наличию на территории Румынии (особенно в области Добруджи) нескольких тюркских этнических групп, диалектология является одной из наиболее разработанных областей румынской тюркологии. Первые работы по диалектологии принадлежат В. Динеску-Секели и Г. И. Константину, занимавшимся изучением говора небольшой группы тюркофонов, проживающих в Бухаресте²⁴. С 1964 по 1970 год бухарестским Институтом языкознания были проведены два нижеследующих важных мероприятия по изучению тюркских диалектов:

1) по инициативе и под руководством автора настоящей статьи был создан «Фонограммный архив турецких и татарских говоров Румынии».

Систематически выезжая на места, К. Кэлин, К. Морару и Л. Доробанцу-Ботез произвели магнитофонную запись диалектных текстов (включая и тексты фольклорного характера) примерно в 40 населенных пунктах с турецким и татарским населением. Часть текстов была ими переписана в фонетической транскрипции при непосредственном сотрудничестве исследователей Недрет и Энвера Мамут, А. Баубека и Н. М. Юсуфа, татар по национальности²⁵;

2) в целях монографического исследования тюркских диалектов, распространенных в Добрудже и на острове Ада-Кале, Вл. Дримба при помощи опросных листов, содержащих около 4500 вопросов, собрал сведения почти в 30 пунктах с тюркским населением, расположенных в этих двух зонах. В опубликованной автором работе приведены предварительные результаты исследования турецких говоров Добруджи и предложение их классификация²⁶.

Здесь же следует упомянуть и подготавливаемое А. Баубеком монографическое исследование (докторскую диссертацию) турецкого говора села Фынтына Маре (Башпынар).

В области истории и исторической диалектологии турецкого языка следует отметить нижеследующие научные публикации. А. Дечей опубликовал рукопись, датируемую 1646 годом и представляющую собой турецкий перевод текстов, излагающих религиозные воззрения патриарха Геннадия Схолария²⁷. П. Ш. Настурел и А. Элиан опубликовали ценные дополнения к известному труду Гюлы Моравчика «Byzantinoturci-sa»²⁸. Карл Гёльнер выпустил в свет капитальное двухтомное издание, включающее опись западноевропейских публикаций XVI века, посвященных туркам, представляющих определенный интерес и для исследователей турецкой филологии²⁹. Вл. Дримба исследовал язык «турецких» произведений румынского писателя Антона Панна, в которых нашли отражение особенности турецкого говора XIX века³⁰, а также элементы турецкого языка и грамматики у Гильома Постеля (XVI век)³¹.

Полезные сведения о старотурецких текстах содержатся в работах библиографического характера Конст. К. Джуреску, Михаила Губоглу, Д. Симонеску и Д. Думитреску³².

Упомянем также работы, имеющие практическое значение, такие, как учебник турецкого языка А. Баубека³³, румынско-турецкий разговорник С. А. Муратчи и Ал. Георгиу³⁴. Члены кафедры турецкого языка и литературы Бухарестского университета готовят к печати турецко-румынский словарь. А. Баубек работает над созданием румынско-турецкого словаря.

Внимание диалектологов привлекают татарские диалекты Добруджи, представляющие собой ответвления крымско-татарского языка.

Первым в Румынии их исследовал Вл. Дримба. В целях разработки татарского алфавита на основе латинской графики для создания учебников, предназначенных татарским школам, учрежденным в Добрудже для татарского населения, Вл. Дримба дал краткое описание татарских фонем³⁵. В сотрудничестве с Н. А. Джафером он взялся за решение ряда проблем, возникших в связи с практикой преподавания в школе татарского языка (алфавит, диалектная основа языка школьных учебников, вопросы, возникавшие в связи с составлением последних)³⁶. В опубликованном в 1960 году большом исследовании Вл. Дримба вновь обратился к проблеме классификации татарских диалектов Добруджи и подробно описал один из них, так называемый «татский диалект» (малораспространенный и до нашего времени почти не сохранившийся), сопоставив его с широко бытующим «крымским диалектом»³⁷. Одной из

последних публикаций Вл. Дримбы являются татарские загадки. Во введении автор излагает принципы фонетической транскрипции, использованной им при воспроизведении текстов, а также характеризует лингвистические особенности загадок, принадлежащих двум диалектным зонам³⁸.

Попытка классифицировать татарские диалекты Добруджи была предпринята и Н. Мамут³⁹. Глубоким изучением этих диалектов занялся Э. Мамут. В первой своей статье (к которой он впоследствии возвращается, развив основные ее положения⁴⁰) автор сравнивает основной татарский диалект Добруджи с крымско-татарским языком и с татарским языком Татарской АССР. По мнению Э. Мамута, татарский диалект Добруджи, отделившись от крымско-татарского языка, приобрел множество собственных индивидуальных лингвистических особенностей и ныне может рассматриваться как язык вполне самостоятельный. В другой своей статье автор утверждает, что в синтаксических конструкциях татарского языка (и других тюркских языков), в которых прямое дополнение выражено основным падежом, этот последний фактически должен рассматриваться как винительный с отсутствующим формантом (налицо — случай синкретизма)⁴¹. На основе анализа обширного фактического материала, автор выявляет элементы влияния румынского и турецкого языков на татарские говоры Добруджи⁴².

Самой значительной работой Э. Мамута является его «Общий курс татарского языка»⁴³. Автор представил ее в переработанном виде в качестве докторской диссертации, озаглавленной «Татарские говоры Добруджи»⁴⁴. Основанное на богатом диалектальном материале (собранном самим автором путем анкетирования), исследование включает в себя полное и систематическое описание фонетики, фонологии и морфологии главного татарского диалекта Добруджи. В заключительной главе характеризуются наиболее важные особенности других татарских диалектов, распространенных в данной области.

В статье К. Кэлин исследуется татарский говор села Махмудия (на северо-востоке Добруджи)⁴⁵. А. Баубек в своей статье подвергает анализу значения суффикса *-уап/-геп* в татарских говорах Добруджи⁴⁶, а Н. М. Юсуф⁴⁷, опубликовавший в виде статьи главу из своей монографии «Татарская антропонимия в Добрудже», предлагает семантико-структуральную классификацию татарских прозвищ в той же зоне.

Ч. Погирк в своей работе выявляет несколько крымско-татарских лексических элементов в языке готов Крыма⁴⁸; Э. Мамут, изучающий разговорный диалект *ногайцев* в Добрудже, раскрывает процесс его постепенной ассимиляции под воздействием татарского диалекта этой области⁴⁹; Вл. Дримба описывает характерные особенности говора румынских *караимов*, выходцев из Крыма⁵⁰. Ему принадлежит ряд статей о гагаузском языке: о фонетике говора поселка Чадырлунга (юг Бессарабии)⁵¹, о звательном падеже⁵², о происхождении категории парокситонических слов и словообразующего суффикса *-ka*⁵³, а также работа, в которой характеризуются гагаузские говоры Болгарии в сопоставлении с гагаузскими говорами Бессарабии⁵⁴.

В последнее время Вл. Дримба занимается исследованиями в области куманского языка. Готовя к печати специальное издание «Кодекса Куманикуса» (принципы подготовки которого изложены им в одной из его работ⁵⁵), он опубликовал несколько статей, содержащих многочисленные предварительные критические замечания, касающиеся текста знаменитой рукописи и значения некоторых слов⁵⁶. В своей книге «Синтаксис куманского языка» автор описывает синтаксические особенности языка «Кодекса Куманикуса»; к книге приложены крити-

ческий текст, составленный по рукописям, перевод на французский язык, известные латинские подлинники, библиография этих текстов⁵⁷.

Вл. Дримба занимается также исследованием саларского языка, который рассматривает как самостоятельный язык, относящийся к чагатайской семье⁵⁸. Монгольские лексические заимствования в саларском он пытается конкретно соотнести с этими языками⁵⁹.

II. В области литературоведения.

Предметом исследования румынских ученых являются турецкая и татарская литературы.

Изучению турецкой литературы посвящены работы Виорик Динеску-Секели, автора статей о современной турецкой реалистической литературе. В ряде своих работ автор рассматривает творчество Решата Нури Гюнтекина⁶⁰, анализирует особенности его художественного стиля, давая высокую идейно-эстетическую оценку его произведениям, проникнутым высоким патриотическим пафосом. В. Динеску-Секели рассматривает также роман «Индже Мемед» Яшара Кемаля, заостряя внимание на сложности характера главного героя⁶¹ этого романа.

В. Динеску-Секели привлекают и произведения Фахри Эрдинча, в которых острая политическая сатира сочетается с глубоким авторским лиризмом⁶². Исследователем характеризуются особенности современного турецкого романа из сельской жизни, выясняется роль фольклора в творчестве Яшара Кемаля и Факира Байкурта, раскрывается позиция этих писателей по отношению к натурализму и сентиментализму, отмечается глубина, типическое многообразие и сложность характеров крестьян в произведениях этих писателей⁶³. В статьях В. Динеску-Секели рассматривается также сатирическая проза Азиза Несина, ее характерные особенности⁶⁴.

В. Динеску-Секели является одновременно и талантливым переводчиком современной турецкой прозы. Большинство ее переводов (обширная антология рассказов, опубликованная в 1962 году, перевод романов «İnce Memed» Яшара Кемаля и «Çalıkuşu» Решата Нури Гюнтекина) изданы с обстоятельными предисловиями и комментариями⁶⁵. Особо следует отметить двухтомную антологию новелл и очерков, которой предпослано обширное введение и хронологическая таблица, включающая биобиблиографические данные тридцати одного турецкого писателя, из чьих произведений составлена антология⁶⁶.

В. Динеску-Секели является автором монографического исследования о литературной эволюции турецкого театра теней (ее докторская диссертация)⁶⁷. Вслед за историческим обзором автор останавливается на отражении традиционных символов и мифов в Kağanöz oyunu, на эволюции игры, попытках реставрации турецкого театра теней и его влиянии на румынский народный и оригинальный театр.

П. Дину⁶⁸ издал ряд переводов турецкой прозы («Baba evi» и «Ava-ge yillar» Орхана Кемаля и «Sinekli Bakkal» Халиде Эдиба Адывара), снабдив их содержательным предисловием и комментариями. Необычайно плодовитым переводчиком выступает Н. М. Юсуф. Им переведены многие произведения классической и современной турецкой поэзии, причем переводам предпосланы биографические очерки и библиография творчества соответствующих авторов⁶⁹. Н. М. Юсуфом издана в собственных переводах антология образцов литературы Танзимата с введением и глоссарием⁷⁰. В соавторстве с А. Баубеком и Н. Иоаной (написавшим предисловие) Н. М. Юсуфом выпущена в свет и антология переводов современной турецкой лирики⁷¹. Представляют несомненный интерес составленные Н. М. Юсуфом хроники о распространении румынской литературы в Турции⁷². Отметим также исследование Галины

Майевской о драматургии Назыма Хикмета⁷³ и о месте, занимаемом ею в мировой литературе.

Ш. Вуап-Мокану выступает со статьями о татарской литературе. Ею написана работа о значении и роли «Моабитской тетради» Мусы Джалиля в истории татарской литературы⁷⁴. В ряде статей автор анализирует развитие татарской литературы за период с 1860 по 1917 год, пытается установить место, занимаемое ею в мировом литературном процессе⁷⁵, и говорит о приверженности татарской поэзии к классическим традициям⁷⁶. Ш. Вуап-Мокану в настоящее время готовит докторскую диссертацию «Творчество татарского поэта Мусы Джалиля и место, занимаемое им в советской многонациональной литературе».

III. В области фольклористики.

Прежде всего следует упомянуть работы сравнительного характера. Так, Н. Мамут в одной из своих работ раскрывает характерные черты и особенности «анекдотических пословиц» в турецком, татарском, румынском, русском и болгарском фольклоре⁷⁷, типы и функции некоторых традиционных формул в тюркских сказках⁷⁸ (анализ типов первичных формул давался и Э. Мамутом⁷⁹), а также некоторые формы анимизма в мифологии тюркских народов⁸⁰. В одной из наиболее ранних статей автором рассматривается добруджско-татарский вариант любовного повествования «Козы Курпеш». Сопоставляя этот сюжет с его другими тюркскими вариантами (башкирским, казахским, алтайским и башкирским)⁸¹ Л. Доробанцу проводит сравнительное исследование чудесных превращений в тюркских и румынских сказках⁸². Особого упоминания заслуживает докторская работа Н. Мамут «Татарский и турецкий фольклор в Добрудже в сравнительном аспекте», в которой дается исторический обзор проблемы и проводится сопоставление татарских и турецких народных поэм, сказок, пословиц и загадок Добруджи⁸³ с тюркским и юго-восточно-европейским фольклором.

В области турецкого фольклора отметим несколько работ паремиологического характера. А. Баубеком и Н. Константиеску опубликован сборник турецких пословиц, с переводом и содержательным введением⁸⁴. Л. Джамо-Диаконица пытается ограничить турецкую паремиологию балканскими рамками⁸⁵, а В. Динеску-Секели исследует ее историческую эволюцию⁸⁶.

Г. И. Константин, основываясь на богатом фактическом материале, прослеживает распространение анекдотов о Ходжа Насреддине в Турции, Румынии, балканских странах и их отражение в румынской народной литературе⁸⁷. Этот же аспект проблемы исследует и М. Губоглу⁸⁸, а И. Фараго изучает проникновение анекдотов этого цикла через посредство румынского языка⁸⁹ в фольклор венгерской общины в Румынии.

Одна из работ В. Динеску-Секели посвящена сопоставительному анализу нескольких общих сюжетов турецких и румынских народных повестей⁹⁰. Е. Попеску-Жудец делает обзор народных турецких спектаклей, популярных в Румынии в XVI—XIX веках, и рассматривает влияние народного турецкого театра на старую румынскую драматургию⁹¹.

Краткие сведения о литературном турецком фольклоре острова Ада-Кале приведены в статье, написанной музыковедом И. Р. Николой⁹².

Татарский фольклор Добруджи до последнего времени был изучен намного основательнее, нежели турецкий. В двух крупных исследованиях А. Дж. Наджи описаны традиционные татарские обычаи, прослежено их отражение в фольклорных произведениях, приведено большое число иллюстративных текстов⁹³. Н. Мамут исследованы: тема кровной мести в народных татарских поэмах «Шора Батыр» и «Эдеге Батыр», в сопоставлении с теми формами, которые она приобрела в румынских

балладах⁹⁴, а также некоторые темы сказок добруджских татар. М. А. Экрем устанавливает присутствие в татарском фольклоре ряда шаманистских реминисценций⁹⁵. К. Кэлин прослеживает эволюцию сюжетной композиции и языка эпоса «Шора Батыр» на протяжении полувека⁹⁶.

Значительный интерес представляют некоторые музыковедческие работы, в которых музыкальный фольклор изучается в комплексе с литературным. Первая попытка такого изучения была предпринята С. Хусеином⁹⁷. Вслед за ним систематическое и всестороннее изучение музыкального фольклора татарского населения Добруджи (и других тюркских ареалов Румынии) с использованием магнитофонной записи проводила Г. Сулицяну. Музыкальные произведения записывались и комментировались ею одновременно с их литературными текстами (при их наличии)⁹⁸. Опубликованные Г. Сулицяну исследования содержат интересные данные об особенностях музыки эпических повествовательных жанров⁹⁹. Автор характеризует исполняемые певцами отрывки из эпоса «Шора Батыр»¹⁰⁰, относящиеся к музыке «шынов»¹⁰¹, песни, сопровождающие девичьи танцы и испытавшие некоторое турецкое и румынское влияние¹⁰², а также погребальные песнопения¹⁰³. Во всех этих исследованиях автор при первой возможности анализирует содержание литературных текстов, их поэтику и стилистические особенности, сопровождая свои суждения многочисленными музыкальными и текстовыми примерами на татарском языке, а нередко и румынскими переводами¹⁰⁴.

Можно отметить и довольно богатое собрание татарских загадок, опубликованное автором данной статьи с их французскими переводами¹⁰⁵.

Г. И. Константин в одной из своих работ проследил распространение анекдотов о Ходжа Насреддине среди других тюркских народов: крымских татар¹⁰⁶, чувашей¹⁰⁷, киргизов¹⁰⁸, хакасов¹⁰⁹.

IV. В области историографии румынской тюркологии.

Эта проблема получила довольно полное освещение в многочисленных публикациях, упомянутых в начале настоящего обзора¹¹⁰. Этот перечень необходимо дополнить следующими работами: Г. И. Константин в одной из своих публикаций отметил, что впервые о древних енисейских надписях упомянул румынский ученый, путешественник и дипломат Николай Милеску (в 1675 году)¹¹¹; Г. Сулицяну издала научный отчет о проводившихся ею исследованиях фольклора тюркского населения Добруджи¹¹²; Н. Мамут описала деятельность румынского фольклориста-любителя, изучавшего турецкий и татарский фольклор¹¹³. Наиболее значительной работой по румынской историографии, посвященной тюркской этнографии и фольклору, является подробная аналитическая библиография, составленная Корнелией Кэлин¹¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Mihail Guboglu. Dimitrie Cantemir și istoria imperiului otoman* [Димитрий Кантемир и история османской империи]. — «Studii și articole de istorie», II, 1957, стр. 199—203; *его же. Dimitrie Cantemir — orientalist*. — «Studia et Acta Orientalia», III, 1961—1962, стр. 129—160 (в особенности стр. 146—148); *Adrian Fochi. Dimitrie Cantemir etnograf și folclorist* [Димитрий Кантемир — этнограф и фольклорист]. — «Revista de etnografie și folclor», IX, 1964, № 1, стр. 71—102 и № 2, стр. 119—142; *Gh. I. Constantin. Dimitrie Cantemir despre Nastratin Hogea* [Димитрий Кантемир о Насретдине Ходжа]. — «Revista de istorie și teorie literară»,

XXII, 1973, № 2, стр. 209—212; *Octav Păun*. Dimitrie Cantemir, etnograf și folclorist [Димитрий Кантемир — этнограф и фольклорист]. — «Analele Universității București», Limbă și literatură română, XXII, 1973, № 2, стр. 35—40; *Liliana Botez*. Dimitrie Cantemir, precursor al orientalisticii [Димитрий Кантемир, предшественник востоковедения]. — «Revista de istorie și teorie literară», XXIII, 1974, № 1, стр. 51—58; *Petru Caraman*. L'ethnographie Cantemir et le folklore du Proche-Orient. — «Dacoromania» (Freiburg—München), II, 1974, стр. 313—341 и III, 1976; *Viorica Dinescu*. La contribution de Démètre Cantemir à la parémiologie turque, там же, II, 1974, стр. 347—362; *Mihail Guboglu*. Dimitriye Kanemir'in eserinde Türk folkloru. — «I. Uluslararası Türk Folklor Semineri. Bildiriler». Ankara, 1974, стр. 383—390; *Georges Cioranescu*. La contribution de Démètre Cantemir aux études orientales. — «Turcica», VII, 1975, стр. 205—232.

² См.: *Mihail Guboglu*. Orientalistica română [Румынское востоковедение], «Studii și articole de istorie», I, 1956, стр. 314—350; *его же*. Contributions roumaines aux études orientales. — «Archiv Orientalni», XXIV, 1956, № 3, стр. 454—475; *Ion Matei*. Notes concernant l'enseignement des langues orientales dans les Pays Roumains. — «Studia et Acta Orientalia», V—VI, 1967, стр. 93—116; *Nevzat M. Yusuf*. Romanya'da Türk edebiyatı. — «Varlık», Sayı 695, 1 Haziran 1967, стр. 18; *Viorica Dinescu*. Romanya'da Türk edebiyatı. — «Akşam», 16 мая 1968 и «Dost», май 1968; *Viorica Dinescu*. La littérature turque en Roumanie. — «Studia et Acta Orientalia», VIII, 1971, стр. 199—207; *Cornelia Călin*. Nouvelles sources pour l'étude du folklore turc. (Le folklore turc dans les anciens calendriers roumains). — «I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri» I. Cilt. Genel Konular. Ankara, 1976, стр. 79—86; *Mustafa Ali Mehmet*. Romanya Türk toplumunun folkloru üzerine bazı mülâhazaları, там же, стр. 203—209.

³ *Lazăr Șăineanu*. Elemente turcești în limba română [Турецкие элементы в румынском языке]. București, 1885; *Influența orientală asupra limbii și culturei române* [Восточное влияние на румынский язык и культуру], 3 тома. București, 1900; *L'influence orientale sur la langue et la civilisation roumaines*, 2 тома. Paris, 1902.

⁴ *B. P. Hasdeu*. Sur les éléments turcs dans la langue roumaine. Notice lue au VIIe Congrès des Orientalistes à Vienne le 2 octobre 1866. Bucarest, 1866; *Etymologicum Magnum Romaniae*, 4 тома. București, 1886—1898, passim.

⁵ *Theofil Löbel*. Elemente turcești, arăbești și persane în limba română [Турецкие, арабские и персидские элементы в румынском языке]. Constantinople — Ipsca, 1894; *Contribuțiuni la stabilirea originii orientale a unor cuvinte românești. Observațiuni relative la opera «Influența orientală asupra limbii și culturii române» de Lazăr Șăineanu* [Лепта, внесенная в установление восточного происхождения некоторых румынских слов. Замечания, относящиеся к работе «Восточное влияние на румынский язык и культуру» Лазаря Шаиняну]. București, 1908.

⁶ *N. Iorga*. Imperiul cumanilor și domnia lui Băsarabă. Un capitol din colaborația româno-barbară în Evul Mediu [Империя половцев и правление Бассараба. Глава из румынско-варварского сотрудничества в средневековье]. — «Memoriile Academiei Române», Secția Istorică, S. III, t. 8, București, 1927—1928, стр. 97—103; *Revelații toponimice pentru istoria neștiută a românilor. I. Teleormanul* [Топонимические открытия в неизвестной истории румын. I. Телеорман]. București, 1941.

⁷ *Ovide Densusianu*. Histoire de la langue roumaine. Tome I. Paris, 1900, стр. 379—385; «Grai și Suflet», IV, стр. 147—152 и VI, стр. 313.

⁸ *Al. Philippide*. Originea românilor [Происхождение румын]. Т. II, Iași, 1928, стр. 350—379.

⁹ *N. Drăganu*. Românii în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticei. București, 1933, стр. 505—533; Bărağan, «Dacoromania», VIII, стр. 132—135.

¹⁰ Этимологические изыскания в области турецкого влияния на румынский язык весьма многочисленны; здесь нами упоминаются лишь некоторые из них, на наш взгляд, наиболее значительные: *V. Bogrea*. Contribuție la studiul influenței orientale din limba română [Вклад в изучение восточного влияния на румынский язык], «Dacoromania», I, стр. 272—290; *его же*. Note de toponimie dobrogeană [Заметки о добруджской топонимии]. — «Analele Dobrogei», II, 1921, стр. 33—38, и многие другие этимологические статьи, опубликованные в журналах «Dacoromania» и «Anuarul Institutului de istorie națională» (Cluj); *Al. Graur*. Contribuție la «Influența orientală» [Вклад в «Восточное влияние»], «Grai și Suflet», VI, стр. 330—333; *его же*. Etimologii românești [Румынские этимологии]. București, 1963 и многие другие его работы, особенно опубликованные в журналах «Bulletin linguistique», «Cum vorbim», «Limba română», «Studii și cercetări lingvistice»; *Iorgu Iordan* опубликовал многочисленные работы главным образом в журналах «Buletinul Institutului de filologie română Alexandru Philippide» и «Arhiva» (Iași); *Aurel Decoi*. Toponymie turque de la Roumanie. — «Troisième Congrès International de toponymie et d'anthroponymie», tome II. Louvain, 1951, стр. 365—373; *Vladimir Drimba*. Note de lexicologie aromână. Elemente turcești [Заметки об арумынской лексикологии. Турецкие элементы]. — «Studii și cercetări lingvistice», I, 1950, стр. 290—296; Împrumuturi turcești în dialectele românești sud-dunărene [Турецкие заимствования в южнодунайских румынских диалектах], там же, VIII, 1957, стр. 225—237, а также многочисленные этимологические заметки, опубликованные в журнале «Limba română»; *C. Moldovanu*. Contributions à l'étude des mots roumains d'origine orientale. — «Cahiers Sextil Pușcariu», I, 1952, стр. 421—428; *Maria Matilda Alexandrescu-Dersca*. L'origine du nom de la Dobroudja. — «Contributions onomastiques publiées à l'occasion du VIIIe Congrès International des Linguistes à Oslo. București, 1958, стр. 97—114; *Victor Buescu*. Étymologies roumano-turques. — «Orbis», XI, 1962, fasc. 1, стр. 289—341; *I. Matei*. Notes sur les «turcismes» du dialecte roumain de Banat. Un problème de méthode. — «Revue des études sud-est européennes», V, 1967, № 3—4, стр. 567—571; *Emil Sucin*. Nume de familie românești de origine turcă [Румынские фамилии турецкого происхождения]. — «Limba română». XXIV, 1975, № 2. Кроме вышеупомянутых журналов, важным источником для изучения румынских заимствований из турецкого может служить «Dicționarul limbii române» [Словарь румынского языка], изданный Румынской Академией наук.

¹¹ *Agiemin Baubec*. Unele considerații privind aglutinarea și armonia vocalică în limbile turce [Некоторые соображения по поводу агглютинации и сингармонизма в тюркских языках]. — «Analele Universității București», Limbi clasice, XVIII, 1969, стр. 153—157.

¹² *Enver Mamut*. Contactul între limbi. (Pe baza materialelor limbilor turce) [Контакт между языками. (На основе материалов тюркских языков)]. — «Analele Universității București», Limbi clasice și orientale, XX, 1971, стр. 124—138.

¹³ *G. I. Constantin*. Were the «Hiung-nu» Türks or Mongols? (Regarding some etymologies proposed by Prof. K. Shiratori). — «Studia et Acta Orientalia», I, 1957, стр. 317—323.

¹⁴ *G. I. Constantin.* Zum Gebrauch des *är* als Geschlechtsappellativum in der Sprache der Jenissej-Inschriften. — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», VII, 1959, Heft 2, стр. 252—269.

¹⁵ *G. I. Constantin.* A late Kök-Turkish runic inscription on a semi-precious stone, found in Mongolia in 1956. — «Archiv Orientalní», XXVII, 1959, стр. 424—436. См.: *С. Г. Кляшторный.* К вопросу подлинности древнетюркской надписи с именем Чингис-Хана. — «Проблемы востоковедения», т. I. Москва, 1960, стр. 173—175.

¹⁶ *Nevzat M. Yusuf.* Çağdaş Türk dilinin fonolojisi üzerine istatistik notlar. — «I. Türk Dili Bilimsel Kurultayına Sunulan Bildiriler (Ankara, 27—29 Eylül 1972)». Ankara, 1975, стр. 151—155.

¹⁷ *Nevzat M. Yusuf.* Şiiri entropi ve kaynak. — «Труды 1-го Международного конгресса тюркологов в Стамбуле» (в печати).

¹⁸ *Emil Sucin.* L'origine et les valeurs du suffixe — *ov* en turc de Turquie. — «Revue Roumaine de Linguistique», XIX, 1974, № 2, стр. 155—171.

¹⁹ *Vladimir Drimba.* La détermination prédicative en turc de Turquie. — «Ural-Altaische Jahrbücher», XLVIII, 1976, стр. 49—64.

²⁰ *Vladimir Drimba.* Le style indirect libre en turc de Turquie. — «Turcica», VIII/1, 1976, стр. 7—20.

²¹ *Ion Matei.* Mots d'origine roumaine en turc. — «Revue des études sud-est européennes», IV, 1966, № 1—2, стр. 223—232.

²² *Vladimir Drimba.* Asupra unor termeni din argoul turcesc [О некоторых терминах из турецкого апро]. — «Omăgiu lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani». Bucureşti, 1958, стр. 265—270.

²³ *Enver Mahmut.* Anlam ve yapı bakımından Dobruca'daki Türk yer adları. — «Çevren» (Prizren), IV, 1976, № 11, стр. 33—39.

²⁴ *Viorica Dinescu-Székely* et *G. I. Constantin.* Un îlot linguistique turc à Bucarest: la Colonie de Cocioac. — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», VII, 1959, Heft 2, стр. 224—251; Türkische Texte aus der muslimanischen «Kotschjok» — Kolonie in Bukarest. — «Rocznik Orientalistyczny», XXIV, 1961, fasc. 2, стр. 87—118.

²⁵ См. *Cornelia Călin* — *Cornelia Moraru.* Les Archives phonogrammiques des parlers turcs et tatars de Roumanie. — «Revue Roumaine de Linguistique», XIV, 1969, № 2, стр. 191—193.

²⁶ *Vladimir Drimba.* La répartition des parlers turcs de Dobroudja. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XXIII, 1970, fasc. 1, стр. 23—54. На румынском языке была уже опубликована в «Studii şi cercetări lingvistice», XVIII, 1967, № 1, стр. 51—77.

²⁷ *Aurel Decei.* Versiunea turcească a confesiunii patriarhului Ghenadie II Scholarios scrisă la cererea sultanului Mehmet II [Турецкая версия изложения веры патриарха Геннадия II Схолярия, написанная по просьбе султана Мехмета II]. Sibiu, 1940, 39 стр. (Цитируется по «Omăgiu înalt prea sfinţiei sale Dr. Nicolae Bălan, mitropolitul Ardealului, la douăzeci de ani de arhipăstorire»).

²⁸ Рецензии на: Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I—II. 2. Auflage (Berlin, 1958), II. III. *Нэстурела.* — «Revue historique du Sud-Est européen», XXIII, 1946, стр. 290—299, и *Александра Элиана* — «Studia et Acta Orientalia», III, 1960 (1961), стр. 235—242.

²⁹ *Carl Göllner.* Turcica. Die europäischen Türkendrucke des XVI. Jahrhunderts. Band I: 1501—1550. Bucureşti — Berlin, 1961, 458 стр. + facs.; Band II: 1551—1600. Bucureşti — Baden-Baden, 1968, 807 стр. + facs.

³⁰ *Vladimir Drimba*. Surse românești pentru dialectologia istorică turcă I. Scrierile turcești ale lui Anton Pann. — «Fonetică și Dialectologie», IV, 1962, стр. 171—241 (исследование и тексты в пояснительной транскрипции); французский перевод: Sources roumaines de la dialectologie historique turque. I. Les écrits en langue turque d'Anton Pann. — «Revue de Linguistique» (Бucurești), VIII, 1963, № 1, стр. 133—161 (только исследование).

³¹ *Vladimir Drimba*. L' «Instruction des mots de la langue turquesque» de Guillaume Postel (1575). — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı» — Belleten 1966 (Ankara 1967), стр. 77—101 (турецкий перевод: стр. 103—126). Оба текста содержат многочисленные опечатки, поэтому мы сочли необходимым опубликовать эту статью и на румынском языке: Elementele de gramatică turcă ale lui Guillaume Postel (1575). — «Studii și cercetări lingvistice», XVIII, 1967, № 3, стр. 325—339.

³² *Const. C. Giurescu*. Livres turcs imprimés à Bucarest, — «Revista istorică română», XV, 1945, стр. 275—286; *Mihail Guboglu*. Inventarul manuscriselor orientale din Biblioteca Academiei Române [Опись восточных рукописей Библиотеки Румынской Академии]. — «Analele Academiei Române», Memoriile Secției istorice, S. III, t. XXVIII, Mem. 4, București, 1946, стр. 15—51; *его же*. Despre manuscrisele și tipăriturile orientale din fondul «T. Cipariu» al bibliotecii Filialei din Cluj a Academiei R.P.R. [О восточных рукописях и печатных произведениях из фонда «Т. Чипариу» библиотеки Клужского Филиала Академии Р.Н.Р.]. — «Limba și Literatură», III, 1957, стр. 147—166; *Dan Simonescu*. Impression de livres arabes et karamanlis en Valachie et en Moldavie au XVIIIe siècle. — «Studia et Acta Orientalia», V—VI, 1967, стр. 68—71; *Dinu Dumitrescu*, рецензия на: Sévérien Salaville et Eugène Dalgé, Karamanlidika. I (Athènes 1958), — «Studia et Acta Orientalia», IV, 1962, стр. 270—272.

³³ *A. Baubec*. Limba turcă [Турецкий язык]. București, 1972, 472 стр. (Universitatea din București, Facultatea de limbi romanice, clasice și orientale, Catedra de limbi orientale).

³⁴ *Seit A. Muratcea* — *Al. Gheorghiu*. Ghid de conversație român-turc [Румынско-турецкий разговорник]. București, 1974.

³⁵ *Vladimir Drimba*. L'alphabet de la langue tatar parlée en Roumanie. — «Mélanges linguistiques publiés à l'occasion du VIIIe Congrès International des Linguistes à Oslo», Bucarest, 1957, стр. 257—267.

³⁶ *Naği A. Gafer* et *Vladimir Drimba*. Quelques problèmes relatifs au développement culturel de la population tatar de Roumanie. — «Studia et Acta Orientalia», I, 1958, стр. 339—343.

³⁷ *Vladimir Drimba*. Dialectul tat din Dobrogea [Татский диалект в Добрудже], — «Fonetică și Dialectologie», III, 1960, стр. 67—150.

³⁸ *Vladimir Drimba*. Devinettes tatars de Dobroudja. — «Tractata Altaica. Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata», Wiesbaden, 1976, стр. 147—166.

³⁹ *Ali Nedret* [= Nedret Mamut], — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960, стр. 161—162.

⁴⁰ *Enver Mamut*. Особенности языка румынских татар. — «Материалы второго регионального диалектологического совещания по тюркским языкам», Казань, 1959; Particularitățile limbii tătare vorbite în Dobrogea în comparație cu celelalte limbi tătare [Особенности татарского языка, распространенного в Добрудже в сравнении с другими татарскими языками]. — «Analele Universității București», Limbi ceasice, XXVIII, стр. 143—151.

⁴¹ *Enver Mamut*. In legătură cu construcția complementului direct cu și fără marca formală a cazului acuzativ în limba tătară din Dobrogea [В связи с конструкцией прямого дополнения с формальным показателем винительного падежа и без него в татарском языке Добруджи]. — «Analele Universității București», Limbi clasice, XIX, 1970, стр. 79—87.

⁴² *Enver Mahmut*. Influența limbii române asupra graiurilor tătărești din Dobrogea [Влияние румынского языка на татарские говоры Добруджи]. — «Analele Universității București», Limbi clasice și orientale, XXI, 1972, стр. 165—181; Elemente turcești în graiurile tătărești vorbite în Dobrogea [Турецкие элементы в татарских говорах, распространенных в Добрудже], там же, XXII, 1973, стр. 139—149, опубликованная и на турецком языке: Dobruca-Tatar ağızlarında Osmanlıca-Türkçe unsurlar, — «I. Türk Dili Bilimsel Kurultayına Sunulan Bildiriler (Ankara, 27—29 Eylül 1972), Ankara, 1975, стр. 359—367.

⁴³ *Enver Mamut*. Curs general de limba tătară. Fonetică și fonologie. Morfologie [Общий курс татарского языка. Фонетика и фонология. Морфология]. București, 1975, 241 стр. (Universitatea din București, Facultatea de limbi romanice, clasice și orientale).

⁴⁴ См.: *Enver Mamut*. Graiurile tătărești din Dobrogea [Татарские говоры в Добрудже]. Rezumatul tezei de doctorat. București, 1976, 25 стр. (Universitatea din București, Facultatea de limbi romanice, clasice și orientale).

⁴⁵ *Cornelia Călin*. Cîteva particularități fonetice ale graiului tătăresc din Mahmudia (jud. Tulcea) [Несколько фонетических особенностей татарского говора Махмудии (уезд Тульча)]. — «Studii și cercetări lingvistice», XIX, 1968, № 4, стр. 421—423; Татарский говор села Махмудия (Добруджа). — «Rocznik Orientalistyczny», XXXV, 1973, fasc. 2, стр. 69—94; A. Tatar idion from Dobrudja (Romania), там же, XXXVII, 1975, fasc. 2, стр. 13—31.

⁴⁶ *Hacı Emin Baubek*. Dobruca Tatar lehçesinde -*yan*-, -*ğen*-, -*qan*-, -*k'en* sîfat fiilinin görevleri, — «I. Türk Dili Bilimsel Kurultayına Sunulan Bildiriler (Ankara, 27—29 Eylül 1972), Ankara, 1975, стр. 369—375.

⁴⁷ *Nevzat M. Yusuf*. Surnoms dénotatifs et conotatifs externes se rapportant aux parties du corps humain chez les Tatars de Dobroudja. — «Studia et Acta Orientalia», IX, 1977 (в печати).

⁴⁸ *Cicerone Poghirc*. Goths et Tatars en Crimée au XVIe siècle (D'après les témoignage de Busbecq). — «Studia et Acta Orientalia», V—VI, 1967, стр. 405—409.

⁴⁹ *Enver Mamut*. Nogaii dobrogeni și dialectul lor [Добруджские ногайцы и их диалект], — «Analele Universității București», Științe sociale. Filologie, XIII, 1964, стр. 319—336.

⁵⁰ *Vladimir Drimba*. Remarques sur le parler des Caraïmes de la République Populaire Roumaine. — «Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов (Москва, 9—16 августа 1960)». Том III. Москва, 1963, стр. 277—284.

⁵¹ *Vladimir Drimba*. Aspecte din fonetica găgăuză [Аспекты гагаузской фонетики]. — «Fonetică și Dialectologie», II, 1960, стр. 121—130; Исследования по фонетике гагаузского языка (I—II), — «Revue de Linguistique» (București), VI, 1961, № 2, стр. 239—258 и VII, 1962, № 1, стр. 141—160 (на румынском языке была опубликована в «Studii și cercetări lingvistice», XII, 1961, № 3, стр. 399—416 и № 4, стр. 555—572).

⁵² *Vladimir Drimba*. Sur le vocatif en gagaouze. — «Acta Orient. Hung.», XIII, 1961, fasc. 3, стр. 253—260.

⁵³ *Vladimir Drimba*. Études gagaouzes. I. L'origine des mots paroxytons terminés par *-u*, *-ü* et *-i*. — «Revue Roumaine de Linguistique», IX, 1964, № 2, стр. 203—211; Études gagaouzes. II. Les dérivés en *-ka*, там же, IX, 1964, № 3, стр. 325—331 (на румынском языке была опубликована в «Studii și cercetări lingvistice», XV, 1964, № 3, стр. 365—373 и XVI, 1965, № 2, стр. 283—289).

⁵⁴ *Vladimir Drimba*. Remarques sur les parlers gagaouzes de la Bulgarie du Nord-Est. — «Rocznik Orientalistyczny», XXVI, 1963, fasc. 2, стр. 63—89.

⁵⁵ *Vladimir Drimba*. Problèmes d'une nouvelle édition du Codex Cumanicus. — «Revue Roumaine de Linguistique», XV, 1970, № 3, стр. 209—221.

⁵⁶ *Vladimir Drimba*. Etimologii cumane [Куманские этимологии]. — «Omăgiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani», București, 1965, стр. 201—203; Quelques leçons et étymologies comanes. — «Revue Roumaine de Linguistique», XI, 1966, № 5, стр. 481—489; Le sermon en vers du Codex Cumanicus (fol. 59r, 8—12), там же, XIII, 1968, № 5, стр. 407—412; Notes sur quelques gloses du «Codex Cumanicus». — «Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М. III. Ширалиева». Baku, 1971, стр. 63—68; Miscellanea Cumanica. I. Les ratures des feuillets 61r—65v 26. — «Revue Roumaine de Linguistique», XV, 1970, № 5, стр. 455—459; II. 1. Sur deux mots du feuillet 80 r, ligne 8, 2. La graphie *andi* = *andī*?, там же, XV, 1970, № 6, стр. 579—584; III. Notes de critique textuelle, там же, XVI, 1971, № 4, стр. 275—286; IV. A propos de quelques devinettes du Codex Cumanicus, там же, XVII, 1972, № 1, стр. 3—21; V. Mots attestés par des formes possessives. — «Rocznik Orientalistyczny», XXXVIII, 1976, стр. 111—115; VI. Notes de critiques textuelle. — «Revue Roumaine de Linguistique», XXI, 1976, № 4, стр. 507—511.

⁵⁷ *Vladimir Drimba*. Syntaxe comane. București, Editura Academiei — Leiden, E. J. Brill, 1973, 335 стр. — Рецензии на это издание: А. Н. Кононов. — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 107—110; А. К. Курышжанов. — «Қазақ тілі мен әдебиеті», вып. 5, Алма-Ата, 1974, стр. 133—135; А. М. Щербак. — «Народы Азии и Африки», т. 3, 1974, стр. 202—205; A. Dilâçar. — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı». — Belleten 1973—1974, стр. 354—355; François Masai. — «Scriptorium», 1975, 2, стр. 206; Gh. I. Constantin. — «Turcica», VIII/1, 1976, стр. 296—300.

⁵⁸ *Vladimir Drimba*. Sur la classification de la langue salare, — «Ural-Altaische Jahrbücher», XL, 1968, № 3—4, стр. 200—213.

⁵⁹ *Vladimir Drimba*. Remarques sur les mots d'emprunt mongols de la langue salare. — «Revue Roumaine de Linguistique», XXI, 1976, № 3, стр. 417—427.

⁶⁰ *Viorica Dinescu-Székely*. Reşat Nuri Güntekin. La réalité sociale dans le roman «Çalı Kuşu». — «Studia et Acta Orientalia», II, 1960, стр. 307—309.

⁶¹ *Viorica Dinescu-Székely*. Yaşar Kemal: İnce Memed, — «Studia et Acta Orientalia», III, 1960 (1961), стр. 266—269.

⁶² *Viorica Dinescu-Székely*. La réalité turque contemporaine dans les récits de Fahri Erdinç. — «Studia et Acta Orientalia», IV, 1962 (1963), стр. 25—37.

⁶³ *Viorica Dinescu*. Reflectarea satului în romanul turc contemporan [Отражение села в современном турецком романе]. — «Studii de literatură universală», VII, 1965, стр. 331—352.

⁶⁴ *Viorica Dinescu*. La prose satirique d'Aziz Nesin, — «Studia et Acta Orientalia», V—VI, 1967, стр. 183—204.

⁶⁵ «O chestiune de afaceri (Povestiri turcești)» [Один деловой вопрос. (Турецкие рассказы)]. Traducere și note de Viorica Dinescu. București, 1962; *Yaşar Kemal*. Indje Memed haiducul. Traducere, prefață și note de Viorica Dinescu. București, 1964; *Reşat Nuri Güntekin*. Pitulicea [Малиновка]. Traducere și note de Viorica Dinescu. București, 1968.

⁶⁶ Sub piersici. — Oglinda de pe plajă. Nuvele turcești. [«Под персиковыми деревьями. — Зеркало с пляжа. Турецкие новеллы». Traducere, prefață și tabel cronologic de Viorica Dinescu. București, 1973.

⁶⁷ *Viorica Dinescu-Székely*. Teatrul de umbre turc. (Cercetări asupra evoluției literare a jocului) [Турецкий театр теней. (Исследования литературной эволюции игры)]. Rezumatul tezei de doctorat. București, 1976, 22 стр. (Universitatea din București, Facultatea de limbi romanice, clasice și orientale).

⁶⁸ *Orhan Kemal*. Ani de pribegie [Годы скитаний]. Traducere, prefață și note de Paul Dinu. București, 1968; *Halide Edib Adivar*. Fiica măscăriciului [Дочь скомороха]. Traducere, prefață și note de Paul Dinu. București, 1970.

⁶⁹ *Nevzat M. Yusuf*. Din lirica turcă contemporană [Из современной турецкой лирики]. — «Orizont» (Timișoara), XXII, 1971, № 2, стр. 61—63; *Yaşar Kemal*. — «Luceafărul», XIV, 1971, № 38, стр. 7—8; *Yunus Emre*, там же, № 47, стр. 7; *Fazıl Hüsni Dağlarca*, — «România literară», III, 1970, № 16, стр. 21; и другие.

⁷⁰ *Nevzat M. Yusuf*. Antologia literaturii turce (Perioada Tanzimatului), București, Centrul de multiplicare al Universității din București (в печати).

⁷¹ «Din lirica turcă contemporană» [Из современной турецкой лирики]. Antologie, prefață, note și traduceri de Nicolae Ioana, Nevzat M. Yusuf și Agiemin Baubec. București, 1974.

⁷² *Nevzat M. Yusuf*. George Coșbuc. — «Dünya Açılan Pencere», 1966, № 1, стр. 38—41 (с переводами, в соавторстве с Музаффером Решитом); Panait Istrati în limba turcă [Панайт Истрати на турецком языке]. — «Gazeta literară», XIV, 1967, № 13 (752), стр. 8; и другие.

⁷³ *Galina Maievski*. Dramaturgia lui Nazım Hikmet [Драматургия Назыма Хикмета]. — «Studii de literatură universală», IV, 1962, стр. 131—158.

⁷⁴ *Şukran Vuap-Mocanu*. Unele probleme ale literaturii tătare moderne [Некоторые проблемы новейшей татарской литературы]. — «Revista de istorie și teorie literară», XXI, 1972, № 3, стр. 541—548.

⁷⁵ *Şukran Vuap-Mocanu*. Despre unele teme și imagini tradiționale din poezia tătară [О некоторых традиционных темах и образах татарской поэзии]. — «Analele Universității București», Literatură universală și comparată, XXII, 1973, № 1, стр. 61—74.

⁷⁶ *Sukran Vuap*. Caietele de la Moabit [Тетради из Моабита]. — «Studii de literatură universală», VII, 1965, стр. 255—277.

⁷⁷ *Nedret Mahmut*. Fıkra (anekdotik) atasözlerinin özellikleri, — «I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri». II. Cilt. Halk Edebiyatı. Ankara, 1976, стр. 173—179.

⁷⁸ *Nedret Mamut*. Poetica basmelor turcești și tătarești. (Formule tradiționale) [Поэтика турецких и татарских сказок. (Традиционные формы)]. — «Analele Universității București», «Limbi clasice și orientale», XXI, 1972, стр. 143—153.

⁷⁹ *Enver Mahmut*. Türk boylarının masallarında başlangıç formüllerinin bünyesi ve fonksiyonları. — «I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri». II. Cilt. Halk Edebiyatı. Ankara, 1976, стр. 165—171.

⁸⁰ *Nedret Mamut*. L'uomo nella mitologia dei popoli turchi. — «Quaderni dell'umanesimo» (Roma), № 7, Gennaio, 1975, стр. 301—307.

⁸¹ *Nedret Mamut*. O variantă dobrogeană a povestirii tătare de dragoste «Kozî Kurpeş» [Добруджский вариант татарского сказания о любви «Козы Курпеш»]. — «Analele Universităţii Bucureşti», Seria Ştiinţe sociale. Filologie, XV, 1966, стр. 241—248.

⁸² *Liliana Dorobanţu*. Motivul metamorfozei în basmele turco-tătare [Мотив метаморфозы в турецко-татарских сказках]. — «Studii de literatură universală şi comparată», XIII, 1971, стр. 263—272.

⁸³ См.: *Nedret Mamut*. Literatură populară şi folclor tătarăsc şi turcesc dobrogean în perspectivă comparată [Добруджская турецкая и татарская народная литература и фольклор в сравнительном освещении]. Rezumatul tezei de doctorat. Bucureşti, 1974, 22 стр. (Universitatea din Bucureşti, Facultatea de limbi slave).

⁸⁴ «Proverbe turceşti» [Турецкие пословицы]. Antologie, cuvînt înainte şi indice de A. Baubec şi N. Constantinescu. Bucureşti, 1972.

⁸⁵ *L. Djamo-Diaconită*. Contributions à la parémiologie balkanique. — «Actes du Premier Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1968, стр. 277—292.

⁸⁶ *Viorica Dinescu*. La contribution de Démètre Cantemir à la parémiologie turque. — «Dacoromania» (Freiburg — München), II, 1974, стр. 347—362.

⁸⁷ *G. I. Constantin*. «Nasr ed-Din Khodja» chez les Turcs, les peuples balkaniques et les Roumains. — «Der Islam», XLIII, 1967, Heft 1—2, стр. 90—133.

⁸⁸ *Mihail Guboğlu*. Romen edebiyatında Nasrettin Hoca. — «I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri». II. Cilt. Halk Edebiyatı. Ankara, 1976, стр. 67—72.

⁸⁹ *József Faragó*. Ungarische Nasreddin-Schwänke. — «I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi. Program ve Bildiri Özetleri». Ankara, 1975, стр. 238.

⁹⁰ *Viorica Dinescu*. Motive comune în unele naraţiuni populare turceşti şi româneşti [Общие мотивы в некоторых турецких и румынских народных повествованиях]. — «Analele Universităţii Bucureşti», Limbi clasice şi orientale, XXI, 1972, стр. 129—135.

⁹¹ *Eugenia Popescu-Judet*. L'influence des spectacles populaires turcs dans les Pays Roumains. — «Studia et Acta Orientalia», V—VI, 1967, стр. 337—355. Турецкий перевод: Türk halk tamaşalarının Romen Memleketlerine tesiri (Çeviren: Zeynep Kerman). — «Türkiyat Mecmuası», XVI, 1971, стр. 113—132.

⁹² *Ioan R. Nicola*. Folclorul turc din insula Ada-Kaleh [Турецкий фольклор с острова Ада-Кале]. — «Lucrări de muzicologie» (Cluj), VII, 1971, стр. 125—144.

⁹³ *Ali Geafer Nagi*. Notes concernant les coutumes et le folklore de la population tatare de la République Populaire Roumaine. — «Studia et Acta Orientalia», IV, 1962 (1963), стр. 95—138; *Ali Geafer Ahmet-Nagi*. Notes concernant le folklore de la population tatare de la République Socialiste de Roumanie, там же, VIII, 1971, стр. 145—173.

⁹⁴ *Nedret Mahmut*. Motivul «răzbunării» în eposul tătăresc și în baladele românești [Мотив «мести» в татарском эпосе и в румынских балладах]. — «Analele Universității București», Limbi clasice și orientale, XXII, 1973, стр. 125—130; *ee же*. Dobruca Kırım Türklerinin masallarında kullanılan konular. — «Çevren» (Prizren/Priztine), IV, 1976, № 11, стр. 69—74.

⁹⁵ *Mehmet Ali Ekrem*. Şamanlığın ve Eski Türk kültürünün Dobruca'daki Kırım Türkleri folklorunda izleri. — «I. Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri». I. Cilt. Genel Konular. Ankara, 1976, стр. 109—117.

⁹⁶ *Cornelia Călin*. Aspects évolutifs dans l'épopée «Şora Batır» chez les Tatars d'Azaplar (Dobroudja). — «Studia et Acta Orientalia», IX, 1977 (в печати).

⁹⁷ *Sebat Husein*. Notes sur le folklore musical des Tatars de Dobroudja. — «Studia et Acta Orientalia», I, 1958, стр. 259—264.

⁹⁸ См. *Ghizela Sulițeanu*. Cercetarea folclorului minorităților naționale: Folclorul tătarilor din Dobrogea [Исследование фольклора национальных меньшинств: Фольклор татар из Добруджи]. — «Revista de folclor», III, 1958, № 4, стр. 153—154; Introducere în culegerea și studierea folclorului muzical al tătarilor dobrogeni [Введение к собиранию и изучению музыкального фольклора добруджских татар]. — «Revista de etnografie și folclor», IX, 1964, № 6, стр. 545—576.

⁹⁹ *Ghizela Sulițeanu*. La musique dans les narrations des Orientaux de la République Socialiste de Roumanie. — «Народное стваралаштво» (Beograd), св. 29—32/79, 1969, стр. 265—285.

¹⁰⁰ *Ghizela Sulițeanu*. Eposul «Şora Batır» la tătarii din România [Эпос «Шора Батыр» у румынских татар]. — «Revista de etnografie și folclor», XV, 1970, № 4, стр. 263—289.

¹⁰¹ *Ghizela Sulițeanu*. La musique des «şîñ». — «Studia et Acta Orientalia», VIII, 1971, стр. 175—198.

¹⁰² *Ghizela Sulițeanu*. Les chansons de danse des jeunes filles tatars de Dobroudja (République Socialiste de Roumanie) dans le complexe du folklore balkanique. — «Македонски фолклор / Le Folklore Macédonien» (Skopje), VI, 1973, № 12, стр. 183—192.

¹⁰³ *Ghizela Sulițeanu*. Les chansons funèbres du folklore tatar de la République Socialiste de Roumanie. — «Rocznik Orientalistyczny», XXXVIII, 1976, стр. 247—276.

¹⁰⁴ Г. Сулицяну является также автором двух рукописных монографических работ, находящихся в бухарестской библиотеке Союза Композиторов: «Folclorul muzical al tătarilor dobrogeni» [Музыкальный фольклор добруджских татар] (1960, 267 стр.) и «Folclorul muzical turcesc din Ada-Kaleh» [Турецкий музыкальный фольклор из Ада-Кале] (1971, 157 стр.). В этих двух работах приведены многочисленные музыкальные примеры (в первой: 500, во второй: 79) с соответствующими текстами и их переводом на румынский язык.

¹⁰⁵ См. выше, примечание 38.

¹⁰⁶ *Gh. I. Constantin*. Akhmet Akhaj, der Doppelgänger des Odschas Nasreddin bei den Krim-Tataren. — «Turcica», III, 1971 (1973), стр. 80—99.

¹⁰⁷ *Gh. I. Constantin*. Nasreddin Khodja chez les Tchouvaches (Mikhail Jukhma: Cveti El'bi. Rasskazy, skazki, legendy). — «Turcica», IV, 1972, стр. 175—181.

¹⁰⁸ Gh. I. Constantin. 18 kirgisische Anekdoten über Nasr ed-Din Khodja. — «Fabula», XIV, 1973, fasc. 1—2, стр. 44—70.

¹⁰⁹ Gh. I. Constantin. Zur Entwicklungsgeschichte der Anekdoten über Nasr ed-Din Chodscha. Eine Anekdote aus dem Zyklus Nasr ed-Din Chodscha bei den Chaka-Türken in der UdSSR. — «Oriens» (в печати).

¹¹⁰ См. выше, примечания 1, 2, и 25.

¹¹¹ Gh. I. Constantin. Николай Милеску (Спафарий) о енисейских киргизах. — «Ученые записки / Угредігліг пічіктер» (Абакан), вып. VIII, 1960, стр. 159—162; The first mention of the Yenesei Old-Kirgiz inscriptions: the Diary of the Rumanian traveller to China Nicolaie Mulescu (Spat-hary), 1675. — «Turcica», II, 1970 (1972), стр. 151—158.

¹¹² Ghizela Sulișteanu. Recherches sur le folklore des minorités nationales tatare et turque de la Dobroudja. — «Studia et Acta Orientalia», V—VI, 1967, стр. 395—398.

¹¹³ Nedret Mamut. Contribuțiile lui I. Dumitrescu-Frasin la culegerea și editarea folclorului turcesc și tătăresc din Dobrogea [Вклад И. Думитреску-Фрасина в собрание и публикацию турецкого и татарского фольклора Добруджи]. — «Analele Universității București», Limbi clasice și orientale, XX, 1971, стр. 155—162.

¹¹⁴ Cornelia Călin. Türk Etnografyası ve Folkloru ile ilgili Romen Bibliografyası. Ankara (в печати).

РЕЦЕНЗИИ

ТОФИГ НАЧЫЈЕВ. АЗЭРБАЈҖАН ЭДЭБИ ДИЛИ ТАРИХИ

С. М. КИРОВ АДЫНА АЗЭРБАЈҖАН ДӨВЛЭТ УНИВЕРСИТЕТИ НЭШРИ,
БАКЫ, 1976, 156 стр.

Изучение истории литературного языка народа, как известно, имеет большое научное и историческое значение. Поэтому проблема изучения истории азербайджанского литературного языка всегда привлекала внимание азербайджанских языковедов. Те или иные аспекты в истории азербайджанского литературного языка нашли освещение в работах М. Ширалиева, А. Демирчизаде, Х. Мирзазаде и др. Однако до сих пор еще не создано обобщающего фундаментального исследования, посвященного данной проблеме.

Поэтому выход в свет рецензируемого учебного пособия доктора филологических наук, профессора Т. И. Гаджиева «История азербайджанского литературного языка. Период становления» следует расценить как отрадное явление, представляющее значительный интерес как для азербайджанского языкознания, так и для тюркологии в целом. Т. И. Гаджиев один из активных исследователей истории азербайджанского литературного языка. Его книга «Сатира дили» («Язык сатиры», Баку, 1975) и ряд содержательных статей по истории литературного языка привлекали внимание исследователей.

Новая работа как бы подводит итог многолетним разработкам автора и чтению курса лекций по данной дисциплине в Азгосуниверситете им. С. М. Кирова. Кроме того, в книге представлены также некоторые статьи и тексты докладов, сделанных на всесоюзных тюркологических конференциях в Алма-Ате, Кишиневе, Ереване.

Во вступительной части книги автором уточняется ряд необходимых теоретических понятий, определяются предмет и задачи работы, говорится о различии в подходе к предмету исследования курса исторической грамматики, с одной стороны, и истории литературного языка — с другой, обусловленном различными задачами, связанными прежде всего с дифференциацией понятий языка и речи: «В то время, — указывает Т. И. Гаджиев, — как историческая грамматика изучает историю языка, история ли-

тературного языка изучает историю речи» (стр. 5).

Затем исследователь дает толкование понятию «литературный язык», раскрывает сущность отбора и замены речевых фактов, пишет о диалектной основе литературного языка, его отношении к наддиалектным особенностям. Автор, подчеркивая тесное единство развития общества и языка, отмечает: «Литературный язык — это историческая категория. На различных ступенях общественно-исторического развития он не остается неизменным. Функции и признаки литературного языка определяются соответствующими историческими условиями» (стр. 9).

В этом же разделе Т. И. Гаджиев, основываясь на фактах азербайджанского литературного языка, говорит о его специфике, прежде всего — нормированности как словарного фонда, так и грамматического строя.

Взгляды автора, опирающегося на теоретические основы близких друг другу советской и пражской лингвистических школ, составляют цельную концепцию, сказавшуюся на разрешении в книге всех как теоретических, так и практических вопросов.

В разделе «Происхождение азербайджанского литературного языка» автор останавливается на проблеме происхождения азербайджанского языка, его источниках и справедливо отмечает, что современная наука не имеет еще достаточно ясного представления о мидийском и албанском языках.

В самом деле, некоторые исследователи названия «Мидия» и «Албания» считают чуть ли не синонимами понятия «ираноязычные народы». С этим, конечно, трудно согласиться. Во-первых, маловероятно, чтобы 26 различных племен, обитавших некогда на территории Албании, говорили на одном языке или даже языках одной системы. Во-вторых, говоря о распространении в последующие века на данной территории азербайджанского языка, следует помнить, что, если бы здесь не было автох-

тонных оседлых тюркоязычных племен, то никакое внешнее влияние не могло бы стабилизировать азербайджанский язык. По-видимому, Мидия и Албания с доисторических времен, являясь зоной антропогенеза, были заселены различными этносами. Здесь жили как ирано-, так и тюркоязычные племена; в образовавшихся со временем государствах социальное превосходство одних из них над другими вместе с эпохой менялось. «В спиралеобразном развитии древних этносов, связанных с Закавказьем, участвовали и тюркские этносы», — отмечает Т. Гаджиев (стр. 23). Позже существенную роль в стабилизации азербайджанского народа и его языка сыграли внешние импульсы: приток различных этносов, прежде всего — тюркоязычных (огузов, хазаров). Автор пособия подчеркивает всю сложность этно- и глоттогенетического процесса, протекавшего на данной территории. Для доказательства выдвигаемых положений Т. И. Гаджиев привлекает соответствующие исторические и другие источники, обращается к языковым факторам. В своих выводах автор опирается на исследования известных советских историков: А. М. Гумилева, И. М. Дьяконова, И. Алиева, З. Буниатова, З. Ямпольского и других.

Любопытны проводимые в этом же разделе сопоставления тюркских языков с отдельными фактами шумерского, имеющего шеститысячелетнюю давность. Автор, говоря о происхождении азербайджанского языка, приводит высказывания о родном языке известных арабов и персоязычных азербайджанских поэтов, упоминает сотни азербайджанских слов и выражений, употребленных ими в своих произведениях. Факты, взятые из «Дивани-лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, из «Китаби-Деде Коркут» и других древних памятников, также указывают на правомерность выдвигаемых автором положений, правда высказанных и изложенных несколько фрагментарно в форме отдельных тезисов. Несомненно, в дальнейшем Т. И. Гаджиев обратится к более глубокому анализу проблем, связанных с происхождением азербайджанского языка.

Далее исследователь переходит к проблеме периодизации истории азербайджанского литературного языка и высказывает ряд новых положений: «Развитие нормы, — отмечает он, — обуславливается накоплением определенных количественных различий, образующих в истории литературного языка переходные вехи: периоды и полупериоды. Когда же эти количественные изменения, суммируясь, создают новый качественный уровень, возникают этапы» (стр. 51). Исходя из этого принципа, опирающегося на структурно-формальные и функционально-содержательные компоненты, Т. И. Гаджиев выделяет следующие периоды и полупериоды.

I. Период становления. Этот период, характеризующийся единством разговорно-

фольклорного и книжно-классического стилей, состоит из двух полупериодов: а) от древнейших времен до конца XII века; б) XIII—XIV века.

II. Период стабилизации. Начинается с середины XVII века. Этот период состоит из четырех этапов: а) литературный язык XVII—VIII веков; б) литературный язык XIX века; в) образование в конце XIX — начале XX века национального азербайджанского языка; г) азербайджанский литературный язык с 30-х годов XX века по настоящее время.

Т. И. Гаджиев определяет нормы, характерные для каждого периода и полупериода, указывает на диалектную основу литературного языка каждого периода. На наш взгляд, именно на основе такого подхода может быть разработана история азербайджанского литературного языка.

Особый интерес представляют разделы книги, посвященные «Китаби-Деде Коркут». Широко используя дастаны этого памятника для выяснения основ формирования азербайджанского литературного языка, Т. И. Гаджиев останавливается на языковой специфике распространенных среди тюркоязычных народов «огузنامه» и приходит к заключению, что и «Китаби-Деде Коркут» является азербайджанским литературным памятником, что не снижает ценности карлук-уйгурского варианта «огузنامه».

Интересны страницы, посвященные географии и топонимике «Китаби-Деде Коркут», его лексике, семантическому анализу отдельных слов и выражений, грамматическим особенностям языка сказания, его поэтике и т. д. Автор говорит о «гибком, эластичном синтаксисе» памятника, останавливается на его ритмике и аллитерациях и т. д. В работе справедливо говорится о том, что «в изучении древнейших традиций, истории, материальной и духовной культуры необходимо постоянно обращаться к эпосу „Китаби-Деде Коркут“» (стр. 84). К словам автора можно добавить лишь то, что давно назрело время издать словарь языка эпоса, его научно-критический текст, описать его грамматику и поэтику.

Говоря о XIII—XIV веках, Т. И. Гаджиев останавливается на тяжелом положении народа, подвергнувшегося монгольскому нашествию, пишет о роли, которую в тот период играл литературный язык, об исторических факторах, способствовавших развитию и распространению литературы на азербайджанском языке.

Подробно анализируется в книге вторая газель Гасаноглы, рассматриваемая исследователем как один из первых дошедших до нас письменных памятников азербайджанской поэзии. Интересно само отношение Т. И. Гаджиева к вопросу о принадлежности новонайденной газели поэту XIII века. Основываясь на особенностях языка и стиля этой газели, автор приходит к выводу, что творцом ее, несомненно, является Гасаноглы.

Анализ языка «Кыссаи-Юсиф», «Дастаи-Ахмед Херами» Казии Бурханэддина позволяет Т. И. Гаджиеву осветить особенности литературного языка того периода.

Весьма ценно обращение автора к словам исследуемого периода: «Гилдэтул-инсан ва гилбатул-лисан» Ибн Муханны, «Синаһул — эчэм — бил лисан — эл-фарси» Хиндушаха Нахчивани.

Т. И. Гаджиев говорит о языке Насими как об «азербайджанском языке, достигшем совершенства». Особый интерес представляют разделы, посвященные поэтике Насими.

Период становления азербайджанского языка завершается в XV—XVI веках. На примере произведений Хатаи, Физули, Курбани автор освещает ряд вопросов развития азербайджанского литературного языка, совершенствования его норм.

Т. И. Гаджиев исследует в своей работе также роль прозаических произведений в становлении литературного языка, в том числе: «Шикайетнаме», «Шейх Сафи», «Шухаднаме», стилистико-поэтическое влияние персидской и арабоязычной литературы, а также некоторых тюркоязычных литературных школ. Все эти присущие периоду становления литературного языка особенности рассматриваются автором в комплексе. Исследование завершается разделами, посвященными языку Курбани, Хатаи, Физули. Эти разделы убеждают в том, что устная и письменная формы речи и языка сыграли каждая свою роль в развитии азербайджанского литературного языка. Известно, что много для развития азербайджанского литературного языка сделали Курбани и Хатаи. Язык Курбани — представителя озано-ашурской школы — это язык простого народа. Хатаи, продолжая традиции классического стиха, писал также и в жанрах устного народного творчества, как бы демонстрируя единство устной и письменной форм литературного языка. Язык Физули синтезирует в себе устный народный язык и письменно-книжные традиции. Та-

ким образом, в рецензируемой книге обрисована ясная картина состояния азербайджанского литературного языка в конечный период его становления.

«История азербайджанского литературного языка» Т. И. Гаджиева оставляет хорошее впечатление и своим языком, и стилем изложения. Автору удалось найти удачную форму изложения тех или иных вопросов и проблем. Речь автора точна и образна, что способствует ее доходчивости и запоминаемости.

Вместе с тем книга не лишена отдельных недочетов. В предложенной Т. И. Гаджиевым периодизации период становления завершается XVII веком, тогда как материал самой книги показывает, что данный период заканчивается в XVI в. Это подтверждает и высказанная самим автором мысль, что нормы каждого последующего периода начинают складываться в предыдущем.

Недостаточно убедительным представляется нам и то, что Т. И. Гаджиев отдельные топонимы из «Китаби-Деде Коркут» считает «вымышленными». На самом же деле, и *Айгыркөзләр сүю*, и *Бамбам тәпә*, и *Кунортач* скорее всего микропонимы, в силу чего они и не сохранились до наших дней.

В пособии упоминаются трудовые и обрядовые песни. К сожалению, исследователь не уделил им должного внимания, тогда как значение их для литературного языка очевидно.

Представляется спорным толкование семантики некоторых слов и выражений, взятых из «Китаби-Деде Коркут» (например, *сағым әлә бахдығымда*, *чобан-чолуг*, *дағым-дағәм* и т. д.).

В целом рецензируемое пособие Т. И. Гаджиева, отличающееся широтой охвата материала и научной глубиной, является ценным исследованием истории литературного языка.

К. Н. Велиев, А. А. Зейналов

М. Х. ГАЙНУЛЛИН. ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

ТАТКНИГОИЗДАТ, КАЗАНЬ, 1975, 307 стр.

М. Горький писал, что нужно уважать и знать труд поколений, живших до нас, ибо «только при этом условии возможна непрерывность культуры и преемственность в общечеловеческой работе по созданию новых, более свободных, более разумных форм жизни».

Эти слова великого писателя как нельзя лучше характеризуют наше современное

общество. Ибо в условиях развитого социализма уважение к минувшему, глубокое знание истории народа и страны стало нравственной потребностью времени.

Эта потребность с каждым годом все сильнее ощущается и в татарском литературоведении. Стремясь к историзму, оно пытается раскрыть преемственность эпох и поколений в художественном творчестве.

обращаясь к тем периодам в истории национальной литературы, которые все еще ждут вдумчивого изучения и объективной оценки.

Татарское литературоведение в последние годы уделяет большое внимание исследованию классического литературного наследия. Если ранее главным образом изучалась литература начала XX века, периода, характеризовавшегося возникновением качественно новых литературных процессов, то теперь уже исследователей стала привлекать литература XIX века. И это отнюдь не случайно. XIX век явился важным этапом в социально-духовном развитии татарского народа, он был озаглавлен пробуждением и ростом его национального самосознания. Деятельность татарских просветителей XIX века в большой степени повлияла на развитие как общественно-политической и философской мысли, так и художественной литературы. Именно в XIX веке формируется татарская литература новейшего времени, ставшая на путь просветительского реализма.

В течение целого ряда лет исследованием татарской литературы XIX века занимается профессор М. Х. Гайнуллин. Рецензируемая монография «Татарская литература XIX века» является результатом его многолетнего труда. Это первая книга на русском языке, посвященная творчеству татарских писателей прошлого столетия.

В монографии М. Гайнуллина история литературы рассматривается в тесной связи с процессом общественного и культурного развития татар в XIX веке. Автор раскрывает основные идеи и проблемы просветительского движения той эпохи. Будучи выразителями пробуждения и роста национального самосознания народа в период перехода от феодализма к капитализму, татарские просветители горячо ратовали за просвещение трудовых масс и развернули активную деятельность в этом направлении. Они положили начало изучению истории и культуры своего народа, отдавали много сил сбору произведений фольклора, составлению учебников и словарей. М. Гайнуллин характеризует самоотверженную деятельность в этой области И. Халфина, М. Иванова, С. Кукляшева, Г. Махмудова, Х. Фаизханова, Ш. Марджани, К. Насыри и др. Автор приводит многочисленные примеры участия представителей передовой русской интеллигенции в просветительской работе среди татарского населения. Особо выделяет М. Гайнуллин деятельность таких русских ученых, как И. Н. Березин, К. Ф. Фукс, Н. Ф. Катанов.

Что же касается освещения в монографии непосредственно литературного процесса в XIX веке, то здесь прежде всего следует отметить конкретно-исторический подход автора к изучению этой проблемы. М. Гайнуллин избежал упрощенчества в оценке творчества ряда писателей XIX века, долгие годы бытовавшего в национальном литературоведении, дал объективную характеристику их творчества. Это относит-

ся, в частности, к творчеству И. Салихова, Ш. Заки-Суфи, Акмуллы, Р. Фахрутдинова, Ф. Карими.

Знакомясь с биографиями татарских просветителей, мы узнаем, что у многих из них была нелегкая судьба. Выходцы из разных, порой весьма отдаленных губерний, они много ездили по России, бывали и за рубежом. Это расширяло их жизненный и творческий кругозор. Знакомясь с жизнью других народов, просветители глубже осознали и национальные проблемы, и, конечно же, хорошо понимали важность и необходимость общения народов, взаимосвязи их культур. Такие виднейшие деятели татарского просвещения, как Ш. Марджани и К. Насыри, горячо ратовали прежде всего за приобщение татар к русской культуре.

На основе богатого фактического материала в монографии воссоздана картина общественно-культурной и литературной жизни татар в XIX веке. Таким образом, книга М. Гайнуллина подготовила хорошую почву для проведения дальнейших исследований в этом направлении. Прежде всего ощущается необходимость продолжения работы по конкретному изучению литературы XIX века, ибо в этой области имеется еще немало пробелов. Следует вести работу и по теоретическому осмыслению литературного процесса XIX века. С этой точки зрения, в книге М. Гайнуллина встречаются отдельные спорные положения. Так, в заключительном разделе автор пишет, что в XIX веке татарская литература «сумела проделать огромный путь от насквозь пронизанной идеалистическими воззрениями религиозно-дидактической литературы к литературе просветительского реализма». Этот вывод опровергается проделанным самим же автором анализом творчества отдельных литераторов. Рассматривая произведения таких поэтов первой половины XIX века, как Г. Утыз-Имани, Г. Кандалий, А. Каргалый и Г. Салихов, М. Гайнуллин сам отмечает, что наряду с религиозно-дидактическими тенденциями в их творчестве значительное место занимали идеи и проблемы, порожденные реальной действительностью. Думается, что для правильного осмысления и оценки таких сложных в идейном отношении периодов в истории татарской литературы, как XIX век, необходимо рассматривать их с позиций марксистско-ленинской философии в каждой национальной культуре, ленинского учения о существовании двух культур.

Говоря об особенностях творчества просветителей, М. Гайнуллин уместно подчеркивает высокую публицистичность их произведений. Действительно, это одна из определяющих черт творчества просветителей, которая, однако, порой оценивается довольно односторонне и даже негативно. Чтобы правильно понять значение этого явления, необходимы конкретно-исторический подход к анализу литературы данного

периода и глубокое осмысление объективных причин, породивших его. А. И. Герцен писал: «У народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести»¹. Татарские просветители, рассматривая литературу именно как единственную общественную трибуну, поднимали в своих произведениях животрепещущие, с

их точки зрения, проблемы национальной жизни, привносили в них высокую публицистичность, придавая своему творчеству идейную глубину, политическую заостренность, общественное звучание.

Монография М. Гайнуллина, в которой XIX век рассматривается как качественно новый этап в развитии национальной татарской литературы, является значительным вкладом в изучение многовековой истории татарской литературы.

¹ А. И. Герцен. Сочинения, т. 3. М., 1956, стр. 443.

Ф. Ганиев, Ф. Мусин

Н. РАЖАБОВ. ЎЗБЕК ТИЛИНИНГ ҒАРБИЙ САМАРҚАНД ШЕВАЛАРИ

ИЗД. «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1977, 173 стр.

Узбекский язык, формирование которого проходило в сложных исторических условиях, относится к числу многодиалектных языков тюркской системы. Его диалекты и говоры своеобразием своего фонетического строя, разнообразием морфологических форм и богатством лексики существенно отличаются не только от узбекского литературного языка, но и друг от друга. Эти отличия обусловлены историческими условиями экономической, социальной и культурной жизни узбекского народа, его взаимосвязями с киргизским, казахским, туркменским, каракалпакским, уйгурским и другими тюркоязычными народами, а также с таджикским народом, язык которого относится к другой языковой системе.

Таким образом, всестороннее изучение диалектных особенностей узбекского языка может пролить определенный свет на историю взаимоотношений и взаимовлияний этих народов. Это обстоятельство делает изучение диалектов тюркских языков, имеющих сложную структуру во всех сферах функционирования, важной и актуальной. Материалы и факты диалектов и говоров узбекского языка, предоставляя недостающие данные исторической грамматики, несомненно, содействуют воссозданию полной и объективной картины развития узбекского языка. Немаловажное значение исследование диалектов имеет и для уточнения и выработки общих правил орфографии и орфоэпии литературного языка, а также для понимания многих неясных вопросов языка классической художественной литературы, фольклора, истории, археологии, этнографии и др.

Узбекская диалектология благодаря усилиям таких видных ученых, как Е. Д. Поливанов, К. К. Юдахин, В. В. Решетов, А. К. Боровков, Ш. Шаабдурахманов, Ф. Абдуллаев, А. Алиев, Х. Гулямов и другие в настоящее время интенсивно разви-

вается. Появились монографические исследования описательного и обобщающего характера, основанные на богатом историческом материале.

К числу таких исследований относится и монография Н. Раджабова «Западносамаркандские говоры узбекского языка». Автор в своей работе использовал обширную специальную литературу, собрал и обобщил большой диалектологический материал.

Монография состоит из предисловия, введения, двух глав и библиографии.

В предисловии автор коротко останавливается на целях и задачах своей работы, отмечает использование в ней материалов и фактов исторических памятников тюркских языков и говоров узбекского языка. Введение содержит краткий обзор трудов по профилю работы, в частности, по узбекским говорам. При этом автор определенное место отводит истории изучения и классификации узбекских говоров Самаркандской области.

Первая глава (стр. 14—39) посвящена фонетическим особенностям узбекских говоров. В свое время Н. Раджабов осветил некоторые вопросы фонетики в своей работе «Пособие по узбекской диалектологии»¹. Поэтому в рецензируемой монографии основной упор делается на рассмотрение в говорах гласных и согласных фонем, имеющих общие и различительные черты. Автор отмечает, что, например, в карлукочигиле-уйгурских говорах западного Самарканда количество гласных равно шести, а в некоторых других говорах — семи; в наманганском говоре — восьми, в маргиланском — семи и т. д.

¹ Н. Раджабов. Узбек диалектологиясида кўлланма. Самарканд, 1974.

В работе дана классификация гласных фонем карлуко-чигиле-уйгурской и кыпчакской групп говоров. Указывается, что в обеих группах говоров не встречается первичная долгота, присущая памятникам древнетюркской письменности, некоторым языкам тюркской системы и говорам огузской группы.

Как правильно отмечает автор, говоры западносамаркандской группы имеют фонетические особенности, свойственные в одних случаях только одному, а в других — целому ряду или же большинству говоров данной группы.

Далее Н. Раджабов останавливается на системе вокализма в исследуемых говорах, сопоставляя ее с вокализмом языка письменных памятников, а также других говоров узбекского языка.

В монографии предложена классификация гласных, дана описательная характеристика каждой из них, подробно указаны комбинаторно-позиционные варианты, отмечены характерные проявления отдельных фонем в процессе речи и т. д. В этом плане интересны сведения и материалы относительно распространения гласного *э/о/*. Н. Раджабов присоединяется к мнению В. В. Решетова о том, что данный гласный первоначально появился в первом слоге под влиянием отдельных согласных (*к, ф, х* и т. д.), а затем распространился на следующие слоги. Указаны восемь случаев употребления гласной фонемы *э* (стр. 23—24).

Автор справедливо утверждает, что в изучаемых им говорах отсутствуют согласные литературного языка *ф, ж*. Они встречаются только в речи той части населения, которая хорошо владеет узбекским литературным языком и знакома с русским языком. Фонема *ф* употребляется в некоторых звукоподражательных словах и междометиях: *туф, уф, пуф* и т. д. Во многих узбекских говорах, как подчеркивал еще Е. Э. Бертельс, по сей день *ф* зачастую произносится как сильно аспираторное *п²*.

В конце раздела о консонантизме приводится таблица согласных фонем.

В монографии отдельно рассмотрены такие встречающиеся в говорах фонетические явления, как протеза, эпитеза, эпентеза, синкопа, апокопа, редукция, элизия, долгота гласных, дифтонги, сингармонизм, анакопа, ассимиляция, диссимиляция, метатеза, спирантизация, геминация. В последние десятилетия, указывает автор, многие фонетические особенности говоров узбекского языка ослабевают или вообще исчезают благодаря усиливающимся межъязыковым контактам, влиянию литературного языка и другим факторам, характерным для сближения и взаимосвязей национальных культур в эпоху развитого социализма.

Вторая глава (стр. 40—169) посвящена анализу морфологической структуры западносамаркандских говоров узбекского языка. Анализ категории падежа, принадлежности и множественности проводится в ней в связи с наиболее важными структурными элементами морфологического строя языка. Заслуживает одобрения рассмотрение автором личных и указательных местоимений, имеющих абстрактную семантику и обладающих теми же парадигматическими формами, что и имена.

В работе четко выделены отдельные говоры или же группы говоров, указаны их особенности; для сравнения привлекаются все основные говоры узбекского языка. Подробно исследуются временные формы глагола, наклонения, причастия, деепричастия и слова состояния, их функции в речи. Анализируются также прилагательное, числительное, наречие, послелоги, союзы, частицы, на обширном иллюстративном материале показаны их своеобразие и особенности.

В этой же главе подвергаются анализу категории падежа. Несмотря на имеющиеся у автора некоторые противоречия в освещении этого вопроса, многие стороны морфологической структуры языка, как, например, количество падежей и их аффиксы, нулевые формы именительного и винительного падежей и другие, рассматриваются глубоко и научно обоснованно. Автор подробно рассматривает, например, категории падежа в карлуко-чигиле-уйгурском и кыпчакском наречиях, затрагивая общие и отличительные черты каждого из них. Так, в работе, в частности, отмечается совпадение форм родительного и винительного падежей в карлуко-чигиле-уйгурском, и частично кыпчакском наречиях, дательного-направительного (*жўналиш*) и предложного (*Урин-пайт*) падежей в некоторых говорах карлуко-чигиле-уйгурской группы и т. д.

На богатом иллюстративном материале демонстрируются автором падежные формы, их употребление и значение в каждом диалекте, причем Н. Раджабов использует факты языка памятников тюркской письменности, что позволяет ему полнее описать грамматический строй узбекских говоров. Интересно, что в некоторых говорах сфера употребления предложного падежа ограничена, в большинстве случаев он заменяется формой дательного-направительного падежа. Так, например, автор отмечает, что в самаркандском, бухарском, каттакурганском, шахрисябзском, ургутском и других говорах форма предложного падежа встречается весьма редко. И, напротив, форма дательного-направительного падежа употребляется очень часто. В некоторых говорах предложный падеж нередко выступает вместо дательного-направительного. Имеются говоры, где вместо дательного-направительного употребляется винительный падеж. Например, *Хэжани бэрип айтиң, мани коп азб берманлар* (Сам.)

² Е. Э. Бертельс. Как звали первую жену Низами? — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 66.

‘Сходите и скажите хозяину, не надо меня мучать так много’ и др. Исследователь выявил и конкретно определил, когда и при каких обстоятельствах эта замена происходит.

Убедительно показаны причины распространения дательно-направительного падежа (-а/-э/) в узбекских говорах, очерчена сфера его употребления. Автор и здесь привлек сравнительные материалы письменных памятников и других говоров узбекского языка.

Как известно, падежей и их форм в памятниках древнетюркской письменности больше, нежели в современном узбекском языке. В языке памятников употреблялись различные формы пространственного падежа на -гару, -гару, -қару, -қару и инструментального падежа на -ра, -ра, -ру, -ру, которые вышли из употребления в современном узбекском языке. В настоящее время некоторые исторические формы встречаются лишь в составе дательно-направительного падежа, наречий и послелогов. Остатки древнейших падежных форм типа -дын, -дин, -тын, -тин, -а, -н, -ын, -ин и других встречаются, хотя и редко, в узбекских говорах, а также в языке художественных произведений, особенно — поэзии.

Автор убедительно показал окончательное установление формы исходного падежа на -дан и различные его варианты, возникшие значительно позже форм других падежей. И действительно, материалы и факты истории языка, а также исследования В. В. Радлова, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, А. М. Щербака и других ученых подтверждают правильность вывода автора.

В книге дано подробное описание исторического развития и становления личных местоимений в узбекском языке. Так, отмечается употребление личных местоимений первого лица единственного числа в формах *мен, ман*; второго лица — *сен, сан* и других, что нашло отражение в языке произведений Алишера Навои и его современников. Личные местоимения первого и второго лица *мен, сен* характерны для кыпчакского наречия, андижанского, ферганского, ошского, карабулакского, манкентского говоров, карлуко-чигиле-уйгурского наречия, тогда как в остальных говорах употребляется *ман* и *сан*.

По мнению автора, личные местоимения третьего лица в памятниках древнетюркской письменности имели устойчивую форму *ол*, а в языке произведений Навои и его современников — *ул*. Последняя форма до сих пор употребляется в карнабском, туркском, каракалпакском и других говорах. В говорах же карлуко-чигиле-уйгурской группы широко распространена форма *у*. В говорах кыпчакского наречия встречаются оба варианта. Иногда можно встретить и форму *во*. Таким образом, автору удалось выявить и осветить распространение и

употребление различных форм личных местоимений во всех узбекских наречиях.

Подробно описаны в монографии личные местоимения первого и второго лица в форме дательно-направительного падежа в различных вариациях (*маған||мэгән, саған||сэгән, уған||оған*), привлечены материалы письменных памятников и разных говоров, убедительно раскрыто происхождение форм *маған* < *манға, саған* < *санға, оған* < *онға* и др.

В монографии систематизированы и описаны глагольные формы всех времен и наклонений, функции причастных, деепричастных форм, дана их этимология, указана принадлежность определенному диалекту. Таково, например, толкование форм -*ётир, -в, -ув, -ш, -иш, -моқда* и др. Точно установлена принадлежность форм -*ш, -иш* карлуко-чигиле-уйгурскому наречию, -*в, -ув, -ш, -иш* кыпчакскому наречию и -*моқда* — огузскому наречию. Для подтверждения своих положений автор часто обращается к различным лингвистическим данным и фактам, сравнивая и сопоставляя их.

Заслуживает внимания и тот факт, что Н. Раджабов не только описывает грамматические формы, изменение глагольных форм, но и исследует сферу и частотность их употребления, продуктивность функционирования в языке. Так, например, в работе говорится, что в устной и письменной речи аффикс глаголов данного времени -*ап* распространен шире, нежели аффиксы -*ётир, -моқда*.

Интересное объяснение получили грамматические формы на -*дук, -дук, -дуг, -дуг*, дана хронология их употребления, анализируется их историческое развитие, начиная с памятников орхон-енисейской письменности и кончая эпохой, в которую жили и творили Фуркат, Мукими и Хамза. Указывается также, что форма на -*дэмъз*, употребляемая в ташкентском и карнабском говорах, имеет более древнее происхождение, нежели форма на -*дук, -дук, -дуг, -дуг*.

В работе отмечен интересный факт: в истории языка форма глагола настоящего времени не существовала самостоятельно. Ее функцию выполняли формы прошедшего или будущего времени. Эта форма как грамматическое выражение настоящего времени утвердилась в языке постепенно, что подтверждается материалами труда Махмуда Кашгари «Девону лугот-ит-тюрк» и другими памятниками.

Объективное толкование получили в работе Н. Раджабова категории принадлежности, множественности и наклонения. Всестороннюю характеристику получила в монографии категория принадлежности. В частности, автор высказывает свое мнение относительно форм монгольского языка в узбекских говорах на -*нар, -нар* и -*нар*.

Достоинством работы следует считать привлечение материалов из многих родственных языков тюркской системы: казах-

Орхонские письменные памятники, включенные в книгу, еще в 1894—1899 годах были переведены В. В. Радловым. После обнаружения известного сочинения Махмуда Кашгари «Дивану-лугат-ит-тюрк» значения отдельных слов и выражений, как известно, в значительной мере были уточнены Г. Н. Оркуном, С. Е. Маловым, А. М. фон Габэн и другими тюркологами. Но, несмотря на это, в данных памятниках все еще имеются не совсем верные переводы, требующие дальнейшего уточнения. Нет сомнения в том, что и устный, и литературный язык древнетюркских племен был насыщен идиоматическими выражениями, которые нашли отражение и в письменных памятниках. Однако фразеологизмы древнетюркских письменных памятников до сих пор остаются неизученными. Это, естественно, приводило к тому, что нередко идиоматические выражения письменных памятников переводились дословно. Авторы, в отличие от своих предшественников, при переводе текстов стремились найти азербайджанские соответствия слов и выражений, фразеологических словосочетаний. Сравнивая древние тексты и их переводы на азербайджанский язык, читатель убеждается в правоте таких исследователей, как В. В. Радлов, В. Томсен, П. М. Мелиоранский, Г. Н. Оркун, С. Е. Малов и ряд других, утверждавших, что орхонские памятники по их лексико-грамматическим особенностям близки к огузской группе современных тюркских языков.

А. Дж. Шукюровым уточняется перевод ряда выражений.

У С. Е. Малова: *Теңрі тег теңриді болмыш түрк білді қаған бу одақ олуртым* 'Небopodobный, неборожденный (собственно «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган, я нынче сел (на царство)' (стр. 33). Переведенное А. Дж. Шукюровым на азербайджанский язык, это предложение звучит следующим образом: *(Мән)танры тәк көдә жарамыш биллици түрк ханы бу тахт үзәриндә отурдум* '(Я) мудрый тюркский каган, возникший подобно богу на небе, сел на этот престол' (стр. 62).

Фразеологическое сочетание *башлыгы жүкүнтирмис, тизлиги сөкурмис* обычно переводится на русский язык как «имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени». По нашему мнению, А. Дж. Шукюров справедливо считает указанное словосочетание фразеологизмом и, в отличие от своих предшественников, переводит его так: *Онлар баш галдыраны баш ендирмә, ајаг үстә галханы диз чөкдүрмә мәчбур етмишләр* 'Они заставили покориться тех, которые подняли головы, заставили преклонить колени тех, которые поднялись на ноги' (стр. 64).

В первой части книги кратко характеризуются отдельные фонетические особенности и лексический строй орхонских и древнеуйгурских письменных памятников. В книге рассматривается лексический состав

орхонских и древнеуйгурских письменных источников, в том числе слова, выражающие отношения родства, обозначающие время, названия животных и птиц, личные имена и титулы и т. п.

Вторая часть книги составляет ее основу и посвящена сравнительному изучению морфологического строя древнетюркских и древнеуйгурских письменных памятников. В морфологической части работы, построенной в основном по принципам традиционной грамматики, в отличие от последней, особенности орхоно-енисейской и древнеуйгурской письменности впервые рассматриваются в сравнительном аспекте. При этом авторы обнаруживают незаурядную осведомленность и знания в области исследуемого предмета.

Сравнительное изучение морфологического строя памятников древнетюркской письменности показывает, что в лексическом составе и грамматическом строе орхоно-енисейских и древнеуйгурских письменных памятников имеется много общего. На этом основании А. Дж. Шукюров и А. М. Магеррамов утверждают, что древнеуйгурский литературный язык сформировался на основе тюркско-сирского (орхоно-енисейского) литературного языка.

Примечательно, что морфологические признаки, встречающиеся в памятниках орхоно-енисейской письменности в одном, двух или трех вариантах, в древнеуйгурских письменных источниках, как правило, представлены в четырех, шести и более вариантах. Так, например, выясняется, что в орхоно-енисейских письменных памятниках такие аффиксы имен существительных, как *-чы, -чи, -уш, -үш*, в памятниках древнеуйгурской письменности встречаются в вариантах: *-чы, -чи, -чу, -чү, -и, -ыш, -иш, -уш, -үш*. Аффиксы имен прилагательных на *-лыг, -лик; -сыз, -сиз*, обнаруживающиеся в тюрко-сирско-огузском (орхоно-енисейском) литературном языке, в памятниках древнеуйгурской письменности представлены в вариантах: *-лыг, -лик, -лук, -лүк, -луғ, -лүг, -луг; -сыз, -сиз, -суз, -сүз*. Сравнительное изучение морфологического строя этих двух литературных языков указывает на то, что в памятниках древнеуйгурской письменности имеются аффиксы, отсутствующие в орхоно-енисейских письменных источниках.

Обстоятельно рассматриваются в книге вопросы, связанные с глагольными формами.

Изучая морфологический строй древнетюркских письменных памятников, авторы пришли к заключению, что словообразовательные аффиксы, характерные для древнетюркской письменности, в большинстве своем сохраняются и в современном азербайджанском языке. В этом отношении особого внимания заслуживают залого глагола. Автор (А. М. Магеррамов) устанавливает, что морфологические показатели и лексико-грамматические значения всех залогов, встречающиеся в орхоно-енисейских

письменных памятниках, не отличаются от залогов в современном азербайджанском языке. Что же касается глагольных форм, то в древнетюркских письменных памятниках они представлены синкретично и развиты весьма слабо. Так, например, аффиксы изъяснительного наклонения, за исключением аффикса прошедшего категорического времени, и аффиксы причастия не дифференцированы.

С новой точки зрения рассматриваются А. Дж. Шукюровым наречия. Учитывая, что до сих пор в азербайджанском языкознании не установлена четкая граница между наречиями и другими соответствующими частями речи, автор подошел к анализу наречий с точки зрения, несколько отличной от общепринятой в современном азербайджанском языкознании. Он подразделяет встречающиеся в памятниках древнетюркской письменности наречия на следующие группы: 1) первообразные наречия; сюда относятся слова, которые, не принимая какого-либо морфологического признака, выражают признак действия (*имди* 'теперь', *кунтуз* 'днем', *кеча* 'ночью'); 2) производные наречия, образованные с помощью аффикса *-ды*, *-ди*, *-ты*, *-ти* (*катыг-ды* 'покрепче', 'внимательно', *едгу-ти* 'хорошо'); 3) адвербиализованные слова, изолированные от других частей речи. В древнетюркском письменном языке адвербиализовались в основном следующие именные и глагольные формы: падежные формы — *анта* 'там', 'тогда', *бунта* 'тут', *јадагын* 'пешком', *теркин* 'быстро', *ичрэ* 'внутри', *онрэ* 'вперед', *јогару* 'наверх', 'наверху'; деепричастные формы — *јантуру* 'снова', 'неоднократно', *башилају* 'сначала', *тукети* 'до конца' и т. п.

Своеобразный подход авторов к изучению морфологического строя памятников древнетюркской письменности обнаруживается и в описании послелогов. В пособии послелоги письменных памятников подразделены на две группы: 1) первообразные послелоги (*бирлэ*, *кисрэ*, *тег*, *теги*, *үчүн*), 2) имена-послелоги. Как известно, в настоящее время под термином «имя-послелог» имеются в виду имена существительные типа *үст* 'верх', *алт* 'низ', *јан* 'около', *ара* 'промежуток', *орта* 'середина' и т. п., употребляющиеся в пространственных падежных формах. Однако А. Дж. Шукюров совершенно справедливо считает, что под упомяну-

тым термином следует понимать имена, которые, утрачивая в контексте свое лексическое значение, подобно исконному послелогу, выражают синтаксические отношения между именем и глаголом. К ним относятся: наречие *беру* 'сюда', имя существительное *узэ* 'наверху', имена прилагательные типа *адын* 'другой', *артук*||*артуку* 'больше' и др.

Заключительная часть книги представляет собой небольшой словарь объемом в 1,5 печатных листа, составленный по текстам орхоно-енисейских и древнеуйгурских письменных памятников, включенным в учебник. Этот словарь, безусловно, даст возможность студентам самостоятельно работать над древними текстами, напечатанными древнетюркским (руническим) и уйгурским алфавитами.

Отметим и отдельные недостатки, неизбежные во всякой работе, тем более в первом опыте сравнительного изучения морфологического строя орхоно-енисейских и древнеуйгурских письменных памятников в советском языкознании. Проводя сопоставительный анализ особенностей морфологии двух литературных языков, авторы иногда ограничиваются лишь ссылками на факты, наблюдаемые в орхоно-енисейских письменных памятниках. Что касается древнеуйгурских письменных памятников, то авторы нередко довольствуются лишь упоминанием соответствующих морфологических показателей, имеющих в них.

Полагаем также, что В. В. Радлов совершенно справедливо имя тюркского военачальника Кюль-Тегина транскрибировал через *с*. А. Дж. Шукюров, желая, по-видимому, сохранить старинную форму письма, пишет это имя через *и*, как Кюль-Тигин.

Словарь книги составлен только по тем письменным памятникам, которые в нее включены. Однако при изложении морфологической части работы в качестве иллюстративных примеров приведено немало слов, значения которых авторы не объясняют.

Перечисленные недостатки несколько не умаляют значения книги. Это хороший подарок азербайджанским студентам, аспирантам и преподавателям, занимающимся изучением тюркоязычных письменных памятников.

А. Курбанов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

С 15 по 17 июня 1977 года в Якутске проходила всесоюзная научная конференция, посвященная эпическому творчеству народов Сибири и Дальнего Востока. Это уже пятая конференция по фольклору Сибири и Дальнего Востока (четыре предыдущих конференции проводились в Улан-Удэ).

На первой конференции (1959) ученые Бурятской, Тувинской и Якутской автономных республик и многих сибирских городов, представлявшие научно-исследовательские центры и высшие учебные заведения, обсуждали состояние и задачи сбора, публикации и научного изучения фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Вторая конференция (июль 1965 года) была посвящена проблемам современного устного народного творчества. На третьей конференции (1969) было проведено широкое обсуждение эстетических вопросов устного народного творчества. Темой четвертой конференции (июнь 1973 года) явилось изучение эпического творчества народов Сибири и Дальнего Востока. На этой конференции было принято решение провести следующую встречу фолклористов в Якутске.

На состоявшейся ныне пятой конференции продолжалось начатое в 1973 году в Улан-Удэ на четвертой конференции обсуждение проблем эпического творчества. На Якутской конференции обмен мнениями был сосредоточен в основном на следующих трех вопросах: межэтнические общности и связи эпического творчества народов Сибири и Дальнего Востока; поэтика эпического творчества; традиции эпического искусства и современная культура.

Организаторы конференции — Научный совет по фольклору при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького и Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

На конференции состоялось четыре пленарных и шесть секционных заседаний, на которых было заслушано 65 докладов и сообщений, а также пятнадцать выступле-

ний. В работе конференции приняли участие научные сотрудники, преподаватели вузов и школ, студенты и любители фольклора — всего 250 человек, в том числе 40 иногородних представителей из Москвы, Ленинграда, Грузинской ССР, Киргизской ССР, Татарской, Калмыцкой, Дагестанской, Бурятской, Коми автономных ССР, Горно-Алтайской и Хакассской автономных областей, из Иркутска и Владивостока.

Конференцию открыла председатель оргкомитета, директор Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР *Е. И. Коркина*. На первом пленарном заседании конференцию приветствовал секретарь обкома КПСС *Ю. Н. Прокопьев*.

Б. Н. Путилов (Ленинград) выступил с докладом «Проблемы эпического творчества народов Сибири и Дальнего Востока в свете современного эпосоведения», в котором подчеркнул комплексный характер исследования обнаруженных в основном в советское время памятников эпического творчества народов Сибири и Дальнего Востока. Докладчик отметил, что эпос представляет собой особую форму устно-поэтического народного творчества, в котором огромную роль играет индивидуальность мастера-сказителя. Исключительно важным для науки является то обстоятельство, что в Сибири сохранились типологически ранние формы эпоса в его естественном состоянии. *Б. Н. Путилов* остановился на вопросах изучения эпоса как специфической системы творчества со свойственными ему структурными особенностями, своим кругом поэтических идей, своим языком. Он отметил, что исследование фольклора народов Сибири и Дальнего Востока подводит к истокам возникновения жанра эпоса. Сопоставление же эпоса ряда регионов раскрывает типологию процесса развития эпического творчества.

В докладе «Миф и эпос у народов Северной Азии» *Е. М. Мелетинский* (Москва) охарактеризовал роль мифа в процессе создания героического эпоса, выявил типо-

логию и взаимовлияние эпического творчества палеоазиатских, угро-самодийских, тунгусских и тюрко-монгольских народов. Взаимосвязь мифа и эпоса рассматривалась в докладах *А. И. Уланова* (Улан-Удэ), *Н. О. Шаракишиновой* (Иркутск), *С. С. Суразаква* (Горно-Алтайск), *А. М. Аджиева* (Махачкала), *В. Е. Майногашевой* (Абакан), *М. И. Тулохонова* (Улан-Удэ) и др.

Ряд докладов был посвящен проблемам межэтнических общностей и связей эпического творчества народов Сибири и Дальнего Востока. Так, *А. К. Микушев* (Сыктывкар) выступил с докладом «Взаимосвязи пермской и обскоугорской эпической традиции», *Б. Л. Рифтин* (Москва) — с докладом «Общие темы и сюжеты в сказочно-эпическом творчестве народов Сибири, Центральной Якутии и Дальнего Востока», *С. Н. Азбелев* (Ленинград) — с докладом «Типы героического эпоса и соотношение их поэтических систем». *Ж. Х. Салакал* (Сухуми) в докладе «К типологии архаического эпоса» указал на общие типологические черты сюжета и поэтики якутского олонхо и абхазского нартского эпоса. Данная проблема обсуждалась на двух секционных заседаниях, на которых было заслушано пятнадцать докладов и два выступления.

С. Ю. Неклюдов (Москва) посвятил свой доклад особенностям поэтической организации эпических песен о Гэсэре у монгольских народов; *Н. Б. Киле* (Владивосток) говорил об отражении в фольклоре нанайцев этнических связей с соседними народами; *Т. М. Михайлов* (Улан-Удэ) проследил параллели в мифологии бурят и тюркских народов Сибири, восходящие к культовой поэзии; *М. М. Сагитов* (Уфа) говорил об общностях мифологических представлений в народном эпосе башкир и алтайцев.

В секции «Поэтика эпического творчества» было заслушано восемнадцать докладов и пять выступлений. Большинство докладов посвящалось поэтике якутского эпоса олонхо. С интересом были прослушаны доклады *С. П. Ойунской* (Якутск) о жанровых особенностях якутских народных поэм, *В. Т. Петрова* (Якутск) о художественном изображении персонажей в олонхо, *Е. Н. Кузьминой* (Улан-Удэ) о художественных особенностях улигера «Алтан Шагай», *Л. Д. Нестеровой* (Якутск) о типологии главных героев олонхо и сказок, *П. Н. Дмитриева* (Якутск) об эпических

формулах олонхо, а также выступления *Н. К. Антонова* (Якутск), *Е. С. Новика* (Москва) и др.

Внимание слушателей привлекли доклады лингвистического плана: *Н. Е. Петрова* (Якутск) о роли олонхо в развитии якутского языка и изучении его истории, *П. А. Слепцова* (Якутск) о влиянии языка олонхо на становление и развитие современного якутского литературного языка, *М. С. Воронкина* (Якутск) о диалектизмах в языке эпоса енисейских якутов и других народов.

На секции «Традиции эпического искусства и современная культура» было заслушано тринадцать докладов и сообщений. В работе секции приняли участие фольклористы, музыковеды, театроведы, искусствоведы, присутствовали также народные певцы-олонхосуты, представители художественной интеллигенции. *Р. А. Шерхунаев* (Иркутск), *Д. С. Дугаров* (Улан-Удэ), *С. С. Бардаханова* (Улан-Удэ), *В. В. Илларионов* (Якутск), *П. Е. Ефремов* (Якутск) посвятили свои доклады сказительству, мастерству сказителей: улигерников, олонхосутов, певцов.

Подводя итоги работы конференции, *Б. Н. Путилов* отметил, что, несмотря на большой интерес, проявляемый к изучению сказительства, постановка этой работы не соответствует современным темпам и возможностям развития науки. Необходимо организовать изучение эпоса по коллективно разработанной программе, во всеоружии новых методов исследования.

Проблемам соотношения эпической традиции и современной культуры были посвящены доклады: *И. А. Потапова* «Олонхо „Нюргун Боотур“ в иллюстрациях якутских художников», *А. А. Билокина* «Роль фольклора в создании и становлении якутской драматургии», *Д. К. Максимова* «От олонхо к музыкальной драме» и другие.

Доклады и выступления на конференции показали, что в изучении проблем эпического творчества народов Сибири и Дальнего Востока участвует широкий круг исследователей самых различных специальностей.

Конференция приняла соответствующие рекомендации и поддержала инициативу представителей Бурятии об издании многотомной серии «Памятники устной поэзии народов Сибири».

Н. В. Емельянов

«ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

26—27 сентября 1977 года в Алма-Ате проходила Третья Всесоюзная научно-теоретическая конференция: «Художественные искания в современной советской многона-

циональной литературе», посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Первая и вторая конференции этого традиционного форума

литературоведов страны, организованные Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР и институтами литературы Академии наук Молдавии и Украины, проходили соответственно в Кишиневе и Одессе. На сей раз инициаторами конференции явились Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР, Всесоюзное общество «Знание» и общество «Знание» Казахской ССР. Перед конференцией стояла задача — подвести итоги и наметить перспективы исследования актуальных теоретических проблем современного литературоведения, определить роль и значение Великой Октябрьской социалистической революции в развитии многонациональной советской литературы, в становлении в ней разнообразных литературных жанров и возникновении новых традиций, в рождении художественной литературы у народов, не имевших до революции даже своей письменности. В конференции приняло участие более 300 делегатов, в том числе видные ученые литературоведы Абакана, Алма-Аты, Баку, Горно-Алтайска, Ижевска, Ленинграда, Минска, Москвы, Нукуса, Одессы, Сыктывкара, Ташкента, Тбилиси, Улан-Удэ, Уфы, Фрунзе, Элисты, Якутска.

В своем вступительном слове академик-секретарь Отделения общественных наук Академии наук Казахской ССР *З. А. Ахметов* подчеркнул, что само проведение данной конференции, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, свидетельствует о расцвете многонациональной советской литературы и советской литературоведческой науки, достигнутом благодаря заботам Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и Советского правительства.

На пленарном заседании было прочитано четыре доклада. Член-корреспондент Академии наук СССР *Г. И. Ломидзе* в своем обширном докладе «Великий Октябрь и современная многонациональная литература» говорил о решающей роли Октябрьской революции в становлении и развитии многонациональной советской литературы, о многообразии ее видов и жанров, роли русской советской литературы в развитии литератур народов СССР, об их взаимосвязи, взаимообогащении и интернациональном единстве.

Академик Академии наук Казахской ССР *М. К. Каратаев* в докладе «Октябрьская революция и казахская литература» на конкретных примерах показал огромное значение Октябрьской революции в развитии национальной культуры в Казахстане, в формировании, становлении и расцвете социалистического реализма в казахской советской литературе.

В докладе академика Академии наук Узбекской ССР *М. К. Нурмухамедова* «Некоторые современные тенденции в оценках

буржуазной науки литератур народов Средней Азии и Казахстана» были подвергнуты резкой и убедительной критике различного рода фальсификации и извращения зарубежной печатью состояния литературного процесса в республиках Средней Азии и Казахстане.

В докладе доктора филологических наук *Г. А. Асатиани* «Проблемы традиции и новаторства в современной художественной прозе» рассматривались актуальные вопросы развития современной художественной прозы. Докладчик привлек яркий иллюстративный материал из различных литератур народов СССР.

Далее работа конференции продолжалась в четырех тематических секциях.

Первая секция заслушала 12 докладов, в том или ином аспекте освещавших тему «Историко-революционная тема и Великая Отечественная война в современной литературе» (руководитель — доктор филологических наук *З. С. Кедрина*).

В докладе *Ю. А. Андреева* (Ленинград) «Советская многонациональная литература в контексте мирового литературного процесса» говорилось с привлечением обширного фактического материала о многообразии и многоязычии литератур народов СССР и их роли в мировом литературном процессе. *И. Х. Габдиров* (Алма-Ата) в докладе «Идеи интернационализма и дружбы народов в казахской советской литературе» на примере произведений основоположников казахской советской литературы и писателей-современников показал эволюцию разработки темы дружбы народов в казахской литературе. Обширной теме «Новая историческая общность — советский народ и взаимообогащение литератур в произведениях о Великой Отечественной войне» посвятил свой доклад *М. А. Левченко* (Одесса). Остановившись на многочисленных примерах из литературных произведений о войне, *М. А. Левченко* показывает, что многонациональная советская литература утвердила интернационализм как высшую социальную, духовную сущность советского человека и война. Таким образом, новая историческая общность — советский народ — понятие реальное, многозначное, действенное.

На анализе произведений о В. И. Ленине был построен доклад *П. У. Уразаева* (Алма-Ата) «Образ Ленина в литературе народов Средней Азии и Казахстана». Наряду с положительными примерами докладчик отметил и недостатки в изображении образа вождя в поэтических произведениях узбекской, казахской и киргизской литературы.

Становление и развитие революционной романтики в казахской литературе 20-х годов на примере творчества основоположника казахской советской литературы *Сакена Сейфуллина* было прослежено в докладе *Т. К. Какишева* (Алма-Ата) «Ре-

волюционная романтика в казахской литературе».

В докладе *Ш. К. Сапиевой* (Алма-Ата) «Взаимосвязи литератур и развитие казахской поэзии 20—30-х годов» было раскрыто благотворное влияние на поэзию С. Сейфуллина классиков русской советской литературы — В. В. Маяковского, Д. Бедного и других.

Б. Н. Наурызбаев (Алма-Ата) посвятил свой доклад «Традиции Б. Майлина и новые поиски в современной казахской прозе» проблеме преемственности, отмечая общие особенности стиля Б. Майлина и современных молодых казахских прозаиков.

Л. А. Бекизова (Черкесск) в докладе «Октябрьская революция и новый эпос литературы Северного Кавказа» рассказала о становлении и развитии жанра романа в литературах народов Северного Кавказа. Привлекли внимание сообщенные ею факты о влиянии эпических традиций М. О. Ауэзова на творчество тюркоязычных романистов Северного Кавказа.

А. Б. Соколова (Улан-Удэ) в докладе «Октябрьская революция в творчестве прозаиков Бурятии» осветила роль Октябрьской революции в развитии бурятской литературы, в частности, возникновение жанра романа. *А. А. Кутейникова* (Москва) в докладе «Проблемы социалистического гуманизма в современной прозе» охарактеризовала истоки социалистического гуманизма и его воплощение в произведениях современной русской прозы. В докладах *И. М. Ванеевой* (Сыктывкар) «Историко-революционная тема в романах Коми» и *Е. В. Федорова* (Якутск) «Развитие мемуарного жанра в якутской прозе» были показаны жанровые и тематические особенности литератур Якутии и Коми.

Работа второй секции была посвящена теме «Социальная активность героя и формирование характера нового человека» (руководитель — академик АН Казахской ССР М. К. Каратаев).

Прочитанные на этой секции доклады по содержанию и проблематике можно подразделить на три группы. Первая группа — доклады общетеоретического характера, охватывающие изучение многонациональной советской литературы в целом. К ним относятся доклады *Л. И. Зелеской* (Москва) — «Новаторские черты характера коммуниста в советской литературе»; *Н. М. Шляховой* (Одесса) — «Личность героя и нравственные критерии в его изображении»; *Н. С. Надъярных* (Москва) — «Роль литературы в духовной жизни общества». Вторая группа — доклады, представляющие собой обзоры национальной прозы, с освещением различных граней этого жанра на конкретных примерах той или иной литературы: *П. К. Дюбайло* (Минск) — «Духовные горизонты героя современной прозы»; *М. Х. Хасенов* (Алма-Ата) — «Принципы типизации характеров в казахской прозе»; *Х. С. Сайранов*

(Уфа) — «Духовный облик строителя коммунизма в современной башкирской прозе»; *А. Садыков* (Фрунзе) — «Принципы романтического изображения характеров в современной киргизской прозе»; *В. В. Пахорукова* (Сыктывкар) — «Коми-пермякская проза наших дней»; *Р. А. Джамбинова* (Элиста) «Образ современника в калмыцкой прозе». Лишь доклад *Н. Н. Тобурокова* (Якутск) «Поиски нового героя в якутской поэзии» был посвящен поэзии. Эти доклады перекликаются между собой как по содержанию, так и по проблематике — все они посвящены образу современника в советской литературе.

Тема работы третьей секции — «Взаимообогащение национальных литератур в системе социалистического реализма» (руководитель — академик АН Узбекской ССР М. К. Нурмухамедов).

Из 15 прочитанных на этой секции докладов 8 были посвящены проблемам взаимосвязи и взаимообогащения национальных литератур. Остальные — проблемам прозаического жанра в национальных литературах.

З. С. Кедрина (Москва) свой доклад «Художественный опыт и национальные традиции в литературах Средней Азии и Казахстана» посвятила роли и значению всесоюзного художественного опыта в развитии новых традиций в национальных литературах народов Советского Востока. *Е. В. Лизунова* (Алма-Ата) в докладе «Творческая личность художника и взаимообогащение национальных литератур» разобрала теоретический аспект влияния М. О. Ауэзова как художника на развитие эпических традиций в ряде национальных литератур. Проблема типологической общности литератур была освещена в докладе *А. А. Гаджиева* (Баку) «О типологии взаимосвязи в советской литературе». Некоторым конкретным вопросам взаимосвязи литератур были посвящены доклады: *С. С. Кирабаева* (Алма-Ата) — «Обогащение реализма в современной казахской литературе»; *В. Ц. Найдакова* (Улан-Удэ) — «К вопросу о стилевых течениях в социалистическом реализме»; *З. Насурлаевой* (Нукус) — «М. Ауэзов и современная каракалпакская проза»; *В. Д. Пюреева* (Элиста) — «Основные тенденции современного литературного процесса в Калмыкии»; *Р. А. Полжиной* (Горно-Алтайск) — «Становление младописменного романа и его художественные особенности».

Следующие семь докладов были посвящены прозе в целом и роману как жанру в частности: *Р. Бердибаев* (Алма-Ата) — «Традиции устного сказа в казахском романе»; *В. Г. Османова* (Москва) — «История и миф в современной советской прозе»; *А. Г. Кызласов* (Абакан) — «Стилевое своеобразие хакасской прозы»; *В. М. Османов* (Баку) — «Стилевые поиски в современной азербайджанской

прозе», *З. А. Богомолова* (Ижевск) — «Своеобразие и проблемы развития удмуртского романа», *А. Х. Вахитов* (Уфа) — «Традиционное и новаторское в современной башкирской прозе», *М. К. Кошчанов* (Ташкент) — «Проза молодых писателей Узбекистана».

Четвертая секция работала по теме «Развитие современной поэзии и проблемы художественного перевода» (руководитель — член-корреспондент АН Казахской ССР *З. А. Ахметов*). На секции было прочитано 7 докладов, три из них — о казахской поэзии. *А. Ш. Шарипов* (Алма-Ата) в докладе «Художественные искания в современной казахской поэзии» на большом поэтическом материале раскрыл новаторские элементы в современной казахской поэзии. *З. А. Ахметов* (Алма-Ата) свой доклад «Проблемы взаимодействия жанров: поэтические традиции в современной казахской прозе» посвятил актуальной проблеме взаимодействия жанров. Основываясь на целом ряде произведений писателей, докладчик устанавливает характерную для них преемственность традиции устно-поэтического народного творчества, присущую современной казахской литературе. Проблема сюжетосложения, сюжетной композиции в современной казахской поэме был посвящен доклад *А. К. Нарымбетова* (Алма-Ата) «Особенности построения сюжета в современной казахской поэме». В докладе *С. А. Коваленко* (Москва) «Историзм художественного мышления в современной поэме» был освещен общетеоретический вопрос об отражении автором поэтического произведения определенного исторического события или явления эпохального порядка.

Об алтайской поэзии в целом и о развитии в ней жанра поэмы рассказал в сво-

ем докладе «О жанре поэмы в алтайской поэзии» *В. И. Чичинов* (Горно-Алтайск). Проблеме художественного перевода посвятила свой доклад *К. Ш. Кереева-Канафиева* (Алма-Ата) «Роль художественного перевода как одной из форм взаимодействия литератур в современных условиях». *В. М. Ванюшев* (Ижевск) выступил с докладом «Национальное художественное своеобразие в произведениях удмуртских писателей».

На заключительном пленарном заседании конференции с докладом «Методологические проблемы изучения многонациональной культуры народов СССР» выступил доктор филологических наук *Р. Ф. Юсупов* (Москва).

Руководители секций информировали участников конференции о том, что все доклады, прочитанные на конференции (более 50), соответствовали намеченной тематике, отличались глубиной теоретического анализа и широтой научных обобщений.

Выступивший с заключительным словом *Г. И. Ломидзе* подчеркнул, что проведенная конференция выполнила свою задачу, подводя итоги развитию многонациональной советской литературы последних лет и, несомненно, стимулирует дальнейшую теоретическую разработку актуальных проблем советского литературоведения.

Участники конференции рекомендовали продолжать практику проведения всесоюзных конференций, посвященных актуальным проблемам литературоведения, и внести предложение издать материалы прошедшей конференции отдельным сборником.

А. О. Мусинов

PERSONALIA

ГАЙНЕТДИН ГАЛИЕВИЧ МУСАБАЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения видного казахского ученого-лексикографа, заведующего отделом словарей Института языкознания Академии наук Казахской ССР, члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора Г. Г. Мусабаева.

Г. Г. Мусабаев родился 17 сентября 1907 года в городе Омске в семье рабочего-железнодорожника. Окончив начальную школу и рано оставшись круглым сиротой, он подростком несколько лет батрачил у местных баев и кулаков, работал шахтером на золотых приисках. Окончив в 1933 году педагогический техникум, он поступает на филологический факультет Казахского педагогического института в Алма-Ате.

Будучи студентом этого института, Г. Г. Мусабаев проявил большую склон-

ность к исследовательской работе. Он занимается сбором образцов фольклора, активно участвует в работе лингвистического кружка. Его становление как языковеда-тюрколога проходило под непосредственным воздействием таких известных ученых Казахстана 30-х годов, как С. Сейфуллин, Х. Жубанов, Р. Шор. Под руководством одного из основоположников казахского советского языкознания, профессора Х. Жубанова, возглавлявшего на Г. Г. Мусабаева большие надежды, он осуществляет свои первые исследовательские опыты в области казахского языка и изучает труды русских и зарубежных тюркологов.

Успешно окончив в 1937 году Казахский педагогический институт, Г. Г. Мусабаев поступает на работу в Сектор языка и литературы Казахского филиала Академии наук СССР в качестве младшего научного сотрудника, а через год — в аспирантуру педагогического института.

Начатое Г. Г. Мусабаевым в аспирантуре исследование прилагательных казахского языка прерывает Великая Отечественная война. В 1941 году Г. Г. Мусабаев уходит добровольцем на фронт. Получив несколько ранений, и в результате почти полностью лишившись слуха, Г. Г. Мусабаев возвращается с войны гвардии капитаном.

С 1946 года по настоящее время Г. Г. Мусабаев заведует отделом двуязычных словарей Института языкознания Академии наук Казахской ССР.

В 1947 году он защищает кандидатскую диссертацию «Степени сравнения прилагательных в казахском языке», в 1960 году — докторскую диссертацию, посвященную изучению лексики казахского языка.

В 1962 году Г. Г. Мусабаев избирается членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР, а в 1971 году удостоивается звания заслуженного деятеля науки Казахской ССР.

Г. Г. Мусабаев является автором более чем ста научных работ, посвященных самым актуальным проблемам казахского языкознания. Уже первые научные публи-

кации конца 30-х годов обнаруживают широкий диапазон его научных интересов.

Г. Г. Мусабаев разрабатывает вопросы истории, диалектологии и этимологии казахского языка. Его наиболее известными работами являются: «О генезисе слова „Мангышлак“» («Известия АН Каз. ССР», 1946), «Об изучении истории казахского языка» («Вестник АН Каз. ССР», 1951), «Об особенностях разговорной речи местного населения Мангышлакского района» («Известия АН Каз. ССР», 1952), «Об этимологии некоторых слов» («Қазақ тили мен әдебиеті», 1952, № 2), «Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы диалектологии» (1952) и др.

Одним из первых Г. Г. Мусабаев начал заниматься изучением языка классиков казахской литературы. Его статья «О языке эпопеи М. Ауэзова» содержит ряд тонких наблюдений об особенностях лексики и фразеологии в произведениях этого писателя «Абай» и «Путь Абая».

Вопросы словообразования имен в современном казахском языке в освещении Г. Г. Мусабаева получают научно обоснованную историческую трактовку, особенно в таких его статьях, как «Об уменьшительном аффиксе» («Известия АН Каз. ССР», вып. 6, 1950) и «Об аффиксе -дай/-дей» («Известия АН Каз. ССР», вып. 3—4, 1955).

Труды Г. Г. Мусабаева сыграли немаловажную роль в разработке и упорядочении орфографии и пунктуации казахского языка. Он является одним из авторов капитального орфографического словаря современного казахского языка.

Г. Г. Мусабаев известен как крупный казахский лексиколог и лексикограф. Его учебник «Лексика» (часть систематического курса «Современный казахский язык»), предназначенный для филологических факультетов вузов республики, внес ценный вклад в изучение и исследование основных вопросов лексикологии современного казахского языка. Этот труд содержит богатый фактический материал и ценные научные выводы, основанные на глубоком научном анализе и многолетних наблюдениях автора. Лексические материалы казахского языка подаются в нем в сравнительно-историческом плане и в сопоставлении с фактами других живых тюркских языков, а также с фактами языка памятников древнетюркской письменности.

Г. Г. Мусабаев является соавтором двухтомного «Русско-казахского словаря» (1946), «Русско-казахского словаря» (Издание иностранных и национальных словарей, М., 1954), «Русско-казахского военного словаря» (1942) и ряда других.

Лексикологические и лексикографические труды Г. Г. Мусабаева в значительной степени содействовали всестороннему изучению казахской лексики и глубокому освоению казахами лексических богатств русского языка. Учитывая повсеместное и исключительное расширение функций русского языка, необходимо отметить влияние, оказанное трудами Г. Г. Мусабаева на нормализацию русизмов казахского языка.

В 30-е и 40-е годы перед поколением казахских языковедов, представителем которого является Г. Г. Мусабаев, стояла ответственной задачей создания учебников по казахскому языку для учащихся средней школы. Г. Г. Мусабаев активно участвовал в решении этой важной задачи и внес в это дело достойный вклад. Им были написаны учебники по казахскому языку для учащихся 5—7-х и 8—10-х классов русской школы.

Уже более десяти лет, начиная с 60-х годов, Г. Г. Мусабаев наряду с лексикографической работой увлеченно занимается изучением эпиграфических памятников Казахстана. Он — автор нескольких статей, посвященных описанию большого количества пиктографических, идеографических, древнетюркских и других письменных памятников, обнаруженных на территории республики. По мнению самого ученого, эта работа является только началом последовательных поисков и углубленного изучения истории письменности на территории Казахстана с древнейших времен до наших дней.

Г. Г. Мусабаев, будучи одним из ведущих языковедов республики, уделяет много внимания подготовке молодых научных кадров. Он воспитал целое поколение высококвалифицированных научных работников, которые ныне успешно работают в вузах и научных учреждениях республики.

За мужество, проявленное на фронтах Великой Отечественной войны, Г. Г. Мусабаев награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями.

За заслуги в развитии казахского языкознания и в связи с семидесятилетием со дня рождения Г. Г. Мусабаев награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

В 1971 году Г. Г. Мусабаев был награжден юбилейной грамотой Турецкой республики.

Друзья, коллеги и ученики желают Г. Г. Мусабаеву в связи с его семидесятилетием крепкого здоровья и больших творческих успехов.

А. И. Искаков, К. Ш. Хусаинов

ГУННАР ЯРРИНГ

(К семидесятилетию со дня рождения)

12 октября 1977 года исполнилось 70 лет крупнейшему шведскому тюркологу профессору Гуннару Яррингу.

В связи с семидесятилетним юбилеем Г. Ярринга Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР провел специальное заседание, на котором были заслушаны доклады и выступления сотрудников о научной деятельности этого известного ученого.

Г. Ярринг — автор основополагающих трудов по современному уйгуроведению — уйгурскому языку и его диалектам — начал свою научно-исследовательскую деятельность по окончании Лундского университета, где он получил прекрасную лингвистическую и востоковедческую подготовку, дополненную изучением ориенталистики и тюркологии в Германии (у проф. В. Банга) и в Венгрии (у проф. Л. Фекете)¹.

Первый же опубликованный им в 1933 году солидный труд «Исследование по фонетике уйгурского (восточнотюркского) языка» («Studien zu einer osttürkischen Lautlehre», Lund, 1933) сразу выдвинул автора в ряды высококвалифицированных тюркологов. Книга получила широкую известность среди западноевропейских и советских тюркологов, вызвав многочисленные одобрительные отклики и рецензии таких крупных ученых-ориенталистов, как Е. Дениссон Росс («Bulletin of the London School of Oriental Studies», Vol. VII, pt. 2), Дж. Клоусон («Journal of the Royal Asiatic Society», Vol. V, London, 1934), К. Менгерс («Göttingsche gelehrte Anzeigen», Vol. IX, 1934), С. Е. Малов («Библиография Востока», вып. 5—6, Л., 1934), Е. Д. Поливанов («Социалистическая наука и техника», № 1—2, Ташкент, 1934) и других, высоко оценивших это исследование.

Последующие труды Г. Ярринга по тюр-

кологии: «Спор плодов» («The Contest of the Fruits. An Eastern Turki Allegory», Lund, 1936), «Узбекский диалект Кылыча» («The Uzbek dialect of Qilich». — «Russian Turkestan». With texts and glossary, Lund), «Узбекский текст из Афганского Туркестана» («Uzbek texts from Afgan Turkestan», With glossary, Lund, 1938), «Глоссарий к изданному Г. Ракеттом восточному роману „Тажир и Зора“» («Wörterverzeichnis zu G. Raquette Ausgabe von „Täji bilä Zohra“», Lund, 1930; Lund, 1967), и в особенности его капитальные работы «Материалы по диалектам Восточного Туркестана», тт. I—IV («Materials to the Knowledge of Eastern Turki», Lund, t. I — 1946; t. II — 1947; t. III — 1951; t. IV — 1951) и «Уйгурско- (Восточнотюркско-) английский диалектологический словарь» («An Eastern-Turki-English Dialect Dictionary», Lund, 1964) принес-

¹ См. об этом подробнее: Н. А. Баскаков, Э. Р. Тенишев. Профессор Гуннар Ярринг. — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXVI, вып. 6, 1967, стр. 360—361.

ли автору заслуженную известность крупнейшего лингвиста-тюрколога, исследователя вопросов общей тюркологии и специалиста в области карлукских языков — средневекового чагатайского и современных уйгурского и узбекского.

Однако интересы автора не ограничились проблематикой, связанной с исследованиями уйгурского и узбекского языков. Среди многочисленных его тюркологических работ следует отметить, кроме большого количества этнографических наблюдений в четвертом томе его диалектных материалов («Materials to the Knowledge of Eastern Turki», t. IV, «Ethnological and historical texts from Guma», Lund, 1951), специальные этнографические исследования, посвященные тюркоязычным народам Восточного Туркестана («Weather-lore from Eastern Turkistan». — «Ethnos», № 2, 1936, «A Kara-Kirghize rug from Eastern Turkistan». — «Ethnos», № 4, 1936, «A note on Shamanism in Eastern Turkistan». — «Ethnos», № 1, 1961, «Var gyllene väg till Samarkand», Jord. Runt, 47), а также его труды по восточной ономастике («Some notes on Central Turkic place names». — «Bulletin of the Geological Institutions of the University of Uppsala», Vol. 40. Uppsala, 1961, «Sven Hedin. Central Asia Atlas... Index of geographical names» by D. Farquhar, G. Jarring and E. Norin. Stockholm, 1967).

Кроме Восточно-Туркестанского региона, внимание Г. Ярринга как тюрколога привлекали также малоазиатские турки («Kemal Atatürk e li turki rinoviso». — «Novialiste», 5, 1935, s. 9—15, «Det nya Turkiet». — «Bonniers». Stockholm, 1937 и др. работы), а в связи с этюдами, посвященными истории Швеции, — и крымские татары («Gustav II Adolf och tatarerna på Krim. Ny militär Tidakrift 19/20, 1932).

Г. Ярринг успешно занимался и проблемами истории шведского востоковедения и тюркологии в частности. Чрезвычайный интерес представляют его исследования деятельности более ранних шведских ориенталистов и их популяризация, например Ф. И. Стралленберга, оставившего значительное научное наследие, и других шведских плененных офицеров, сосланных после Полтавской битвы в Сибирь (Ср.: «Strahlenberg in Schwedischer Literatur und Wissenschaft». — «Uralo-Altische Jahrbücher», 48. Wiesbaden, 1976, «Das Schicksal der zentralasiatischen wissenschaftlichen Erbschaft von Philipp Johann Strahlenberg». — «Central Asiatic Journal», Vol. XXI, № 3—4. Wiesbaden, 1977, «Nytt Material om de Svenska Krigsfångarna i Sibirien». — «Karolinska

Förbundets». Årsbok, 1975 и др. работы), более поздних ученых, в частности Густава Ракетта, учителя юбиляра («Gustaf Raquette and Qasim Akhun's Letters to Kamil Efendi». Lund, 1975 и др. работы), а также Свена Гедина и других шведских востоковедов.

Об исключительной эрудиции и многообразии научных интересов Г. Ярринга в области ориенталистики и тюркологии свидетельствуют его многочисленные журнальные статьи и очерки, особенно написанные для различных шведских энциклопедий, например, его статьи о каракалпаках, казахак, киргизак, куманак, татарах, чувашак, туркменах, узбеках, уйгурах и о других тюркских народах, а также множество других статей в шведском энциклопедическом словаре («Svensk uppslagsbok». Bd. 10—30).

Наконец, нельзя не отметить выдающуюся роль Г. Ярринга в популяризации в Швеции русской художественной литературы и русских писателей. Приведем названия лишь некоторых его статей и рецензий: «Ryska noveller», «Sydsvenska Dagbladet Snällposten», 23 dec. 1931, «Ivan Bunin novellkonst», 14 dec. 1932, «Ivan Bunin självbiografi», 8 dec. 1933, «Nya ryska noveller». — «Skånska Dagbladet», 17 dec. 1930.

Если иметь в виду, что Г. Ярринг, начиная с сороковых годов, активно занимался дипломатической деятельностью (см. об этом статью в «Известиях Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXVI, вып. 6, 1967, стр. 360—361), то приходится только удивляться количеству созданных ученым научных трудов и проводившейся им плодотворной исследовательской работе.

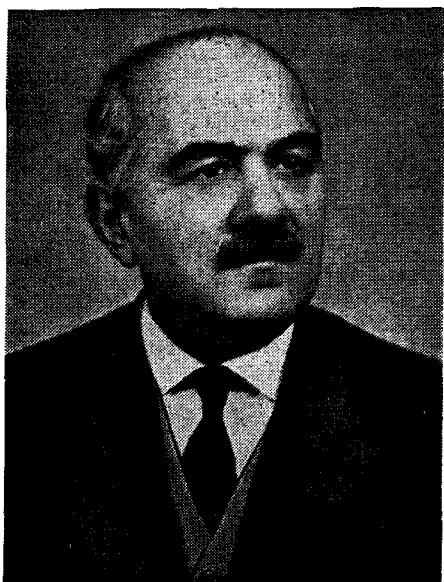
Г. Ярринг в своих уйгуроведческих трудах широко использует результаты советских тюркологических исследований и является давним и искренним другом советских тюркологов. Он неоднократно активно участвовал в уйгуроведческих и общетюркологических конференциях и совещаниях, проводившихся советскими учеными, выступал с интересными и содержательными докладами. Некоторые из них были опубликованы в советских академических журналах («Уйгуроведение в Швеции». — «Исследования по уйгурскому языку». Алма-Ата, т. 2, 1970, стр. 17—20; «Тюркология в Швеции». — «Советская тюркология», 1977, № 3).

Советские тюркологи высоко ценят труды юбиляра Гуннара Ярринга и желают ему доброго здоровья и дальнейшей успешной работы в области общей тюркологии и уйгуроведения.

Н. А. Баскаков

МИРЗААГА ЮЗБАШИ ОГЛЫ ГУЛИЗАДЕ

(К семидесятилетию со дня рождения)

25 октября 1977 года исполнилось 70 лет со дня рождения видного азербайджанского литературоведа, директора Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, доктора филологических наук, профессора Мирзаага Юзбаши оглы Гулизаде.

М. Ю. Гулизаде родился в городе Сальяны Сальянского уезда Бакинской губернии в семье музыканта.

В 1927 году, окончив бакинский педагогический техникум, М. Ю. Гулизаде начинает работать учителем начальной школы. В 1932 году он поступает на факультет языка и литературы Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина, по окончании которого в 1936 году работает преподавателем литературы в Казахском педагогическом училище, а в 1937—1938 годах заведует методическим кабине-

том Народного Комиссариата Просвещения Азербайджанской ССР и одновременно читает курс лекций по истории азербайджанской литературы в Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина. В 1939 году М. Ю. Гулизаде поступает в аспирантуру Института литературы и языка Азербайджанского филиала Академии наук СССР по специальности история азербайджанской литературы.

В начале Великой Отечественной войны М. Ю. Гулизаде призывается в ряды Красной Армии и направляется политработником в Политуправление штаба Закавказья и принимает участие в боях. Позднее он находится в спецкомандировке в Иране.

В 1947 году в чине майора М. Ю. Гулизаде демобилизуется из рядов Советской Армии. В том же году он восстанавливается в аспирантуре и работает преподавателем истории азербайджанской литературы в Азербайджанском государственном университете им. С. М. Кирова.

В 1948 году М. Ю. Гулизаде за диссертационную работу «Творчество Насими» присуждается ученая степень кандидата филологических наук.

С 1948 года М. Ю. Гулизаде — заместитель, а с 1952 года директор Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. С 1958 года по 1968 год он заведует отделом истории азербайджанской литературы средних веков в том же Институте. В 1965 году М. Ю. Гулизаде защищает докторскую диссертацию «Лирика Физули».

В 1968 году М. Ю. Гулизаде вновь назначается директором Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В этой должности он работает по настоящее время.

М. Ю. Гулизаде, один из видных азербайджанских литературоведов, сыграл большую роль в изучении и популяризации азербайджанской классической средневековой литературы. Он автор монографий «Низами Гянджеви. Жизнь и творчество» (Баку, 1953), «Лирика Физули» (Баку,

1965), «Поэт великих идеалов» (посвящена Насими) (Баку, 1973), целого ряда статей, литературных портретов и критико-биографических очерков о классиках азербайджанской литературы XII—XVIII веков — Хагани, Низами, Ахведи, Насими, Хабиби, Физули, Вагифе.

Особенно большие заслуги принадлежат М. Ю. Гулизаде в изучении наследия великого азербайджанского поэта-романтика XVI века Мухаммеда Физули. В его капитальной монографии «Лирика Физули», работе над которой он отдал многие годы жизни, глубоко раскрыты социально-исторические и литературные истоки творчества Физули, прослежена история изучения наследия Физули в Азербайджане и Турции, дан идейно-художественный анализ его лирики, показано значение наследия Физули в истории азербайджанской классической литературы. М. Ю. Гулизаде уделил большое внимание анализу особенностей творческого метода Физули, его романтизма и влияния, оказанного им на развитие азербайджанской, узбекской и турецкой поэзии.

М. Ю. Гулизаде — один из основных авторов и редакторов первого тома трехтомной «Истории азербайджанской литературы». Ряд его статей посвящен азербайджанской советской литературе, взаимосвязям классической азербайджанской литературы с русской, персидской, турецкой, узбекской литературами.

М. Ю. Гулизаде составлен ряд учебников и литературных хрестоматий для средних школ, написаны обзорные статьи по

истории азербайджанской литературы и очерки о ее видных представителях для Большой Советской Энциклопедии, Краткой Литературной Энциклопедии, Азербайджанской Советской Энциклопедии. Он активный участник ряда всесоюзных совещаний и конференций, посвященных различным проблемам азербайджанской литературы средних веков и литературных взаимосвязей и др.

Наряду с большой научной и организаторской работой, М. Ю. Гулизаде много внимания уделяет воспитанию молодых научных кадров, подготовке кандидатов и докторов филологических наук.

М. Ю. Гулизаде является председателем специализированных советов по защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата филологических наук при Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

За многолетнюю и плодотворную работу и в связи с семидесятилетием со дня рождения Мирзаага Юзбаши оглы Гулизаде награжден орденом Трудового Красного Знамени, за участие в Великой Отечественной войне — медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Друзья, коллеги и ученики М. Ю. Гулизаде горячо поздравляют его с семидесятилетием и желают ему долгих лет жизни, новых успехов в его многогранной творческой и организаторской деятельности.

Н. Дж. Мамедов

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА УБРЯТОВА

(К семидесятилетию со дня рождения)

27 октября 1977 г. исполнилось 70 лет со дня рождения видного советского тюрколога — исследователя якутского языка, заслуженного деятеля науки Якутской АССР, и Тувинской АССР, члена Советского Комитета тюркологов и редакционной коллегии журнала «Советская тюркология», доктора филологических наук, профессора Елизаветы Ивановны Убратовой.

Е. И. Убратова родилась 27 октября 1907 года в Омске в семье служащего. В 1929 году успешно окончила филологический факультет Иркутского государственного университета и после трехлетней работы в школах Черемховского района Иркутской области была направлена в Таймырский национальный округ Красноярского края преподавателем школы-интерната для детей долган. Е. И. Убратова в короткий срок овладела долганским языком, и это обстоятельство определило выбор ею профессии.

В 1934 году Е. И. Убратова поступила в аспирантуру Института народов Севера в Ленинграде, избрав темой диссертационной работы исследование языка норильских долган.

Аспирантуру Е. И. Убратова проходила под руководством крупного советского тюрколога, члена-корреспондента Академии наук СССР С. Е. Малова.

После успешного завершения аспирантуры она была зачислена в штат сотрудников Института языка и мышления Академии наук СССР, а за диссертацию «Язык норильских долган» ей была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

С этого времени, вот уже около сорока лет, Е. И. Убратова исследует якутский и другие родственные ему языки. Ею написано более ста научных работ, получивших широкое признание научной общественности и выдвинувших ее в первые ряды советских тюркологов.

Русские ученые еще в дореволюционное время обратились к изучению якутского

языка. В 1851 году было опубликовано первое капитальное исследование якутского языка академика О. Н. Бётлингга «О языке якутов». Позднее публиковались работы о якутском языке академика В. В. Радлова и политического ссыльного С. В. Ястремского, стал издаваться «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского. Однако широкое и планомерное изучение якутского языка стало возможно только в советское время.

Среди исследователей якутского языка советского периода почетное место принадлежит Е. И. Убратовой.

Заслуги Е. И. Убратовой в развитии якутского языкознания трудно переоценить. Она является основателем якутской диалектологии и первым исследователем синтаксиса якутского языка. До нее только было положено начало сбору материала по говорам якутского языка, научное же его изучение возглавила Е. И. Убратова.

Уже в первой своей научной работе «Язык норильских долган» Е. И. Убрятова дала поразительно точное описание фонетических, грамматических и лексических особенностей языка норильских долган и показала, что в результате длительного функционирования в эквектоязычной среде он сложился в особый диалект якутского языка.

В течение целого ряда лет Е. И. Убрятова руководила диалектологическими экспедициями в Якутии и за ее пределами, являлась инициатором диалектологических изысканий, проводившихся Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

Проведенные под научным кураторством Е. И. Убрятовой исследования показали, что при своей, на первый взгляд, однородности якутский язык имеет множество диалектных ответвлений с присущими им значительными расхождениями как в области фонетики и грамматики, так и в области лексики.

В 1960 году Е. И. Убрятова опубликовала большую монографию «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР». В ней не только дано подробное описание диалектных особенностей якутского языка, но и в широком сравнительно-историческом плане рассмотрены вопросы происхождения якутского языка, прослежены пути образования его диалектов и говоров. В настоящее время Е. И. Убрятова возглавляет работы по составлению диалектологического атласа тюркских языков Сибири.

Особенно значителен вклад Е. И. Убрятовой в изучение синтаксиса якутского языка. При достаточной изученности якутского языка в дореволюционный период, до появления трудов Е. И. Убрятовой синтаксические разработки его отсутствовали. О якутском синтаксисе существовали лишь отдельные краткие заметки самого общего характера.

Е. И. Убрятовой опубликованы две большие монографии, посвященные синтаксису якутского языка: «Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение» (1950, М.—Л.), «Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение» (1976, Новосибирск).

В этом глубоком научном исследовании автору удалось проанализировать огромный фактический материал современного якутского языка, проникнуть в специфику якутского синтаксиса, раскрыть основные его закономерности и создать стройное учение о простом и сложном предложении в якутском языке. Автору удалось раскрыть специфические особенности якутского синтаксиса, сильно отличающие его от других тюркских языков.

За первую часть этого труда Е. И. Убрятовой была присуждена ученая степень доктора филологических наук, а труд в це-

лом получил признание языковедческой общности Якутии, став единственным вузовским пособием по якутскому синтаксису.

Е. И. Убрятовой опубликован и ряд других работ по синтаксису якутского языка («Согласование в якутском языке», «Словосочетание в якутском языке» и др.). В настоящее время Е. И. Убрятова подготавливает вторую часть (синтаксис) научной грамматики якутского языка.

В синтаксических трудах Е. И. Убрятовой попутно рассматриваются и многие неизученные вопросы морфологии якутского языка. Так, например, во второй части «Исследований по синтаксису якутского языка» по-новому представлена природа якутских причастных форм, дана генетикоморфологическая характеристика союзов и союзных сочетаний. По вопросам морфологии Е. И. Убрятовой написан целый ряд специальных исследований: «Аффикс обладания — *лаах* в якутском языке» (1946), «Парные слова в якутском языке» (1948), «О некоторых особенностях основы слова в якутском языке» (1948), «Служебное слово *киэнэ* в якутском языке» (1953), «Удвоение основы в якутском языке» (1960), «Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке» (1963) и др.

Е. И. Убрятовой написаны работы и по истории изучения якутского языка. В 1945 году ею была издана книга «Очерк истории изучения якутского языка», которая по сей день служит учебным пособием для студентов якутского отделения Якутского государственного университета. Ею же написаны также статьи о научной и общественной деятельности С. Е. Малова, Л. Н. Харитонова и других видных тюркологов.

Е. И. Убрятова в 1938 году принимала участие в большом культурно-политическом мероприятии — переводе якутской письменности с латинской на русскую графику и в разработке ныне действующей якутской орфографии.

Длительное время, заведая Сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, а затем отделом филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, Е. И. Убрятова оказывала и продолжает оказывать языковедам постоянную практическую помощь в проведении научных исследований и в подготовке научных кадров по якутскому и другим тюркским языкам.

В настоящее время в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР и Якутском госуниверситете работает большое число якутских лингвистов — докторов и кандидатов наук — воспитанников Елизаветы Ивановны, для которых она всегда была требовательным критиком, мудрым советчиком, доброжелательным наставником и справедливым судьей — оппонентом при защите диссертационных работ.

Такую же помощь оказывала и оказывает Е. И. Убрятова специалистам других тюркоязычных республик.

Многолетняя плодотворная научная и организаторская деятельность Е. И. Убрятовой получила высокую оценку со стороны Советского правительства. Указом Президиума Верховного Совета ЯАССР Е. И. Убрятовой в 1956 году было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Якутской АССР, Указом Президиума Верховного Совета ТАССР в 1977

году — почетное звание заслуженного деятеля науки Тувинской АССР, а Указами Президиума Верховного Совета СССР она награждена орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» и четырьмя медалями.

Коллеги и ученики Елизаветы Ивановны Убрятовой горячо желают ей доброго здоровья, долгих лет жизни, новых больших успехов в работе.

Е. И. Коркина, Н. Е. Петров

МАУЛЕН БАЛАКАЕВИЧ БАЛАКАЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

В октябре 1977 года исполнилось 70 лет со дня рождения и 45 лет научно-педагогической деятельности известного тюрколога-казаховед Маулена Балакаевича Балакаева, члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, заведующего отделом Института языкознания Академии наук Казахской ССР.

М. Б. Балакаев родился в 1907 году в ауле Чага Туркестанского района Чимкентской области в бедной крестьянской семье. Рано осиротев, он воспитывался в детском доме в ауле Бесарык, где и получил начальное образование.

Окончив в 1929 году Чимкентский педагогический техникум, М. Б. Балакаев работал инструктором, а затем заведующим отделом народного образования Чуйского района.

В 1931 году он поступает на филологический факультет Казахского педагогического института им. Абая, по окончании которого направляется в аспирантуру Ленинградского университета. Здесь он слушает лекции И. И. Мещанинова, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, Л. В. Щербы, А. К. Боровкова и других крупных языковедов. Многие дали ему и лекции по синтаксису русского языка профессора С. Г. Бархударова. Настойчиво изучает М. Б. Балакаев труды виднейших русских лингвистов — А. Потебни, А. Шахматова, А. Пешковского и других, оказавших большое влияние на формирование исследовательских интересов молодого ученого.

В 1937 году после окончания аспирантуры М. Б. Балакаев возвращается в Алма-Ату, где работает заведующим кафедрой Коммунистического института журналистики (1937—1941), а затем ректором Алма-Атинского института иностранных языков (1941—1942). В суровые годы Великой Отечественной войны ученый становится в ряды защитников Родины. Демобилизовавшись после тяжелого ранения под Сталинградом, М. Б. Балакаев возвращается к научной и педагогической деятельности. В 1943—1945 годах он референт Совета Министров Казахской ССР, с 1945 по 1959 год

заведует отделом Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. В 1959—1975 годах М. Б. Балакаев заведует кафедрой казахского языка Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, продолжая работать по совместительству в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР. С 1975 года М. Б. Балакаев возглавляет отдел культуры речи этого института.

В 1941 году М. Б. Балакаев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Служебные слова в казахском языке», а в 1950 году — докторскую диссертацию «Основные вопросы синтаксиса простого предложения в современном казахском языке». В 1958 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР.

Круг научных интересов ученого весьма широк; он охватывает проблемы грамматики, орфографии, терминологии, культуры речи, стилистики и истории казахского литературного языка.

Начав свою научную работу с исследования вопросов морфологии¹, М. Б. Балакаев в дальнейшем переходит к синтаксису казахского языка. Проблемам синтаксиса М. Б. Балакаев посвятил, помимо докторской диссертации, и ряд монографий². Основные концепции исследователя в области синтаксиса тюркских языков и казахского в частности, изложены также в написанных им разделах вузовских учебников³. В коллективной работе «Современный казахский язык», опубликованной в 1954 году на казахском языке, основные разделы по синтаксису написаны М. Б. Балакаевым. Эта книга в свое время получила высокую оценку не только в Советском Союзе, но и за рубежом [см., например, высказывание видного французского тюрколога Л. Базена в Бюллетене Парижского лингвистического общества за 1959 год, № 6 (171)].

Частным вопросам синтаксиса (члены предложения, типы простых предложений, явление изафета и др.) посвящены многочисленные статьи М. Б. Балакаева, опубликованные в журналах и сборниках, начиная с 40-х годов⁴.

Категория словосочетания занимает особое место в исследованиях М. Б. Балакаева. Именно им положено начало разработке проблемы словосочетаний в казахском языкознании и предложены собственные критерии оценки их природы⁵. На основе языковых фактов им установлен третий тип управления — управление имен. По мнению исследователя, имена вместе с глаголами-связками представляют единое целое и управляются другими словами. Этот особый тип управления назван им «комбинированным управлением». Его частные суждения в области теории словосочетаний и предложенная им классификационная система сочетаний слов представляют интерес для исследователей большинства языков тюркской группы.

Еще в 1961 году А. К. Боровков отметил, что «первые исследования по теории синтаксиса, типологии словосочетания (Е. И. Убрятова, М. Б. Балакаев) намечают широкий круг вопросов, очень интересных и перспективных» (А. К. Боровков. Изучение тюркских языков в СССР. — «Вопросы языкознания», 1961, № 5, стр. 15).

Под руководством М. Б. Балакаева в настоящее время успешно ведут исследования в данной области синтаксиса и другие языковеды. Он, несомненно, создал свою школу казахских синтаксистов.

М. Б. Балакаева всегда привлекала разработка проблем, связанных с историей и развитием казахского литературного языка⁶, исследованием языка и стиля произведений художественной литературы⁷. Результаты этих исследований нашли отраже-

ние в статьях и учебниках для вузов, написанных М. Б. Балакаевым совместно со своими учениками⁸.

О многогранности научных интересов М. Б. Балакаева говорит и его работа в области усовершенствования алфавита, упорядочения орфографии и терминологии казахского языка. Он систематически выступает на страницах периодической печати со статьями, посвященными этим вопросам. В 1948 году М. Б. Балакаевым был издан «Орфографический словарь казахского языка». Он является одним из редакторов и составителей «Большого орфографического словаря казахского языка» (Алма-Ата, 1962), второе издание которого в данное время готовит к печати коллектив специалистов под его руководством.

С именем М. Б. Балакаева связана разработка вопросов стилистики казахского языка и культуры речи⁹. В последние годы ученый все чаще обращается к этой важной и актуальной проблеме. Им опубликованы монографии «Қазақ тілі мәдениетінің мәселелері» (1965), «Қазақ тілі мәдениеті» (1971), а также около двадцати статей. В этих работах М. Б. Балакаев ставит и решает не только теоретические, но и практические вопросы, связанные с нормализацией литературного языка.

М. Б. Балакаев внес большой вклад в дело развития просвещения в республике. Он является одним из первых авторов школьных учебников по казахскому языку (для I—IV классов), издаваемых, начиная с 1938 г., и выдержавших двадцать и более изданий.

М. Б. Балакаев — активный участник всесоюзных и международных языковедческих форумов. В 1966 году ученый выступил на международном конгрессе в Болгарии с сообщением о языке тюркских народностей, проживающих на Балканах.

Неутомимый исследователь Маулен Балакаевич является прекрасным педагогом. За двадцать пять лет преподавательской работы М. Б. Балакаев воспитал и вырастил несколько поколений лингвистов-казаховедов. Под его руководством защищено тридцать восемь кандидатских диссертаций.

Многолетняя научно-педагогическая деятельность М. Б. Балакаева высоко оценена правительством: он награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть», а также Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Казахской ССР, ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Казахстана.

Все мы, его многочисленные коллеги и ученики, от всей души желаем ему новых успехов в его многогранной и плодотворной научной деятельности.

Р. Г. Сыздыкова

¹ М. Балакаев. Қазақ тілі грамматикасы туралы. — Газ. «Социалистік Қазақстан». Алматы, 1937, 15 мая, № 109; *его же*. Көптік жалғау. — Журн. «Халық мұғалімі», 1940, № 5; *его же*. Қазақ тілі грамматикасы

сының кейбір мәселелері. Алматы, 1941; *его же*. Сабақты етістік, салт етістік. — Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1941, № 3—4 и др.

² М. Б. Балакаев. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957; *его же*. Современный казахский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения. Алма-Ата, 1959.

³ «Қазіргі қазақ тілі. Лексика, фонетика, грамматика». Авторлар коллективі: М. Балакаев, Н. Сауранбаев, І. Кенесбаев, А. Ысқақов, Ф. Мұсабаев. Алматы, 1954; М. Балакаев, Т. Қордабаев. Қазіргі қазақ тілі грамматикасы. Синтаксис. Университеттер мен педагогикалық институттардың филология факультеттеріне арналған оқулық. Алматы, 1961, второе издание — 1966.

⁴ М. Балакаев. Сөйлемнің тұрлаулы мүшелері. — Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1939, № 23—24; 1940, №№ 3, 9, 10; *его же*. Бастауыштардың жақтық мағынасы. — Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1946, № 11—12; *его же*. Қазақ тіліндегі жақсыз сөйлемдер туралы. Там же. 1947, № 8; *его же*. Қазақ тіліндегі тура толықтауыштың жалғаулы, жалғаусыз жұмсалыуы. — «Қазақ ССР ҒА Хабаршысы». Алматы, 1948, № 12; *его же*. Қазақ тіліндегі тура толықтауыш. Там же, 1948, № 10; *его же*. Сөйлемнің толықтауыш және пысықтауыш мүшелерін айыру туралы. Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1952, № 10; *его же*. О комбинированном управлении прямого дополнения в казахском языке. — «Тюркологический сборник». М.—Л., 1961; *его же*. К вопросу определенности и неопределенности. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1976, № 2; *его же*. Сөйлем мүшелерінің сөйлемдегі орны. — «Қазақ ССР ҒА Хабарлары. Филология сериясы», 1946, № 4; *его же*. Тұрлаулы мүшелердің байланысы. — «Қазақ ССР ҒА Хабарлары. Лингвистика сериясы», 1950, № 82.

⁵ М. Балакаев. Қазақ тіліндегі изафеттік құрылыс. — Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1946, № 1—2; *его же*. Изафеттік құрылыстығы анықтауыштар. Там же, 1948, № 1, 1949, № 1; *его же*. Қазақ тіліндегі сөз тіркестерінің кейбір мәселелері. — «Қазақ ССР ҒА Хабаршысы», 1952, № 6; *его же*. Типы именных сочетаний в казахском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 2; *его же*. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957; *его же*. Глагольные словосочетания с послеложны-

ми именами. — «Ученые записки Казахского государственного университета (язык и литература), 1957, т. XXV; *его же*. Синтаксис словосочетаний и простого предложения. — В кн.: «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1959; *его же*. Функционально-стилистическая дифференциация именных типов словосочетаний в казахском языке. — «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР». Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1976.

⁶ М. Балакаев. Қазақтың әдебиет тілінің өсу жолы. — Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1941, № 1—2; *его же*. Развитие казахского литературного языка. — «Тезисы» докладов на научной конференции филологического факультета Казахского ГУ, посвященной 40-летию Октября». Алма-Ата, 1957; *его же*. Әдеби тілдің дамуы туралы бірер сөз. — Журн. «Қазақ тілі мен әдебиеті». Алматы, 1958, № 1; М. Балакаев, Ә. Құрышжанов. Қазақ тілі тарихын зерттеудің жайы мен міндеттері. — «Қазақ ССР ҒА Хабаршысы», 1960, № 10; М. Балакаев, Е. Жанпейісов. Әдеби тіліміздің қалыптасуы тарихынан бірер сөз. — Журн. «Қазақстан мектебі», Алматы, 1964, № 2.

⁷ М. Балакаев. О языке Джамбула. — «Вестник АН Казахской ССР», 1947, № 6; *его же*. Жамбыл өлеңдерінің тілі туралы. — Журн. «Халық мұғалімі». Алматы, 1948, № 9; *его же*. Көркем әдебиеттің тілі жайында. — Газ. «Социалистік Қазақстан». Алматы, 1953, 20 ноября.

⁸ М. Балакаев, Е. Жанпейісов, М. Тома-нов. Қазақ әдеби тілінің мәселелері. Университеттер мен пединституттардың филология факультеттерінің студенттері үшін көмекші құрал. Алматы, 1961; М. Балакаев, Р. Сыздықова, Е. Жанпейісов. Қазақ әдеби тіл тарихының программасы. Университеттер мен пединституттардың филология факультетінің студенттері үшін. Алматы, 1964, 1968, 1976; М. Балакаев, Р. Сыздықова, Е. Жанпейісов. Қазақ әдеби тілінің тарихы. Алматы, 1968.

⁹ М. Балакаев. Сөз және шеберлік. — Журн. «Жұлдыз», 1961, № 10; М. Балакаев, Е. Жанпейісов, М. Тома-нов, Б. Манасбаев. Қазақ тілінің стилистикасы. Алматы, 1966 и др.

СЕЛИМ АБДУЛЛАТИФ ОГЛЫ ДЖАФАРОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения видного азербайджанского языковеда, лауреата Государственной премии Азербайджанской ССР, доктора филологических наук, профессора Селима Абдуллатиф оглы Джафарова.

С. А. Джафаров родился в 1907 году в деревне Цахур Гутульского района Дагестанской АССР. В 1926 году С. А. Джафаров закончил Шекинскую семинарию, а в 1936 году — факультет языка и литературы Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина.

Первые научные работы С. А. Джафарова в области лингвистики связаны с участием в экспедиции по изучению цахурского языка. Совместно с профессором А. Н. Генко молодой ученый разработал алфавит цахурского языка на основе латин-

ской графики. За 1934—1937 годы С. А. Джафаровым было подготовлено девять учебников цахурского языка для первых трех классов средней школы.

Научные интересы С. А. Джафарова весьма широки. Он занимался семасиологией, лексикой, фразеологией, словообразованием, морфологией и этимологией азербайджанского языка. Его работы отличаются глубиной научного подхода к предмету исследования и высокой требовательностью к себе как ученому.

Уделяя большое внимание многим отраслям азербайджанского языкознания, С. А. Джафаров посвящает ряд работ изучению словарного состава современного азербайджанского языка, его лексической стилистике и фразеологии. Особенно значительны заслуги С. А. Джафарова в области разработки проблем научной лексикологии.

Им впервые дана классификация устойчивых словосочетаний. Итогом многолетних исследований С. А. Джафарова явилась его книга «Современный азербайджанский язык. (Лексика)», удостоенная Государственной премии Азербайджанской ССР.

Работа С. А. Джафарова «Теоретические основы изучения существительного» — не обычное методическое пособие, оно представляет собой написанное на высоком научном уровне исследование таких явлений языка, как субстантивация, адвербиализация, атрибутивизация, склонение существительных.

В 1946 году С. А. Джафаровым была успешно защищена кандидатская диссертация «Имена и образующие их аффиксы», а в 1959 году — докторская диссертация «Лексика азербайджанского языка».

С. А. Джафарову принадлежит около ста научных работ, в том числе пять монографий, двадцать пять учебников и методических пособий. В различных сборниках и журналах им опубликовано около шестидесяти статей.

Под руководством С. А. Джафарова подготовлены три докторские и более двадцати

кандидатских диссертаций. В числе защитивших эти диссертации имеются и представители братских республик, специализировавшиеся в области азербайджанского, кумыкского, карачаево-балкарского, цахурского и лезгинского языков.

С. А. Джафаров достойно представлял азербайджанское языкознание на различных всесоюзных и международных лингвистических форумах. Большой интерес вызвали тезисы его докладов на Международном конгрессе ориенталистов в Париже (1972) и Международном тюркологическом конгрессе в Стамбуле (1973).

С. А. Джафаров полон творческих сил и энергии. Только в течение 1976—1977 годов он выступил в печати с двенадцатью научно-теоретическими статьями.

С. А. Джафаров продолжительное время был председателем Методического совета по азербайджанскому языку при Министерстве просвещения Азербайджанской ССР. Он принимает активное участие в создании учебников азербайджанского языка для начальных и средних школ и высших учебных заведений. Его учебник для 5—6-х классов средней школы «Грамматика азербайджанского языка. (Фонетика и морфология)» в 1957 году был удостоен премии и систематически переиздавался вплоть до 1970 года.

Планы С. А. Джафарова обширны и разнообразны. Его коллеги, друзья и ученики желают ему крепкого здоровья и дальнейших больших творческих успехов в его научной и педагогической работе.

З. И. Будагова

Х Р О Н И К А

«ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ»

1 апреля 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Публицистический стиль азербайджанских революционных демократов»,

представленной заведующим отделом культуры речи Института языкознания им. Насими **Мамедовым Мусейбом Байрам оглы**.

Работа М. Б. Мамедова — первое в азербайджанском языкознании специальное исследование стилистических функций ряда лексических и грамматических языковых средств в публицистике.

На материале произведений выдающихся представителей революционно-демократической публицистики Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде М. Б. Мамедов устанавливает специфику отбора ими лексических, фразеологических и синтаксических единиц языка, несущих в тексте необходимую и конкретную эмоциональную нагрузку.

Публицистическим произведениям Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде присущи высокая идейность и сатирическая острота,

новизна привлекаемых языковых средств и мастерское использование приема аллегории. Широкое использование авторами общественно-политической терминологии способствовало демократизации языка их произведений, создавало благоприятную почву для успешного распространения марксистско-ленинских идей.

Творчество азербайджанских революционных демократов, обогащало азербайджанский литературный язык, сближая его с народно-разговорным, чему способствовало широкое введение ими в публицистические статьи и выступления народных оборотов речи, крылатых слов, афоризмов, разговорной лексики.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук Н. З. Гаджиева, д-р филол. наук, проф. З. И. Будагова, д-р филол. наук, проф. Т. И. Гаджиев, а также выступившие на заседании члены Совета доктора филологических наук В. И. Асланов, Р. Дж. Магеррамова, М. Ш. Касумов отметили, что диссертация М. Б. Мамедова, посвященная важной проблеме стилистики, является ценным вкладом в изучение функциональных стилей азербайджанского литературного языка, а также публицистического стиля староперсидских тюркских языков в целом.

Совет единодушно решил ходатайствовать перед ВАК о присуждении М. Б. Мамедову ученой степени доктора филологических наук.

А. К. Алекперов

«ТИПОЛОГИЯ ВОСТОЧНОГО РОМАНИЧЕСКОГО ЭПОСА И ФОРМИРОВАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО РОМАНА»

4-го апреля 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Типология восточного романического эпоса и формирование азербайджанского романа», представленной доцентом Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова Гулиевым Гасанага Мамедага оглы.

В диссертации Г. М. Гулиева подробно освещается история формирования и эволюции азербайджанского романа.

Рассматривая отдельные образцы эпических произведений периода расцвета азербайджанской классической литературы (XII век), диссертант устанавливает ряд типологических моментов в формировании и развитии азербайджанского романа, соответствующих общим закономерностям, свойственным эволюции этого жанра в мировой литературе.

Диссертант приходит к заключению, что жанр романа в азербайджанской литерату-

ре имеет многовековую историю и восходит к творчеству Низами Гянджеви, создавшего его первые образы.

Каждый раздел диссертации посвящен отдельному аспекту формирования и развития азербайджанского романа. Автором прослеживается история и эволюция этого жанра, возникновение его разновидности как специфической формы «устного» романического эпоса. Диссертант останавливается также на литературных формах и элементах, предшествующих появлению романа в азербайджанской литературе.

В диссертации показано, как развитие этого жанра привело в XIX веке к утверждению в нем метода критического реализма.

В работе нашли освещение и многие другие вопросы, связанные с формированием и становлением жанра романа в азербайджанской литературе и всех его разновидностей в истории азербайджанской литературы.

Официальные оппоненты — член-корреспондент Академии наук Таджикской ССР И. С. Брагинский, д-р филол. наук, проф. Г. К. Халилов, д-р филол. наук, проф. Г. Р. Мамедзаде, д-р филол. наук Г. Ф. Бегдели дали высокую оценку работе соискателя.

Совет единогласно принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Г. М. Гулиеву ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

«АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

15 апреля 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Азербайджанская советская поэзия на русском языке», представленной стар-

шим научным сотрудником Института литературы им. Низами, кандидатом филологи-

ческих наук Велихановой Фаридой Ага-Али кызы.

Диссертация «Азербайджанская советская поэзия на русском языке» — первое в республике монографическое исследование в области теории и практики художественного перевода как составной части общей проблемы взаимосвязей и взаимообогащения литератур.

В диссертации впервые с позиций современной теории перевода характеризуются переведенные на русский язык образцы азербайджанской поэзии. Ф. Велихановой рассматриваются основные вопросы передачи на русском языке различных форм метрики восточного стихосложения, в частности, азербайджанского *аруза* и *хеджа*, сохранения в переводе своеобразия азербайджан-

ского свободного стиха, национальной самобытности современной поэзии, а также вопросы эволюции азербайджанского стиха и ее отражения в творчестве азербайджанских поэтов и соответственно в работе переводчиков.

На конкретном материале диссертантом анализируются особенности вольного, точного, адекватного и буквального переводов, рассматривается вопрос о языковом барьере и структурном своеобразии азербайджанского языка и стихосложения, особо подчеркивается значение эстетического кредо переводчика и эстетической совместимости поэта, переводчика и редактора.

Впервые в научных работах подобного характера психологическая совместимость рассматривается как один из основных принципов создания полноценного художественного перевода.

Ф. Велиханова использовала в своей работе материалы центральных, республиканских архивов и личных архивов ряда поэтов, а

также сведения и факты, почерпнутые в беседах с поэтами и их переводчиками.

Официальные оппоненты д-р филол. наук, проф. Л. М. Мкртчян, д-р филол. наук, проф. Б. А. Набиев, д-р филол. наук, проф. М. З. Садыхов, а также выступившие в прениях д-ра филол. наук и профессора А. Замапов, П. Халилов, Г. Бабаев, Г. Халилов, канд. филол. наук К. Касумзаде, писатель и переводчик Дж. Мамедов и другие дали высокую оценку диссертации Ф. Велихановой, отметив, что ее работа способствует разрешению принципиальных и актуальных вопросов перевода азербайджанской поэзии на русский язык и представляет значительный интерес для теории и практики художественного перевода.

Члены Совета приняли единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Ф. Велихановой ученой степени доктора филологических наук.

К. Х. Касумзаде

«СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ»

10 июня 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке», представленной старшим научным сотрудником Института язы-

ка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР Ганиевым Фуатом Ашрафовичем на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Ф. А. Ганиев — автор ряда монографий по современному татарскому языку. Диссертация является итогом его многолетних исследований в области татарского словообразования. В ней исследуется, с применением структурно-функционального метода, система суффиксального словообразования современного татарского литературного языка.

Словообразование в татарском языкознании изучается как отдельная лингвистическая дисциплина, с собственной проблематикой. Исследование ведется по словообра-

зовательным типам и моделям. Ф. А. Ганиевым установлено и изучено много новых суффиксальных компонентов, до сих пор не упоминавшихся в татарском языкознании. У большинства суффиксов выявлены ранее нигде не отмечавшиеся значения, определены система и критерии различения омонимичных суффиксов.

Из общего перечня словообразующих суффиксов татарского языка диссертант исключает значительное количество заимствованных суффиксов, однако традиционно рассматриваемых в тюркологии как тюркские, хотя они встречаются лишь в составе заимствованных слов, у которых словообразовательные отношения между основой и суффиксом возникли не в татарском языке, а в языке-источнике.

Ф. А. Ганиевым предложены интересные и оригинальные этимологии ряда суффиксов. По каждой части речи приводится список невычленимых суффиксов с соответствующими примерами.

По отзывам официальных оппонентов — д-ра филол. наук, проф. М. А. Хабичева, д-ра филол. наук, проф. В. Х. Хакова, д-ра филол. наук Н. О. Оралбаевой, внешнего оппонента (Института языкознания АН СССР) — и выступивших на защите члена-корреспондента АН Киргизской ССР Б. О. Орузбаевой, членов-корреспондентов АН Казахской ССР А. Т. Кайдарова, М. Б. Балакаева, А. И. Искакова, Б. С. Су-

лейменова и д-ра филол. наук, проф. Г. С. Амирова, диссертация Ф. А. Ганиева является первым капитальным трудом по словообразованию в татарском языке. Глубокое раскрытие словообразовательных процессов татарского языка и связанные с этим научные выводы автора представляют большой интерес для тюркологии в целом. Материал диссертации важен также и для сравнительного и сравнительно-исторического изучения тюркских языков, а также для сопоставительного изучения языков иносистемных.

Исследование Ф. А. Ганиева, несомненно, привлечет внимание тюркологов-лингвистов, занимающихся проблемами словообразования.

Совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Ф. А. Ганиеву ученой степени доктора филологических наук.

В. А. Исенгалиева

«ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА УЗБЕКСКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА»

14 июня 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации «Особенности синтаксиса узбекского устного народного творчества» доцентом кафедры узбекского языка и литературы Ташкентского государственного института культуры, кандидатом филологических наук **Абдурахмановым Халимом**.

Диссертационная работа посвящена одному из малоизученных вопросов как узбекского языкознания, так и тюркологии в целом.

Во вводной части диссертации говорится об устной речи и устном койне, о месте письменного и устного койне в формировании единого узбекского литературного языка, кратко характеризуются отличительные особенности пословиц, поговорок, загадок, афоризмов, фразеологических выражений и т. п.

В работе нашли освещение следующие вопросы: предложение и его особенности в устном народном творчестве; типы суждений, выражаемых пословицами, поговорками и загадками; особенности выражения главных и второстепенных членов предложения; двуфункциональность членов предложения; предикативное словосочетание и члены предложения; особенности выраже-

ния относительного определения; способность дополнения выражать как объект, так и признак; неоформленное выражение косвенного дополнения; повторные компоненты (свободные и зависимые), их типы и синтаксические явления, связанные с повторами; специфика неоформленных членов предложения; синтагматизация предложений различных структур и порядок членов предложения, свойственный синтаксису языка изучаемых жанров; особенности сказуемых односоставных предложений с обобщенным значением и его типы, присущие только устному народному творчеству; номинативные предложения, грамматические особенности которых тождественны структурно-грамматической основе подлежащего и сказуемого и их строение; эллиптические (стабильные и нестабильные) конструкции и их типы; структура сказуемых единиц и присоединительных конструкций и др.

Официальные оппоненты — академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук, проф. А. Г. Гулямов, д-р филол. наук А. Н. Баскаков и выступившие в качестве неофициальных оппонентов доктора филологических наук А. Рустамов, М. Юнусов и канд. филол. наук Л. Л. Ким дали положительную оценку диссертации Х. Абдурахманова, отметив специфичность синтаксических конструкций малого жанра устного народного творчества не только узбеков, но и других тюркоязычных народов, а также то, что диссертант впервые научно-теоретически раскрыл синтаксическую структуру данного жанра.

Члены Совета приняли единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Х. Абдурахманову ученой степени доктора филологических наук.

Л. В. Данилова

«АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИРИКА XVIII ВЕКА»

26 сентября 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации «Азербайджанская лирика XVIII века (Идейно-тематическая основа. Художественная структура)», представленной первым заместителем главного редактора Азербайджанской Советской Энциклопедии (АСЭ), кандидатом филологических наук **Дадаш-заде Арасом Мамед Ариф оглы**.

В диссертации впервые всесторонне исследованы закономерности развития азербайджанской лирической поэзии XVIII века и показано место этой поэзии в истории национальной литературы.

Диссертантом раскрыты своеобразие, преемственность и новаторские тенденции лирики XVIII века, развившейся на традициях средневековой азербайджанской поэзии и устного народного поэтического творчества.

В работе А. М. Дадаш-заде впервые в азербайджанском литературоведении комплексно изучены идейно-тематическое содержание и художественная структура лирики определенного этапа в истории литературы.

Диссертанту удалось показать, что лирика XVIII века, благодаря своей гуманисти-

ческой идейно-философской и жизнеутверждающей основе, демократизации художественных и языковых средств, создала в определенной степени благоприятную почву для развития в дальнейшем литературы, опирающейся на подлинно реалистические принципы. Таким образом, лирика XVIII века знаменует собой важную веху в истории азербайджанской литературы, как бы завершая средневековой этап ее развития и открывая перспективы для качественно нового подъема.

Проведенное диссертантом исследование идейно-тематических основ поэтики и художественного метода азербайджанской лирики XVIII века представляет интерес и для других восточных литератур, особенно тюркоязычных.

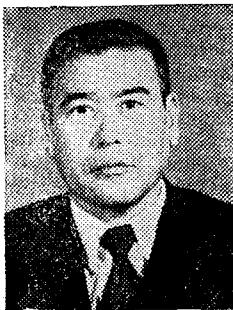
В диссертации А. М. Дадаш-заде впервые вводится в научный обиход значительное число неопубликованных рукописных образцов и вариантов лирики XVIII века.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. А. Ф. Заманов, д-р филол. наук А. С. Джафар, д-р филол. наук М. А. Сейидов, а также выступившие на защите академики АН Азербайджанской ССР М. Дж. Джафаров и Ф. Г. Кочарли, д-р филол. наук, проф. М. Ю. Гулизаде, д-р филол. наук, проф. П. И. Халилов, д-р филол. наук А. Дж. Рустамова, канд. филол. наук К. Х. Касумзаде дали высокую оценку исследованию А. М. Дадаш-заде.

Совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении А. М. Дадаш-заде ученой степени доктора филологических наук.

Э. Рагимова

«ВОСТОЧНОКЫПЧАКСКИЕ (ДЖЕКАЮЩИЕ) ГОВОРЫ И ИХ УЧАСТИЕ В РАЗВИТИИ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

14 октября 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальностям русский язык и языки народов СССР (узбекский язык) при Ташкентском государственном университете имени В. И. Ленина состоялась защита диссертации «Восточнокыпчакские (джекающие) говоры и их участие

в развитии узбекского литературного языка (на материалах кыпчакских диалектов Самаркандской, Джизакской и Сырдарьинской областей)», представленной ректором и заведующим кафедрой узбекского языкознания Сырдарьинского государственного педагогического института им. Г. Гуляма, кандидатом филологических наук **Данияровым Худайберди**.

Диссертация Х. Даниярова включает: предисловие; введение; четыре главы, посвященных соответственно фонетике, морфологии, лексике и стилистике, выводы и библиографию.

В предисловии излагаются цель и задачи работы, методика исследования, краткая

история изучения отдельных вопросов, затронутых в диссертации.

Автор подробно характеризует кыпчакские диалекты, сопоставляя их с узбекским литературным языком. Он останавливается на фактах, свидетельствующих о влиянии на формирование литературного языка как кыпчакских, так и других узбекских диалектов. В первой главе своей работы диссертант сопоставляет фонетические особенности кыпчакских диалектов и узбекского литературного языка, выявляет характерные черты вокализма и консонантизма восточнокыпчакских говоров, устанавливая до семи типов вокализма.

Говоря о лексических особенностях восточнокыпчакских говоров, диссертант прослеживает изменение лексики диалектов и говоров в советское время, специально останавливаясь на омонимах, синонимах, антонимах, историзмах, архаизмах, заимствованных словах.

Анализируя морфологические особенности восточнокыпчакских говоров, диссертант отдельно разбирает собственные имена, категории множественности и принадлежности, склонение аффиксов сказуемости, частей речи и т. д., выделяя элементы, привнесенные кыпчакскими диалектами в литературный язык.

Специально останавливается диссертант на роли кыпчакских диалектов и народного

эпоса в развитии стилистической системы узбекского литературного языка. Язык эпоса впервые рассматривается Х. Данияровым как наддиалектная форма устного литературного языка. Следует отметить, что кыпчакские говоры Самаркандской, Джизакской и Сырдарьинской областей исследуются диссертантом тоже впервые.

Диссертация Х. Даниярова, несомненно, восполняет существовавший до сих пор пробел в изучении кыпчакских диалектов узбекского языка.

Официальные оппоненты — академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, академик АН Узбекской ССР Ш. Шаабдурахманов, член-корреспондент АН Казахской ССР Г. С. Садуакасов, а также выступившие д-р филол. наук, проф. Ш. Сарыбаев, народный поэт Узбекистана Миртемир, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР А. А. Азизов, д-р филол. наук, проф. А. Ю. Алиев, д-р географ. наук, проф. Х. Х. Хасанов, д-р филол. наук, проф. А. Г. Гулямов дали высокую оценку диссертации.

Члены Специализированного совета единогласно решили ходатайствовать перед ВАК о присуждении Х. Даниярову ученой степени доктора филологических наук.

Х. Шарипов, К. Самадов

«СТИЛИСТИКА ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ»

17 октября 1977 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации «Стилистика глагола в современном узбекском литературном

языке», представленной старшим научным сотрудником, кандидатом филологических наук **Садыковой Максудой Садыковной**.

До последнего времени в узбекском языкознании изучению стилистики узбекского языка не уделялось должного внимания. Лишь в последние годы отдельные пробле-

мы стилистики, в частности стилистика языка художественных произведений, стали предметом исследования языковедов. Появились работы А. Шомаксудова, Г. А. Абдурахманова, А. Даниярова, Р. Мирзаевой, А. Каримова и др.

Диссертация М. С. Садыковой посвящена одному из малоизученных разделов стилистики — стилистике глагола. Она включает: введение, две основные главы — «Лексико-семантическая структура и стилистические особенности глаголов» и «Грамматико-семантические особенности глагольных форм» — заключение и библиографию.

В экспериментальной части работы М. С. Садыковой рассматриваются фонетические, лексические и грамматические (морфологическо-синтаксические) средства стилистической реализации глагола в современном узбекском литературном языке. Диссертантом выделяются основные лексико-семантические группы глаголов, раскрываются стилистические, экспрессивные, модальные особенности гла-

гольных форм и устанавливаются закономерности в этой области, даются оригинальные классификации.

Официальные оппоненты — академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, д-ра филол. наук, профессора В. А. Исенгалиева и А. Рустамов, а также выступившие в качестве неофициальных оппонентов член-корреспондент АН Казахской ССР Х. С. Садвакасов, д-ра филол. наук, профессора А. А. Абдуазизов, Ф. А. Абдуллаев и А. Ю.

Алиев дали положительную оценку диссертации М. С. Садыковой, отметив ее актуальность, теоретическую и практическую значимость.

Члены Специализированного ученого совета приняли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении М. С. Садыковой ученой степени доктора филологических наук.

Л. В. Данилова

НЕКРОЛОГИ

МАМЕДНАЗАР ХЫДЫРОВ

Туркменская филология понесла тяжелую утрату: на 73-м году жизни скончался один из видных представителей туркменского языкознания, заслуженный деятель науки и техники Туркменской ССР, член-корреспондент Академии наук республики, заведующий кафедрой туркменского языка Туркменского государственного университета им. А. М. Горького, профессор Мамед Назарович (Мамедназар) Хыдыров.

Мамед Назарович Хыдыров родился в 1905 году в селе Бешир Ходжамбазского района Чарджоуской области в семье крестьянина.

Свою трудовую деятельность он начал в 1924 году по окончании педагогических курсов в городе Чарджоу. В 1928 году

М. Н. Хыдыров был председателем сельского Совета в Бешире.

Окончив в 1931 году советско-партийную школу, он стал работать сельским учителем. С 1935 года М. Н. Хыдыров — студент Ашхабадского государственного педагогического института им. А. М. Горького, по окончании которого он был оставлен в институте в качестве преподавателя туркменского языка.

Мамед Назарович до конца своей жизни работал в системе высшего образования республики сначала в должности преподавателя, затем доцента, а в последние годы профессора и заведующего кафедрой. 40 лет своей жизни он отдал воспитанию и подготовке высококвалифицированных молодых специалистов. Под его научным руководством более тридцати ученых защитили кандидатские и докторские диссертации.

Многие сотрудники высшей школы, Академии наук республики, преподаватели родного языка и литературы средних школ, работники газет и журналов, радио и телевидения — воспитанники Мамеда Назаровича Хыдырова.

М. Н. Хыдыров — автор многих работ по истории туркменского языка и туркменской литературы. Его монографии по истории и фонетике туркменского языка стали настольными книгами студентов филологических факультетов вузов республики.

Много труда вложил М. Н. Хыдыров в создание учебников для высших учебных заведений и средней школы. Критические выступления Мамеда Назаровича в печати по отдельным вопросам туркменской советской литературы всегда отличались высокой требовательностью, заботливым отношением к творчеству молодых писателей и поэтов. Ряд его статей опубликован и за рубежом.

В последние годы жизни М. Н. Хыдыров занимался активной литературной деятельностью. Широкою известностью у читателей получил его роман «Крутые дороги», переведенный на русский язык.

Своей исключительной энергией, огромной работоспособностью Мамед Назарович удивлял не только сверстников, но и молодых деятелей науки и литературы. Уже будучи тяжелобольным, он продолжал трудиться над переводом «Ковус-наме» на туркменский язык. В творческом труде он черпал силы и вдохновение, видел в нем смысл своей жизни. Мамед Назарович был мудрым наставником молодежи, его любили за доброту, доброжелательность, трудолюбие. М. Н. Хыдыров активно участвовал в общественной жизни республики. Он был председателем научно-методического Совета по туркменскому языку и литературе Министерства народного образования Туркменской ССР, членом орфографической комиссии Академии наук Туркменской ССР, членом ряда ученых советов научных

учреждений республиканской Академии наук и университета.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили научные, педагогические и литературные заслуги профессора Мамеда Назаровича Хыдырова, наградив его орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», многими медалями СССР, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Туркменской ССР, значками «Отличник высшей школы СССР», «Отличник просвещения ТССР».

Добрая память о члене-корреспонденте Академии наук Туркменской ССР, профессоре М. Н. Хыдырове, видном ученом и педагоге — навсегда сохранится в сердцах его коллег и многочисленных учеников.

Х. Мухиев

ВИКТОР ИОСИФОВИЧ ФИЛОНЕНКО

30 сентября 1977 года в Пятигорске на 94-м году жизни скончался старейший русский тюрколог и русист профессор Виктор Иосифович Филоненко.

В. И. Филоненко принадлежал к филологам с широким охватом изучаемой проблематики. Его труды посвящены вопросам общего, русского, иранского и тюркского языкознания, русской литературе, истории и этнографии, ономастике и фольклору тюркоязычных народов: башкир, татар, караимов, крымчаков, крымских татар, карачаево-балкарцев, каракалпаков, тюркоязычных цыган и других народов Советского Союза. Среди ранних его работ имеется ряд исследований по этнографии и культуре финно-угров: удмуртов и марийцев.

В. И. Филоненко родился в Туле 1 декабря (19 ноября) 1884 года в семье рабочего Тульского сахарного завода. Отец его был переселенцем из Черкасского уезда Киевской губернии. После завершения среднего образования в Тульской классической гимназии и окончания двух факультетов Петербургского университета (восточного и историко-филологического), где преподавали крупнейшие профессора того времени — А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де-Куртэнэ, В. Д. Смирнов, В. В. Бартольд, П. М. Мелиоранский и другие, получив таким образом, широкое филологическое образование, В. И. Филоненко в 1908 году едет в Уфу. Здесь он работает учителем словесности в женской гимназии и занимается одновременно изучением этнографии, фольклора и языков башкир, чувашей, удмуртов, марийцев и других народностей Урала и Поволжья.

Однако основная научная деятельность ученого развернулась в Крыму, куда он едет в связи с назначением его в 1915 году инспектором Симферопольской татарской учительской школы, преобразованной после Октябрьской революции в Крымский педагогический институт и Симферопольский университет. В 1921 году В. И. Филоненко избирается по конкурсу профессором кафедры персидского языка и литературы Симферопольского государственного университета, а с 1928 года — профессором кафедры русско-

го языка и литературы Крымского педагогического института, где он организует один из востоковедных центров Крыма — Кабинет востоковедения, располагающий ценной коллекцией старых рукописей, фирманов, ярлыков и прочих документов на турецком и крымско-татарском языках.

Наряду с педагогической деятельностью В. И. Филоненко принимает активное участие в научной работе Таврического общества истории, археологии и этнографии, будучи заместителем его председателя. При этом он является также научным сотрудником Крымского научно-исследовательского института.

Проработав в Крыму двадцать лет, В. И. Филоненко собрал обширный филологический материал и опубликовал ряд исследований в области этнографии, фольклора и языка крымских татар, крымчаков, каранмов, а также работы, посвященные русской литературе.

В 1935 году В. И. Филоненко избирается действительным членом Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института и переезжает в столицу Каракалпакской АССР — в город Турткуль, где руководит Сектором национальных школ, участвуя также в специальных экспедициях по ознакомлению с состоянием каракалпакских национальных школ.

В 1937 году В. И. Филоненко приглашается заведовать кафедрой русской литературы в Кабардино-Балкарском педагогическом институте. Переехав в связи с этим в Нальчик, он наряду с преподаванием русской литературы занимается также изучением карачаево-балкарского языка и его диалектов. С 1945 года В. И. Филоненко — профессор русского языка и литературы Пятигорского педагогического института иностранных языков. В этом институте он проработал до конца своей жизни, продолжая изучение тюркских языков Кавказа.

В. И. Филоненко написано около ста научных, публицистических и информационно-популярных работ; девяносто из них опубликовано. Его работы, раскрывающие широкий круг его научных интересов и редкую эрудицию, относятся в основном к двум областям филологии — русистике и ориенталистике.

Если в исследованиях В. И. Филоненко по русистике преобладающей была литературоведческая проблематика, то в области ориенталистики его привлекали главным образом вопросы языкознания, преимущественно тюркского и в меньшей степени иранского, а также вопросы тюркского фольклора, этнографии и ономастики.

Значительное место в научно-педагогической деятельности В. И. Филоненко занимали литературоведческие исследования и преподавание русской литературы. Среди его трудов широко представлены статьи и монографии, а также юбилейные публикации о творчестве крупнейших русских писателей, публицистов и поэтов: Ломоносова, Фонвизина, Чаадаева, Пушкина, Грибоедова, Дель-

вига, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Толстого, Аксакова, Некрасова, Панаева, Никитина, Салтыкова-Щедрина, Надсона, Чехова, Горького, Маяковского, а также писателей и поэтов других народов Советского Союза: Шевченко, Марко Вовчок, Низами, Шота Руставели, Сулеймана Стальского и др.

Меньше представлены его исследования по русскому языку, среди которых могут быть отмечены: «Учебник грамматики русского языка для карачаево-балкарской и ногойской школы», ч. I. Морфология (Пятигорск, 1938) и статьи: «К вопросу изучения языка и стиля писателя» (Пятигорск, 1966); «Русский язык как предмет преподавания в тюркской школе». Тезисы (Ростов-на-Дону, 1961) и некоторые др.

Часть трудов В. И. Филоненко раннего периода его научно-исследовательской деятельности посвящена этнографии финно-угорских народностей. Несомненный интерес представляют его статьи: «Языческие верования марийцев Уфимской губернии» («Вестник Оренбургского учебного округа», № 1, Уфа, 1912), «Погребальные и свадебные обряды марийцев Уфимской губернии» (там же, № 2), «Праздник „кюсе“ у восточных марийцев» (там же, № 7—8), «У марийцев и удмуртов Уфимской губернии» (Уфа, 1914).

При всем многообразии и широте научных интересов В. И. Филоненко преобладающими среди его исследований были востоковедческие труды и, в первую очередь, в области тюркологии в самом широком ее значении. Начав с этнографических штудий в Уфе — «Башкиры. Историко-этнографические очерки» (Уфа, 1914, 75 стр.), — а затем в Крыму: «Детские игры крымских татар» («Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 58, Симферополь, 1916), «Тамги татарских кладбищ г. Евпатории» («Известия Крымского педагогического института», Симферополь, 1928), «Крымские цыгане» («Записки Коллегии востоковедов», т. 5, Л., 1930), «Народы Крыма и их изучение» (Симферополь, 1931), «Очередные задачи современной крымской этнографии» (Симферополь, 1931), В. И. Филоненко вскоре перешел к фольклористическим, а затем и лингвистическим исследованиям.

Первыми наиболее значительными работами В. И. Филоненко в области фольклористики являются сборники: «Загадки крымских татар» (Симферополь, 1926), «Песни крымских татар» («Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. I, Симферополь, 1927), «„Атлар созы“ — карайские пословицы и поговорки» («Известия Общества истории, археологии и этнографии», т. 3, Симферополь, 1929). «Материалы по изучению карайской народной поэзии» (Симферополь, 1930). Последние работы получили в свое время одобрительный отклик известного польского ориенталиста Т. Ковальского («Kōrósi Czoma Archivum», т. 2, 1930, стр. 369—373).

К позднейшим работам В. И. Филоненко в области фольклора относятся: «Тюрки Крыма — песня о выселении татар из Крыма в Турцию в 1860 году» («Ученые записки Кабардино-Балкарского педагогического института», Нальчик, 1940), «Загадки горцев Северного Кавказа» («Ученые записки Пятигорского педагогического института», т. 15, Пятигорск, 1957), «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» (Нальчик, 1962), «Крымчакские этюды. Из крымчакской этнографии, языка и фольклора» (*Rocznik Orientalistyczny*, Warszawa, 1972).

Значителен вклад ученого в изучение тюркской ономастики. Особого внимания заслуживают его этимологические изыскания по топонимике: «К вопросу о происхождении слова „Уфа“» («Красная Башкирия», № 6, Уфа, 1926) и более поздняя его работа на ту же тему: «К вопросу о происхождении и значении термина „Уфа“» («Ученые записки Пятигорского педагогического института», т. 15, 1957), а также «К вопросу этимологического анализа тюркских гидронимов Крыма» (там же, т. 28), «Этимология географических названий „Эльбрус“ и „Шат“» («Ученые записки Пятигорского педагогического института иностранных языков», 1967); по этнонимии: «К вопросу о происхождении и значении слова „тат“» и «К вопросу о происхождении и значении этнонима „чумак“», оставшиеся в рукописи.

Наибольший интерес для тюрколога-лингвиста представляют работы В. И. Филоненко по тюркскому и отчасти иранскому языкознанию, прежде всего его «Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология» (Нальчик, 1940) и «Вопросы синтаксиса балкарского языка» («Ученые записки Пятигорского педагогического института», т. 21, Пятигорск, 1960). Значительную научную ценность представляют его изыскания, связанные с анализом тюркских лексических элементов в древнерусском и современном русском языке.

На симпозиуме, посвященном тюркским заимствованиям, состоявшемуся в Минске в 1969 году, им был прочитан доклад: «Духовные грамоты Московского государства XIV века». К весьма значительным лингвистическим исследованиям В. И. Филоненко следует отнести также выполненную под его руководством и при его непосредственном участии работу «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору». В этом солидном труде, насыщенном свежим фактическим материалом, с запися-

ми текстов по балкарской диалектологии, тюрколог найдет необходимые данные по всем диалектам балкарского языка. Ценность этой работы заключается в том, что, кроме обширного введения (стр. 1—25), специального исследования по фонетике и отчасти морфологии (стр. 26—65), в ней приведены тщательно выполненные тексты (стр. 66—246) разнообразных жанров фольклора, записанные фонематической транскрипцией с указанием информантов, а также локальной принадлежности каждого текста и снабженные весьма интересными комментариями (стр. 247—314). Наконец, к работе прилагается важный для тюрколога диалектологический словарь (стр. 315—389), в котором каждое слово специальными пометами отнесено к тому или иному диалекту балкарского языка. Собранный специальной диалектологической экспедицией, весь этот материал был обработан и подготовлен к печати руководителем экспедиции В. И. Филоненко при участии В. П. Сухотина и А. М. Аппаева.

Из более ранних работ В. И. Филоненко по восточным языкам следует отметить «Персидскую хрестоматию» (Симферополь, 1922), подготовленную автором в качестве учебного пособия к его лекциям в Крымском государственном университете.

Научные заслуги В. И. Филоненко высоко оцениваются многими тюркологами и ориенталистами, здесь мы упомянем только общие очерки, посвященные его деятельности: Ю. А. Усманов «Профессор В. И. Филоненко» («Совет Башкортостан», 30 июля, 1959, № 177, Уфа, на башкирском языке), Я. Дашкевич. Сходознавец В. И. Филоненко («Архиви України», № 2, Київ, 1967, стр. 29—30), а также «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов», (М., 1974, стр. 277—278).

Трудно переоценить значение 60-летней педагогической деятельности В. И. Филоненко, воспитавшего многочисленных учеников, к числу которых принадлежат известные русисты и тюркологи.

Необыкновенно мягкий, отзывчивый и скромный человек, В. И. Филоненко как педагог отличался высокой требовательностью и принципиальностью.

Прожив долгую, интересную, исполненную творческого горения, жизнь, В. И. Филоненко вошел в историю науки как достойный ее представитель и оставил о себе добрую память как прекрасный человек.

Н. А. Баскаков

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- А. П. Володин, В. С. Храковский (Ленинград). Функционально-типологическая характеристика императива 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Ж. М. Гузев (Нальчик). Орфография русских заимствований в карачаево-балкарском языке 13

ОНОМАСТИКА

- Б. И. Татаринцев (Кызыл). Местные географические термины северо-восточной Тувы 18

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- П. И. Кузнецов (Москва). О грамматических категориях имени существительного в турецком языке 27
В. Г. Гузев (Ленинград). О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке 36
Л. Р. Кызласов (Москва). «Древнетюркские» неурядицы 44

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- У. Доспанов (Нукус). Опыт создания диалектологического словаря каракалпакского языка и задачи диалектной лексикографии 47
Вл. Дримба (Бухарест). Исследования по тюркской филологии в Румынии 52

РЕЦЕНЗИИ

- К. Н. Велиев, А. А. Зейналов (Баку). Тофиг Начыјев. Азәрбајҹан әдәби дили тарихи 69
Ф. Ганиев, Ф. Мусин (Казань). М. Х. Гайнуллин. Татарская литература XIX века 71
Д. Насыров (Нукус). Н. Ражабов. Ўзбек тилининг ғарбий Самарқанд шевалари 73
А. Курбанов (Баку). Ә. Ч. Шүкүров, А. М. Мәһәррәмөв. Гәдим түрк јазылы аби-дәләринин дили 76

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. В. Емельянов (Якутск). Всесоюзная конференция фольклористов 79
А. О. Мусинов (Алма-Ата). «Художественные искания в современной советской многонациональной литературе» 80

PERSONALIA

- А. И. Исаков, К. Ш. Хусаинов (Алма-Ата). Гайнетдин Галиевич Мусабаев 84
Н. А. Баскаков (Москва). Гуннар Ярринг 86
Н. Дж. Мамедов (Баку). Мирзаага Юзбаши оглы Гулизаде 88

<i>Е. И. Коркина, Н. Е. Петров</i> (Якутск). Елизавета Ивановна Убрятова	90
<i>Р. Г. Сыздыкова</i> (Алма-Ата). Маулен Балакаевич Балакаев	93
<i>З. И. Будагова</i> (Баку). Селим Абдуллатиф оглы Джафаров	96

ХРОНИКА

«Публицистический стиль азербайджанских революционных демократов»	98
«Типология восточного романического эпоса и формирование азербайджанского романа»	99
«Азербайджанская советская поэзия на русском языке»	99
«Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке»	100
«Особенности синтаксиса узбекского устного народного творчества»	101
«Азербайджанская лирика XVIII века»	102
«Восточнокыпчакские (джекающие) говоры и их участие в развитии узбекского литературного языка»	102
«Стилистика глагола в современном узбекском литературном языке»	103

НЕКРОЛОГИ

<i>Х. Мухиев</i> (Ашхабад). Мамедназар Хыдыров	105
<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). Виктор Иосифович Филоненко	106

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>A. P. Volodin, V. S. Khrakovsky</i> (Leningrad). Functional-typological characteristic of imperative	3
---	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>Zh. M. Guzeyev</i> (Nalchik). The orthography of Russian borrowings in the Karachai-balkar language	13
--	----

ONOMASTICS

<i>B. I. Tatarintsev</i> (Kizil). Local geographic terms of North-Eastern Tuva	18
--	----

DISCUSSIONS

<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). On grammatical categories of the noun in the Turkish language	27
<i>V. G. Guzev</i> (Leningrad). On extended parts of the sentence introduced by verbal nouns in modern Turkish language	36
<i>L. R. Kyzlasov</i> (Moscow). «Ancient Turkic» messes	44

REPORTS, SURVEYS

<i>U. Dospanov</i> (Nukus). The experiment of compiling of dialect dictionary of the Karakalpak language and the problems of dialectal lexicography	47
<i>Vi. Drimba</i> (Bucharest). Researches on the Turkic philology in Roumania	52

REVIEWS

<i>K. N. Veliyev, A. A. Zeinalov</i> (Baku). Тофиг Начыјев. Азәрбајҹан әдәби дили тарихи	69
<i>F. Ganiyev, F. Musin</i> (Kazan). М. Х. Гайнуллин. Татарская литература XIX века	71
<i>D. Nasyroov</i> (Nukus). Н. Ражабов. Ўзбек тилининг ғарбий Самарқанд шевалари	73
<i>A. Kurbanov</i> (Baku). Ә. Ч. Шүкүров, А. М. Мәһәррәмов. Гәдим түрк җазылы абидәләринин дили	76

SCIENTIFIC LIFE

<i>N. V. Yemelyanov</i> (Yakutsk). All-Union conference of folklorists	79
<i>A. O. Musinov</i> (Alma-Ata). «Artistic searches in modern soviet multinational literature»	80

PERSONALIA

<i>A. I. Iskakov, K. Sh. Khusainov</i> (Alma-Ata). Gainetdin Galiyevich Musabayev	84
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Gunnar Jarring	86
<i>N. Dzh. Mamedov</i> (Baku). Mirzaaga Yuzbashi ogly Gulizade	88
<i>E. I. Korkina, N. E. Petrov</i> (Yakutsk). Elizaveta Ivanovna Ubryatova	90
<i>R. G. Syzdykova</i> (Alma-Ata). Maulen Balakayevich Balakayev	93
<i>Z. I. Budagova</i> (Baku). Selim Abdullatif ogly Djafarov	96

CHRONICLE

«Publicistic style of Azerbaijan revolutionary democrats»	98
«Typology of Eastern romantic epos and formation of Azerbaijan novel»	99
«Azerbaijan soviet poetry in the Russian language»	99
«Suffixal word-formation in modern Tatar literary language»	100
«Peculiarities of syntax of Uzbek oral people's art»	101
«Azerbaijan lyric poetry of the XVIII-th century»	102
«East Kipchak (djekayuschiye) dialects and their participation in the development of Uzbek literary language»	102
«Stylistics of the verb in modern Uzbek literary language»	103

OBITUARIES

<i>Kh. Mukhiyev</i> (Ashkhabad). Mamednazar Khydyrov	105
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Victor Iosifovich Filonenko	106

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова*

Сдано в набор 26/IX-1977 г. Подписано к печати 21/II-1978 г. ФГ 08613. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 11,5. Уч. изд. л. 10,5. Заказ 6050.
Тираж 2780. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.